

1949

ВОКРУГ ЦЕЛЮСЬ

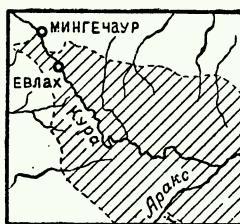
№ 11
НОВАБРЬ

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ

КАРТА

В РАЙОНЕ «МИНГЕЧАУРСКОГО МОРЯ»

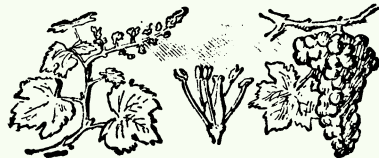

По плану послевоенной сталинской пятилетки в Азербайджане, в том месте, где река Кура прорезает невысокий горный хребет Боз-Даг, сооружается гигантская плотина, которая даст начало обширному искусственному водохранилищу — «Мингечаурскому морю». До миллиона гектаров ранее бесплодной земли будет орошаться куриной водой, а на перепаде ее будет создана гидростанция — одна из самых мощных в СССР. Сейчас в районе строительства возник также и новый город Мингечаур. В городе сооружены кварталы жилых домов. Дом культуры, летний театр, библиотека, созданы медицинские и детские учреждения. Более 20 тысяч деревьев высажено в Мингечауре — самом юном городе Азербайджанской республики.

На карте кривой штриховкой показан новый район орошения.

ВИНОГРАДНЫЙ СОВХОЗ В БЕЛОРУССИИ

В Пружанском районе Брестской области организован первый в республике виноградный совхоз. Виноград в Белоруссии — замечательное достижение; оно стало возможным только благодаря настойчивому труду сотен опытников, выращивающих мичуринские сорта винограда. Начало этим опытам было положено еще до войны, когда в Белоруссии были получены черенки и семена мичуринских сортов. В настоящее время тысячи черенков рассылает опытным Институт ботаники Академии наук БССР. Вновь организованный совхоз будет снабжать черенками колхозы и совхозы республики.

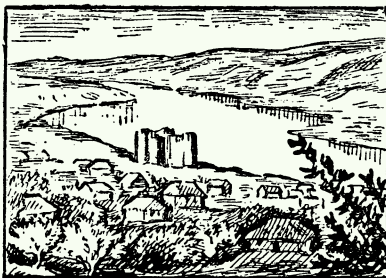

НА РОДИНЕ И. П. ПАВЛОВА

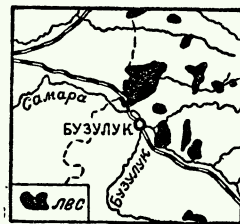
Советский народ по праву гордится своим выдающимся представителем, великим русским естествоиспытателем-материалистом И. П. Павловым. Столетнюю годовщину великого физиолога широко отмечали и его земляки — рабочие, колхозники и советская интеллигенция Рязанской области. В Рязани сохранилось много мест, связанных с именем Павлова: дом и усадьба его семьи, здания школ, где он учился, роши и парки, в которых он часто бывал. Сейчас в доме Павловых создан музей. Одна из улиц города и лучший городской сквер носят имя великого ученого.

Научные работники Ботанического института имени В. Л. Комарова Академии наук СССР провели в этом году интересные экспедиции в различные районы нашей страны. Группа, работавшая в Калининградской области, собрала материалы для составления карты лесных богатств и кормовых угодий области. На территории Молдавской ССР и Закарпатской области Украины ученые выяснили возможность продвижения культуры чая в новые районы страны. Советские ботаники приняли также участие в работах по ползащитным насаждениям и по травополюсной системе земледелия.

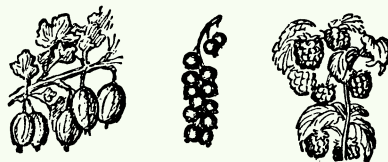
ЛЕСНОЙ ЗАПОВЕДНИК

Крупнейший на юго-востоке лесной заповедник создан на основе Бузулукского бора, занимающего 112 тысяч гектаров на границе Куйбышевской и Чкаловской областей. В этом году в заповеднике произведены новые посадки леса на площади 1 250 гектаров, создан крупный лесопитомник, выращивающий посадочный материал для засушливых районов юго-востока. В питомнике широко применяется современная техника искусственного дождевания, созданы две лесозащитные станции. До 7 миллионов молодых деревьев отправил в этом году колхозам и совхозам питомник Бузулукского бора.

У МИЧУРИНЦЕВ ЗАПОЛЯРЬЯ

Самый северный в нашей стране мичуринский опорный пункт находится в районе поселка Мурмаши Мурманской области. Сотрудниками пункта проведены научные работы по отбору и выведению новых сортов ягодников для Кольского полуострова. До семидесяти видов кустарников и плодовых деревьев было высажено весной этого года в открытый грунт, и все эти растения хорошо развились, несмотря на неблагоприятные метеорологические условия. Опыты показали полную возможность распространения здесь таких культур, как крыжовник, смородина и малина. Коллектив опорного пункта выращивает саженцы северных сортов для колхозов и совхозов Мурманской области.

1949

ВОКРУГ СВЕТА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

Журнал основан в 1861 году

№ 11
Ноябрь

Да здравствует 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!

БОЛГАРСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В БОРЬБЕ ЗА СОЦИАЛИЗМ

В. БОГАТЫРЕВ

32 года назад Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в развитии человеческого общества — эру социализма. По примеру Советского Союза ныне страны народной демократии встали на путь социалистического строительства. Об успехах строительства социализма в Болгарии и участии в нем молодежи рассказывает выставка «Болгарская молодежь в борьбе за социализм», открывшаяся в Москве 25 сентября 1949 года.

Выставка организована Антифашистским комитетом советской молодежи и ЦК Димитровского союза народной молодежи Болгарии. Выставка состоит из нескольких разделов, отражающих борьбу болгарской молодежи против фашизма, ее участие в освободительной войне и послевоенном строительстве.

Первый раздел выставки посвящен самоотверженной борьбе прогрессивной болгарской молодежи с фашизмом и реакцией в стране до 9 сентября 1944 года.

Борьбой болгарской молодежи руководила коммунистическая партия во главе с товарищем Димитровым и ее верный помощник — Рабочий молодежный союз (РМС). Во время фашистской диктатуры члены РМС организовывали забастовки, участвовали в партизанской борьбе.

Партизанские отряды состояли на 70 процентов из молодежи. Они пускали под откос эшелоны противника, организовывали саботаж и диверсии на военных предприятиях.

На одном из стендов выставки несколько фотографий, изображающих взорванный фашистский эшелон — один из эпизодов боя партизанского отряда с фашистами — и молодых партизан в походе. Фашисты беспощадно расправлялись с молодыми патриотами. Около 15 тысяч юношей и девушек были заключены в концлагери. Более 4 тысяч — брошены в тюрьмы.

Вот портреты пяти выдающихся руководителей демократической болгарской молодежи — секретарей ЦК РМС Иорданки Чанковой и Сапо Димитрова и членов ЦК Адальберта Антонова, Свилены Русева и Лиляны Димитровой.

Преследуя фашистского зверя, в Болгарию вступила Советская Армия. На стендах — фотографии, изображающие радостную встречу болгарским народом своих освободителей, а также совместную борьбу советских и болгарских частей с немецко-фашистскими захватчиками.

Материалы выставки рассказывают об участии болгарских юношей и девушек в строительстве новой Болгарии.

Политические и экономические преобразования, происшедшие в Болгарии после ее освобождения Советской Армией, коренным образом изменили положение трудящейся молодежи.

Молодежь получила подлинно демократические избирательные права, право свободно создавать свои прогрессивные организации. Дети рабочих и крестьян получили свободный доступ к образованию. В лице нового, демократического правительства трудящаяся молодежь видит народную власть, повседневно заботящуюся о нуждах молодежи. Все это обусловило огромный подъем политической активности молодежи и ее участие во всех областях хозяйственной, культурной и общественной жизни страны.

Преодолев сопротивление реакционных элементов, проповедывавших сектанство, организационную разобщенность и взаимную вражду, прогрессивные молодежные организации Болгарии стали на путь объединения в национальном масштабе, на путь единства действий.

Раньше в Болгарии было несколько молодежных организаций. Наиболее крупными среди них были: Рабочий молодежный союз (РМС), Земледельческий молодежный союз (ЗМС) и Социалистический союз молодежи. Ведущей организацией являлся Рабочий молодежный союз, работавший под руководством Болгарской рабочей партии коммунистов и объединявший трудящуюся молодежь. По мере укрепления народной власти в стране росло и крепло и единство молодежи. В 1946 году Национальный конгресс молодежи, на котором были представлены все политические, спортивные, культурные молодежные организации, принял решение о создании объединенного Центрального Комитета демократической молодежи и комитетов демократической молодежи на местах для руководства деятельностью всех молодежных организаций.

В ноябре 1947 года состоялся учредительный конгресс молодежи, на котором был образован Союз народной молодежи Болгарии. К январю 1948 года в рядах союза состояло 525 тысяч юношей и девушек. Сейчас в Союзе состоит более 700 тысяч членов.

После смерти вождя болгарского народа товарища Димитрова эта организация переименована в Димитровский союз народной молодежи.

Димитровский союз народной молодежи ставит своей задачей воспитание молодежи в духе марксизма-ленинизма, воспитание молодых строителей и граждан будущего социалистического общества.

Члены Димитровского союза народной молодежи, руководимые компартией Болгарии, являются активными строителями новой жизни. За их трудовой героизм Болгарское правительство наградило союз орденом 9 сентября и золотым орденом Труда. На выставке изображения этих орденов помещены на стенде, посвященном деятельности союза.

За время, истекшее после освобождения Болгарии от фашизма, болгарский народ, руководимый компартией, за несколько лет достиг больших успехов в социально-экономическом и политическом преобразо-

вании страны. Эти успехи позволили Болгарии стать на путь построения социализма. В 1947 году была проведена национализация промышленности и банков. У помещиков и кулаков была отобрана земля. Стали создаваться трудовые кооперативные сельскохозяйственные хозяйства.

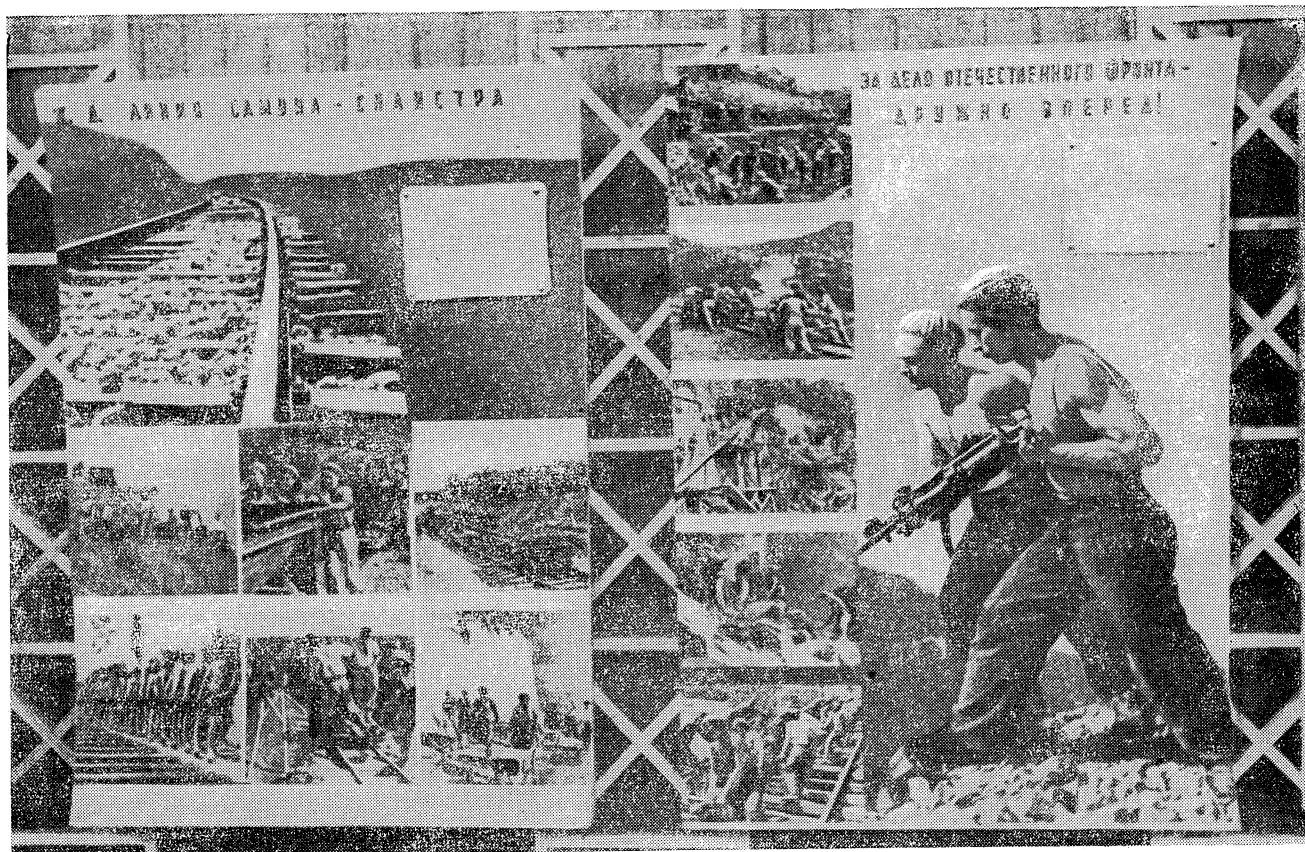
Новая, Димитровская Конституция обеспечила трудящимся свободный созидательный труд, широкие демократические права. В Конституции говорится: «Государство уделяет особое внимание общественному, культурному, трудовому и физкультурному воспитанию молодежи». Болгарская молодежь активно участвует в управлении государством. В Великое народное собрание — высший законодательный орган страны — избрано 14 молодых представителей народа. В местные народные Советы избраны сотни представителей лучшей трудящейся молодежи.

Благодаря братской помощи Советского Союза и трудовому героизму трудящихся Болгарии успешно был выполнен двухлетний хозяйственный план (1947—1948 гг.), который предшествовал пятилетнему.

Болгарская молодежь приняла активное участие в выполнении двухлетнего хозяйственного плана. В стране возникло массовое молодежное бригадирское движение. Этому движению посвящен один из самых

Стенд, посвященный Димитрову.

Стенд — болгарская молодежь на стройке.

крупных разделов выставки. В 1945 году была создана первая молодежная национальная бригада, участвовавшая в строительстве перевала Хакин—Боаз. В 1947 году в ее составе работало около 85 тысяч человек. Они досрочно закончили строительство железнодорожного перевала Перник—Волуяк. В 1948 году в строительных бригадах безвозмездно трудились на пользу родины уже 250 тысяч юношей и девушек. Помимо национальных бригад, возникла местная, в которых молодежь трудится для переустройства своего города или села.

Работая в этих бригадах, молодежь строит новые школы, больницы, клубы, шоссе, электростанции и т. д. В 1948 году руками молодежи были построены новые железнодорожные линии, мосты, тоннели, оросительные каналы, шоссе, горные дороги и несколько электростанций. Члены молодежных бригад сэкономили государству миллионы левов.

По примеру советских комсомольцев, построивших Комсомольск на Амуре, молодежь Болгарии строит на реке Марице второй молодежный город в мире — Димитровград.

Многочисленные фотографии и рисунки выставки показывают бригадиров за работой по сооружению новых дорог, плотин, предприятий, а также за учебой, на отдыхе, на занятиях по спорту.

Говоря об огромном значении бригадирского движения, вождь болгарского народа товарищ Димитров заявил: «Все наши бригады, которые работают на национальных и местных объектах, будут морально удов-

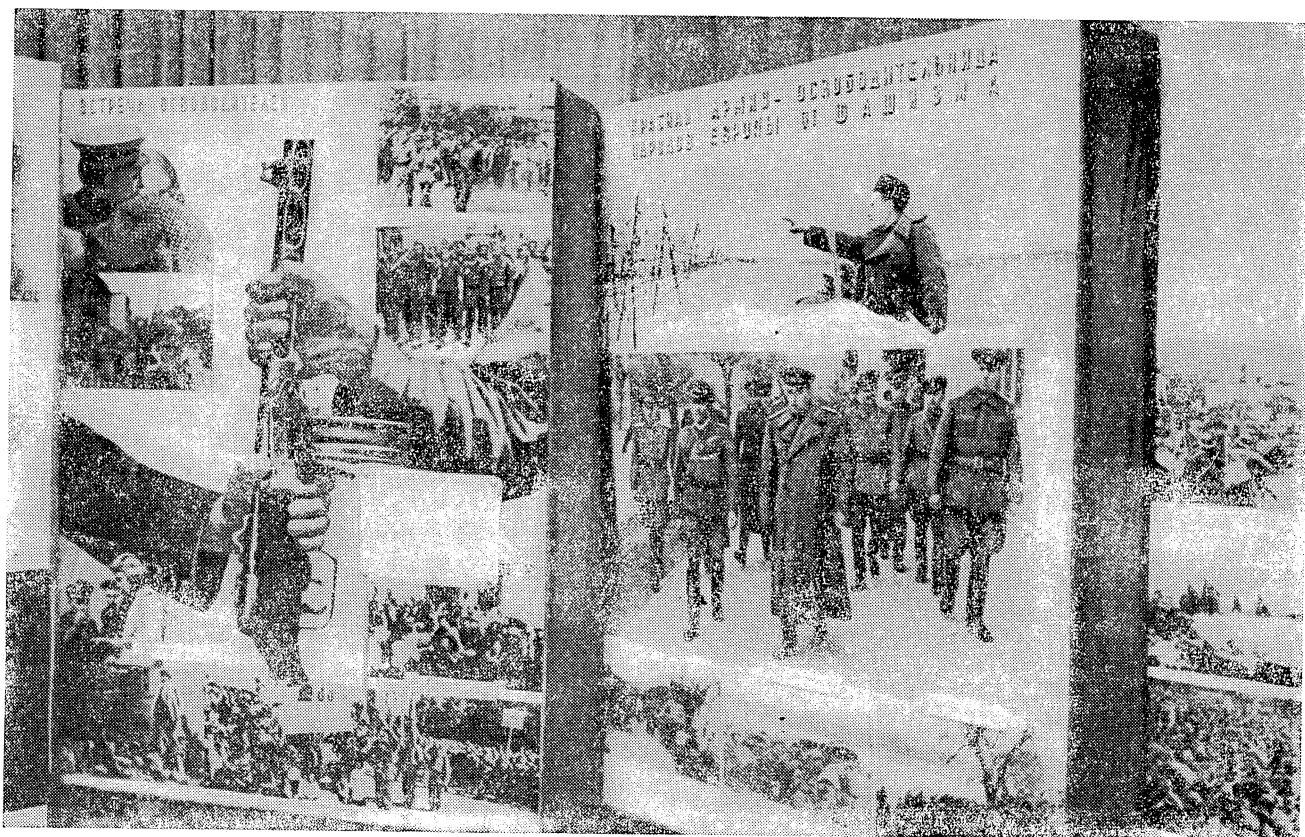
летворены тем, что были строителями нашей народной республики, что расчищали путь для построения социализма в нашей стране».

На предприятиях Болгарии созданы молодежные смешанные производственные бригады, в которых участвует около 30 тысяч юношей и девушек. Многие из них награждены правительственными наградами. Они используют опыт советских бригад отличного качества продукции.

Борясь за высокую производительность и снижение себестоимости продукции, молодежь внедряет новые, усовершенствованные методы труда, рационализирует производство.

По примеру советских многостаночников молодая стахановка с фабрики «1 Мая» Маруся Толерова в 1946 году перешла с 2 на обслуживание 12 станков, положив этим самым начало движению многостаночников Болгарии. Сотни молодых рабочих стали вслед за ней многостаночниками. Маруся Толерова награждена правительством золотым и двумя серебряными трудовыми орденами. На выставке можно увидеть ее большой портрет. Работающая на этом же предприятии 20-летняя Виолетта Барбанкова тоже награждена орденом: она работает на 14 станках вместо 2 по норме. На стольких же станках работает орденосец Гипа Андреева из Габрово. Она избрана депутатом народного Совета.

Бригада «Сима Димитров» из шахты в городе Перник по примеру советского шахтера-стахановца Борискина ввела многозабойный метод работ. Эта бригада уже

Стенд — боевая дружба Советской и Болгарской армий.

17 августа 1948 года в честь V съезда болгарской компартии выполнила задание 1949 года на 140 процентов.

Молодежная бригада «Червена звезда» из города Варны выполнила свой двухлетний план за год и два месяца. Молодой каменщик Владо Георгиев ввел скростной метод кладки кирпича. Если даже опытные мастера раньше могли уложить 2—3 кубометра кирпича, то сейчас, по методу Владо Георгиева, они укладывают 10—12 кубометров в день.

В настоящее время болгарская молодежь принимает активное участие в выполнении первого пятилетнего плана развития народного хозяйства (1949—1953 гг.). В результате выполнения этого плана страна должна превратиться из аграрной в индустриально-аграрную.

Сельская молодежь активно борется за построение социализма в деревне. Этой борьбе посвящен специальный раздел выставки.

В стране создаются трудовые кооперативные земельные хозяйства (ТКЗХ) и МТС. В настоящее время насчитывается 1 620 ТКЗХ и 71 МТС. Молодежь стала самым активным участником социалистического соревнования в сельском хозяйстве. В трудовых кооперативных земельных хозяйствах юноши и девушки по примеру молодых рабочих создают молодежные бригады, являющиеся инициаторами борьбы за высокий урожай.

В ТКЗХ создано 128 крупных молодежных бригад, которые охватывают 12 тысяч юношей и девушек. За этими бригадами и звеньями закреплены обрабатываемые

площади земли, инвентарь, рабочий скот. Многочисленные фотографии этого раздела показывают труд сельских молодежных бригад, молодых механизаторов, учебу крестьянской молодежи по овладению передовой мичуринской агробиологической наукой.

* * *

Выставка повествует и о культурном росте болгарской молодежи.

В новой Болгарии быстрыми темпами развиваются все виды культурного строительства. Партия и правительство особое внимание уделяют народному просвещению. В настоящее время каждый шестой гражданин учится. В начальных школах обучается 800 тысяч детей, то-есть почти все дети школьного возраста. В средних школах учится свыше 200 тысяч юношей и девушек. Около 45 тысяч студентов учится в вузах, в то время как до 9 сентября 1944 года в вузах страны было всего лишь 15 тысяч студентов. Соответственно изменились и программы учебных заведений.

В стране ведется большая работа по повышению образования и квалификации молодых рабочих и служащих. До 9 сентября в Болгарии не было ни одного вечернего учебного заведения. В настоящее время в стране работают 32 вечерние гимназии, в которых учатся 7 633 молодых рабочих и служащих.

Народная власть предоставила рабочей молодежи все возможности для приобретения профессии или повышения квалификации. В 1947 году в Болгарии были открыты фабрично-заводские школы. В 1948—

1949 годах они дали стране первый отряд квалифицированных рабочих.

На предприятиях для рабочей молодежи созданы курсы повышения квалификации. Таких курсов в 1947 году было свыше 700 и обучалось на них более 20 тысяч юношей и девушек. В 1948 году было открыто еще более 390 курсов, с охватом около 16 тысяч молодых рабочих.

Кроме того, было организовано много других специальных курсов, как, например, курсы трактористов, агротехнические курсы для сельскохозяйственной молодежи и курсы по ликвидации неграмотности.

* * *

Народная власть создала все условия для счастливого детства болгарских детей. Об этом рассказывает особый раздел выставки. Важное значение в воспитании детей имеет создание пионерской организации «Септемвричче».

Болгарская детская организация «Септемвричче» насчитывает в своих рядах более 750 тысяч членов. В Болгарии нет даже самого отдаленного маленького села, где бы не работала организация «Септемвричче». Организация «Септемвричче» — это прежде всего первый помощник учителя в школе. Главным патри-

стическим долгом членов «Септемвричче» является отличная учеба. Во всех больших городах страны открыты и строятся новые дома «Септемвричче» по образцу советских домов пионеров. Но самым радостным событием для пионеров всей Болгарии является строящийся детский городок с большими парками, стадионами, детской железной дорогой.

В прошлом году на берегу Черного моря и в живописных горных местностях отдыхало свыше 45 тысяч детей.

Детская организация имеет и свои печатные издания: газету «Септемвричче» и журнал «Бодра смена». Организация «Септемвричче» работает под непосредственным руководством Димитровского союза народной молодежи. Ее члены ведут переписку с пионерами СССР. У советских пионеров они учатся тому, как надо любить свою родину и отдавать все силы на ее благо.

Болгарская молодежь имеет все условия для культурного отдыха. О них рассказывает последний раздел выставки.

Димитровская Конституция обеспечила гражданам право на отдых. За короткое время народная власть создала широкую сеть домов отдыха. В 1948 году 180 тысяч трудящихся города и деревни получили возможность отдыхать и лечиться в лучших санаториях и домах отдыха страны. На лучших курортах Болгарии отдыхает трудящаяся молодежь. Такие курорты, как Чанкюрия, Костянец, Варна и другие, раньше были доступны только для буржуазии, а сейчас там набираются сил и здоровья трудящаяся молодежь городов и сел, учащиеся и студенты.

В стране построено много изб-читален, театров. Только на промышленных предприятиях работает 5 480 библиотек. Под руководством коммунистической партии и Димитровского союза народной молодежи начало развиваться народное самодеятельное художественное творчество. За последний период работало более 2 500 молодежных художественных коллективов. Организации «Септемвричче» создали сотни детских коллективов художественной самодеятельности. В стране каждый год проводятся местные и национальные смотры художественной самодеятельности. Достижения болгарской художественной самодеятельности получили международное признание. На Пражском фестивале молодежи в 1947 году хор болгарской молодежи получил второе место, а танцевальная группа — третье место. На Международном фестивале молодежи в Будапеште в этом году детский хор «Бодра смена» организации «Септемвричче» занял первое место, студенческий хор «Академик» — второе, молодежная танцевальная группа — тоже второе.

Больших успехов достигло физкультурное движение. Если до 9 сентября 1944 года в стране имелось всего 700 спортивных организаций, то в настоящее время их насчитывается более 3 тысячи, с числом членов 500 тысяч человек.

Большой популярностью пользуются массовые физкультурные кроссы, спортивные физкультурные празднества, в которых принимают участие сотни тысяч юношей и девушек.

По пятилетнему народнохозяйственному плану на развитие физкультуры и спорта предусмотрено израс-

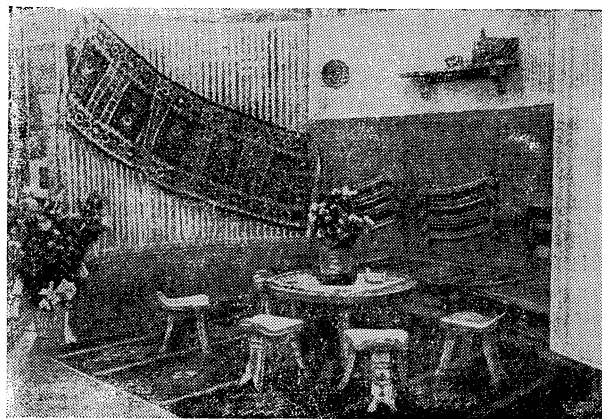
Стенд — болгарские пионеры.

ходовать 600 миллионов левов. Запланировано строительство национальных физкультурных комбинатов, высшее училище, физкультурный городок, стадион в Софии, спортивный парк «Динамо» и физкультурный комбинат в Плевне, Шумине, Пловдиве, Варне, Русе.

Физкультура в новой Болгарии сейчас представляет собою нераздельную часть социалистического воспитания молодежи.

Молодое поколение Болгарии живет кипучей, полнокровной жизнью.

Под руководством компартии Болгарии, при братской поддержке Советского Союза болгарский народ и его молодежь ведут мужественную борьбу за преодоление экономической отсталости страны, за построение социализма. Болгарская молодежь использует богатый опыт передового отряда демократической молодежи мира — советской молодежи.

Один из уголков выставки.

В Софии (столица Болгарии) открыты сельскохозяйственная академия и Высшее театральное училище, в городе Русе — Высшее техническое училище, в Пловдиве — Государственный университет с сельскохозяйственным и медицинским факультетами. В высших учебных заведениях других городов открыт ряд новых факультетов.

В высших учебных заведениях создана аспирантура, учебные программы пересмотрены и в них введены разделы, заимствованные из программ советских вузов. В числе учебников, выпущенных в текущем году, имеется более ста, написанных советскими авторами.

В Польше, в Щецине (Штеттине), строится новая пристань, которая будет обслуживать корабли с грузами Чехословакии. Строительством пристани руководят совместно польские и чехословацкие инженеры и техники. С вводом в строй этой пристани Чехословакия получит возможность значительно увеличить транспортировку своих грузов через щецинский порт.

В Албании закончилось строительство железнодорожной ветки, связывающей Кашар с промышленным районом Тирана, а последний — с главной железнодорожной линией Тирана—Дуррес. Эта дорога, протяжением в 7 километров, построена трудящейся молодежью Албании. В строительстве принимало участие

В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

около 2 тысяч молодых добровольцев, прибывших сюда со всех концов Албании.

В городе Тыргу-Жиу в Румынии областной филиал Румынского общества по укреплению дружественных связей с СССР открыл Дом культуры имени А. С. Пушкина.

В Доме культуры собраны произведения нашего великого поэта на русском и румынском языках, биографические материалы, фотографии, рисунки.

Десятки трудящихся города Тыргу-Жиу и окрестных деревень посещают ежедневно Дом культуры. Румынский народ с большой любовью относится к Пушкину и чтит его память.

В Румынии на трассе канала Дунай — Черное море все шире развертываются подготовительные работы. Всего на этой грандиозной стройке будет занято до 160 тысяч человек.

Канал оздоровит обширную заболоченную территорию по нижнему течению Дуная, а также сделает годными для обработки неиспользуемые ныне тысячи гектаров земли и оживит малонаселенную и экономически отсталую область Румынии.

Параллельно с трассой канала будет проложена железная дорога.

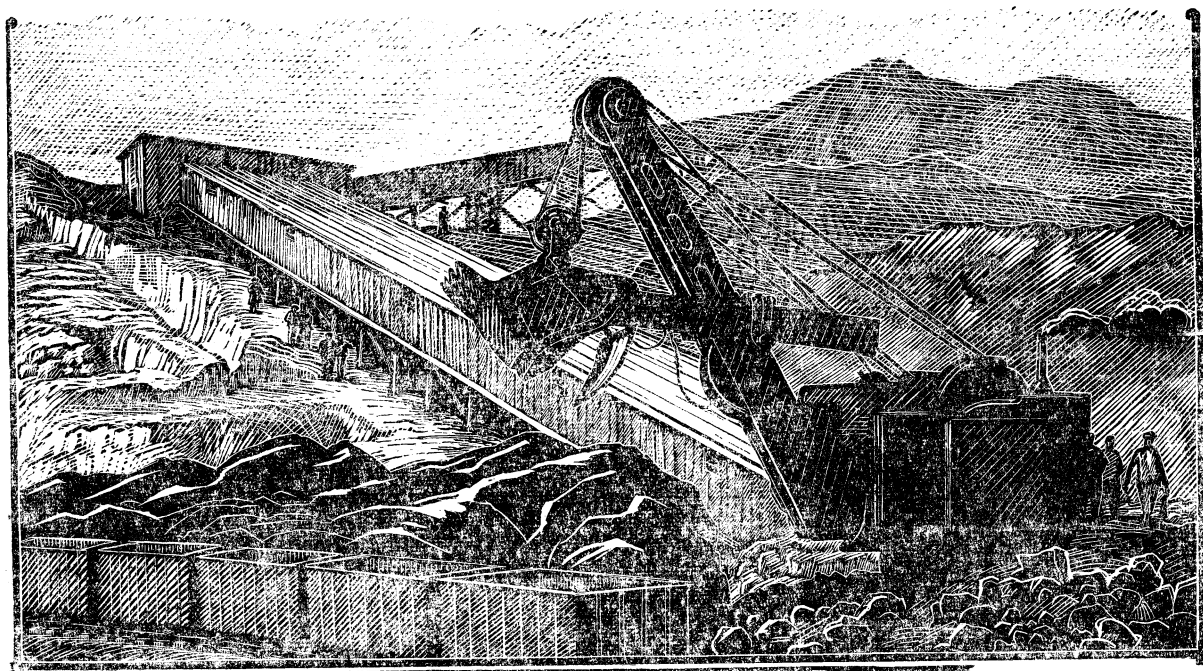
В городах Мареке и Бобов-Доле (юго-западная часть Болгарии) в сентябре было отпраздновано открытие вновь выстроенной железной дороги, соединившей названные города.

Новая железная дорога, протяжением в 20 километров, связала богатый углем Бобовдольский район с железнодорожными магистралями страны.

Постройка новой железной дороги, как отмечали ораторы, выступавшие на торжественных митингах в честь ее открытия, оказалась возможной благодаря ценной помощи необходимыми материалами и оборудованием, оказанной братским Советским Союзом.

В Польше намечена постройка металлургического завода — самого мощного в стране. Место для постройки завода избрано недалеко от Кракова, с которым он будет соединен автострадой, уже строящейся. Возле завода возникнет новый город, создаваемый с учетом опыта социалистической планировки городов в Советском Союзе. Сейчас здесь уже построено 32 капитальных здания для рабочих—строителей завода, а в 1950 году к ним прибавится еще 150. Через несколько лет это будет большой город с населением в 100 тысяч человек, лишь в три раза меньше, чем в Кракове.

Строительство первой очереди заводских зданий начнется в 1950 году. Большую помощь в стройке завода оказывает Советский Союз.

В КУЗБАССЕ

Н. Н. МИХАЙЛОВ,
лауреат Сталинской премии

Если Степной Алтай — главный сельскохозяйственный уступ Сибири, то Кузбасс — ее индустриальный уступ. Там — пшеница, здесь — уголь и металлы.

Чтобы попасть в областной центр Кузбасса — город Кемерово, проедем из Новосибирска дальше на восток по главной Сибирской магистрали и на станции Юрга свернем на юг, направо.

Слегка волнистая равнина, на ней — березки. Иногда они сбегаются вместе и образуют рощицы, но чаще стоят поодиночке.

Если бы сошли мы с поезда да походили по этой Кузнецкой котловине, зажатой в вилке двух отрогов Алтая — Кузнецкого Ала-Тау и Салаирского кряжа, то, может быть, нашли бы норки сурков, возле которых — черная кучка. Это уголь.

Кузнецкий бассейн — один из самых богатых угольных бассейнов в мире. Пласты его отличного, малозольного, малосернистого угля в иных местах достигают мощности шестнадцати метров и даже больше — это примерно высота пятиэтажного дома! Трудно даже представить, как древесные массы, превращаясь в уголь и спрессовываясь, образовали такие невероятные толстые слои.

Во многих местах угольные пласты в Кузбассе лежат совсем неглубоко, даже выходят

на поверхность. В таких местах сурки, делая свои норки, и высыпают наружу уголь, смешанный с землей. Черные кучки у их норок похожи на терриконы, которые образуются от проходки шахт.

А вот и первый на нашем пути террикон. Высокая черная гора, издали напоминающая египетскую пирамиду, но не граненая, а конусообразная. Возле террикона — копер шахты. Вокруг — шахтерский поселок.

Таких терриконов, шахт и поселков мы увидим много, пока пересечем весь Кузбасс. А так как Кузбасс большой, то нас в начале или в конце пути почти наверняка успеет застать ночь, и мы увидим, как в темноте склоны некоторых терриконов пылают. По ним бегают красное и лиловое пламя.

Это просто куски угля самовозгораются на воздухе, но кажется, будто гигантские факелы зажжены над Кузбассом в честь нелегкого, но великого труда наших шахтеров, побуждающих каменные недра ради блага родины.

Есть за что восславить шахтеров Кузбасса. В 1949 году они перевыполнили свои обязательства по сверхплановой добыче угля. А знатный бригадир забойщиков Герой Социалистического Труда депутат Верховного Совета СССР Петр Усов завершил, например, в июне шесть годовых норм. Шахтеры Кузбасса идут к выполнению пятилетки в четыре года.

Поезд останавливается у вокзала в Кемерово — и тут тоже мы видим языки огня: от вокзала начинаются корпуса заводов, где в печах пережигается уголь, и пламя вспыхивает то здесь, то там. Это еще и город энергетики, также основанной на угле. Над городом высится громадное серое здание электростанции с черными трубами. Они дымят, долетает какой-то скрежет, — и кажется, что это исполинский броненосец плывет над городом.

Кемерово выросло из села. Еще сохранились улочки с деревянными домами сибирского типа: черный от времени сруб из толстых бревен, массивная и крутая крыша из досок со скатами на четыре стороны и с огромными карнизами, ставни на окнах.

Но это старое сибирское село спряталось куда-то в ложбину, а на плоском, видном месте поднялся новый многоэтажный каменный город. Он выходит на высокую набережную, усаженную тополями, — и с набережной открывается широчайший вид на Томь, на большой мост-новостройку, на увалы противоположного берега, поросшие сосной, на далекие села. Могучие сибирские просторы кажутся бескрайними, беспредельными...

А над просторами, прямо против города, за рекой, на вершине горы высится гигантской башней электромачта; она шутя держит на весу над широкой рекой тяжелый кабель, уходящий куда-то вдаль; и вся панорама подчинена этому выражению силы, будто не мачта держит кабель над сибирской рекой, а гигантская рука поддерживает его, связывая все эти просторы, всю эту необъятную, широкую, неисчислимо богатую Сибирь.

Когда проезжаешь на поезде в южную часть Кузбасса, города встречаются, можно сказать, на каждом шагу. Это города шахтерские: где крупное месторождение угля, — там и город. Вот отрезок в сто километров: Ленинск-Кузнецкий, Белово, Киселевск, Прокопьевск, Сталинск... А между этими крупными городами есть еще и рабочие поселки.

За самым малым исключением шахты есть в каждом городе Кузбасса. Но не в каждом городе — только шахты. Здесь построены еще и металлургические, химические, машиностроительные заводы.

Чисто шахтерский город сразу отличишь от города машиностроителей или металлургов. Там город плотной массой вырастает у большого завода; в городе угольщиков кварталы разбросаны соответственно тому, как разбросаны шахты.

Угольный город в Кузбассе обычно занимает большое, слегка холмистое пространство, над которым в одних местах поднимаются копры и терриконы, в других — группы каменных домов. А между этими «ядрами» сотни небольших шахтерских домиков и свободные, незанятые земли. Пространства эти сейчас

быстро заполняются новыми домами, которые в огромном количестве строят наше советское государство для шахтеров.

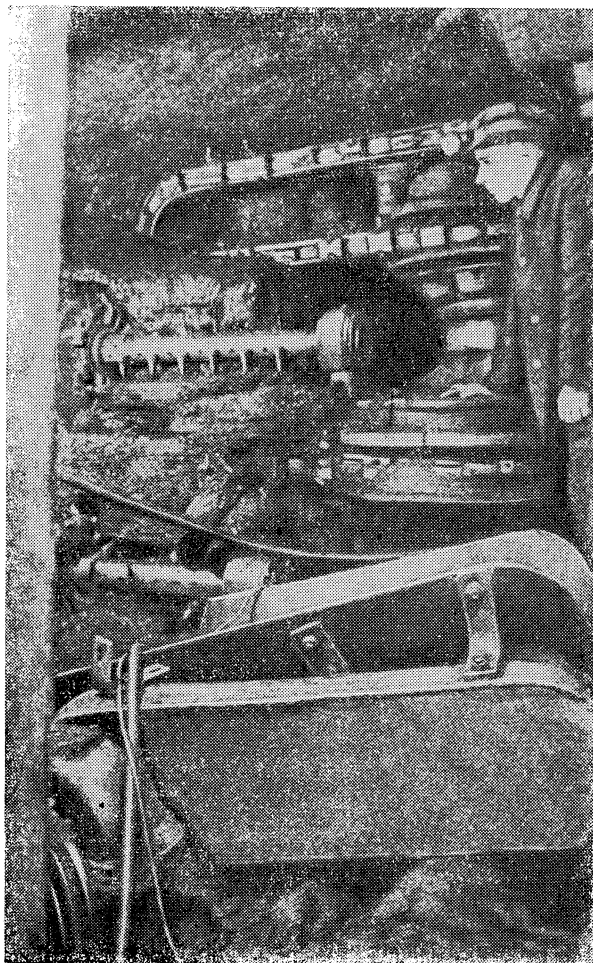
Город, следовательно, состоит из нескольких более мелких «городков», и они сливаются либо близко подходят один к другому. Чтобы связать их, в городах Кузбасса проводят трамвайные пути. Трамвай здесь нужнее, чем во многих других местах страны.

Такая разбросанность построек в городах Кузбасса объясняется еще и тем, что тяжелые многоэтажные дома нельзя здесь строить в любом месте, где захочешь, — и обычно чем ближе к шахте, тем таких удобных мест меньше. Уголь в Кузбассе лежит неглубоко, но мощными пластами, и там, где он выработан, земля может осесть. Мы потом увидим старые провалы — овраги возле Прокопьевска.

Тем не менее тут строят и дворцы культуры, и дворцы пионеров, и дворцы спорта, но для них выбирают те места, где под землей нег угля.

Входишь в город — и видишь: все в нем подчинено интересам и нуждам шахтеров.

Некоторые улицы названы именами рабочих. Это дань шахтерской славе. В Киселевке,

Угольный комбайн в шахте Кузбасса.

например, мы можем пройти по улице Семькина. Это простой забойщик. Но он окружен славой, потому что одним из первых выполнил пятилетку.

В Белове наш паровоз отцепили, прицепили электровоз. В пейзаж южного Кузбасса вошли мачты электрифицированной железной дороги.

Навстречу неиссякаемым потоком идут составы гондол с углем.

Чем дальше к югу, тем больше холмов, березовые рощицы почти совсем исчезают.

На железных дорогах неохотно меняют прежние названия на новые, и поскольку города в Кузбассе разрослись уже после того, как прошла железная дорога, названия у городов и у станций, как правило, разные.

Город Ленинск-Кузнецкий, а станция по-прежнему Кольчугино. Город Киселевск, а станция Акчурла. Город Сталинск — станция Новокузнецк.

Поезд останавливается в большом городе. Мы выходим — и видим: на новом вокзале большими буквами написано — со стороны перрона «Усяты», со стороны улицы «Прокопьевск»...

Прокопьевск — главный угольный город Кузбасса. Он раскинулся меж высоких безлесных холмов. Вокруг — вблизи и вдали — видны черные высокие терриконы.

В земле под самым городом лежит мощное

месторождение угля. Его пересекла железная дорога; и там, где она прошла, уголь уже взять нельзя. Многоэтажные каменные здания в Прокопьевске строят, как правило, полосой вдоль железной дороги — на том целике угля, который все равно «заморожен».

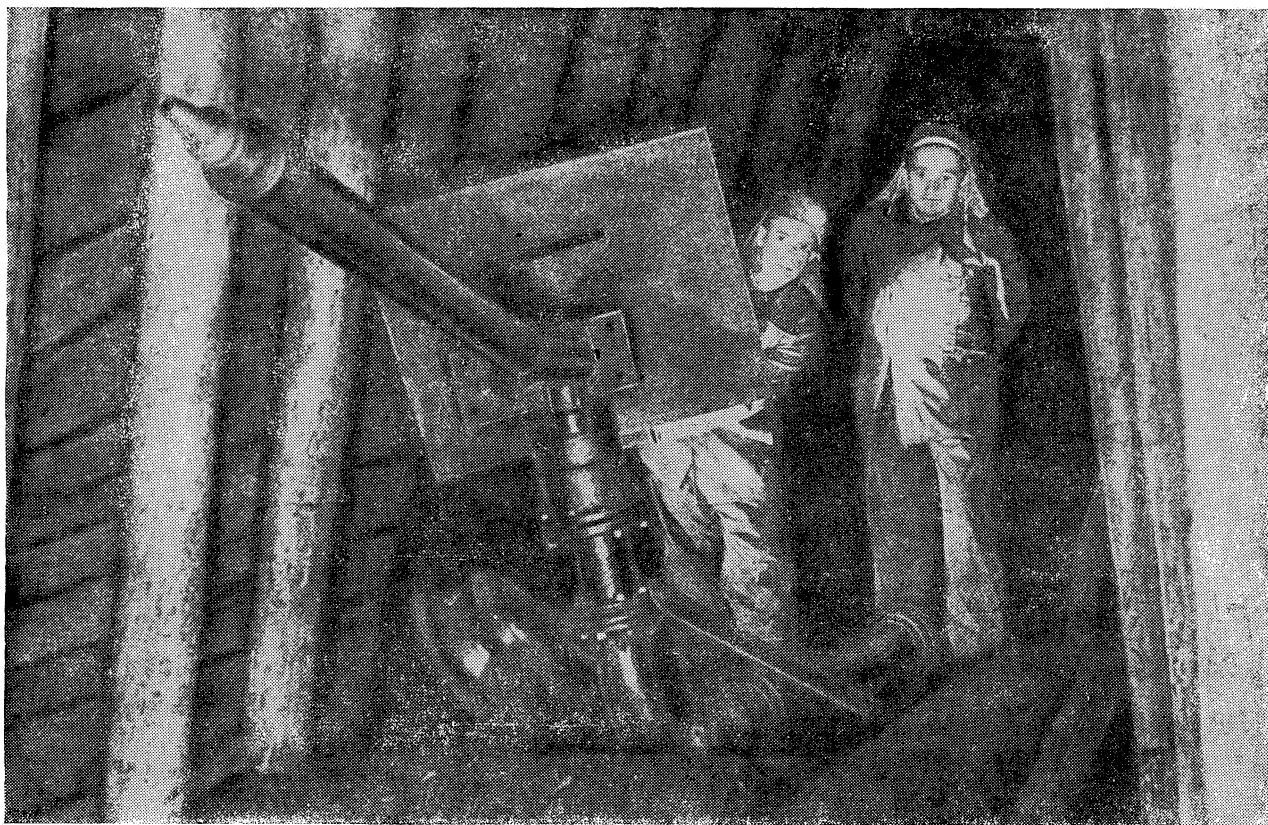
Главная улица идет на несколько километров бок о бок с рельсовым путем. На ней один большой дом за другим. А в стороне — мелкие домики, и среди них как раз и найдем мы один из тех старых провалов, о которых было сказано выше.

Среди шахт Прокопьевска одна — самая крупная в СССР. Это шахта Коксовая — имени Сталина.

У нее большое двухэтажное и длинное наземное здание с башенкой, два террикона, несколько стволов и подъемников: для угля, для породы, для людей.

Войдем. В просторном зале со скамейками, с буфетом много шахтеров: здесь они получают наряды на работу. Со стены свисает чуть не десяток красных знамен — это знаки трудовых побед.

Проходим в «мыльню»; она здесь огромная, в два яруса. Надеваем шахтерскую спецовку, резиновые сапоги и каску. На пояс вешаем тяжелую коробку аккумулятора; от нее идет шнур к лампочке, которую можно держать в

Шахта имени Сталина в г. Прокопьевске.

руке, а лучше прицепить к каске, где есть крючок.

По длинной крытой эстакаде подходим к клетки. В металлическом ящике вместе с нами плотно набились шахтеры. Ящик закрывают, и он летит вниз.

Идем по главному штреку; он бетонирован, под сводом горят лампы, внизу две колеи рельсов, по ним то и дело проезжают пассажирские поезда с шахтерами. Без поездов тут не обойтись: иные забои удалились от ствола километров на двадцать.

Сворачиваем с этого проспекта в боковую улочку, затем в переулок — здесь темнее, ниже кровля. Сверху и сбоку уже не бетон, а каменная порода.

Добираемся до забоя и видим сплошные стены черного угля, слабо мерцающего в свете наших ламп.

В Кузбассе пласты, в отличие от Донбасса, очень мощные, в несколько метров. По ним либо поднимаются вверх, вгрызаясь в уголь снизу отбойными молотками, либо опускаются вниз, наглухо прикрываясь сверху, от обвалов, особым «щитом» — стальной рамой с навалом толстых бревен. Остроумный щит этот изобретен инженером Чинакалом тут же в Кузбассе.

Добыча угля в Кузбассе механизирована в сильнейшей степени.

Новые пути в технике прокладывают и простые рабочие. Григорий Мусахранов, забойщик той шахты, в которой мы сейчас находимся, усовершенствовал, например, буровое оборудование и сильно увеличил производительность труда. Рабочего этого приглашают с докладами на сессии Западно-Сибирского филиала Академии наук, в Новосибирск...

Сотни и тысячи рядовых шахтеров своей инициативой и активностью помогают двигать производство вперед. Летом 1949 года на всю страну прогремел патристический подвиг горняков шахты «Черная гора», которая находится здесь же, в Прокопьевске. На шахте был составлен и проведен в жизнь стахановский план высокопроизводительного труда, рассчитанный прежде всего на творческую инициативу и смекалку шахтеров. Каждый шахтер «Черной горы» начал давать вдвое больше угля, чем горняки соседних шахт. И шахты стали быстро перенимать передовой опыт «Черной горы».

Угольные пласты в Кузбассе обычно очень мощные, а **мощный** многометровый пласт сразу выработать трудно — его берут продольными ломтями, **будто от буханки** отрезают куски хлеба.

Уезжаем в Сталинск. Он от Прокопьевска в сорока километрах.

Холмы все повышаются. Рельсовый путь начинает изгибаться. На подходах к Сталинску снова появляются шахты, но не шахты здесь **главное**.

Выходим из вагона, садимся в автомобиль, и он везет нас по новому городу — по широким асфальтированным улицам, обсаженным рядами деревьев с побеленными стволами, мимо больших красивых зданий. И впереди, на склоне горы, разворачивается перед нами металлургический завод — с доменами, которые кажутся еще выше оттого, что стоят наверху, с мартеновским цехом, крыша которого вся уставлена трубами, с огромными корпусами прокатных цехов, с электростанцией, которая спряталась за доменами и сильно дымит, будто хочет, чтобы мы подумали, что это дымит сам завод.

Дым, скрежещущий шум, отсветы огня — завод все нарастает. Мы мчимся прямо на него. И вдруг вся эта грохочущая и дымящая машина **словно прыгает** на нас. Машина нырнула в тоннель, которым гора пробурована под самым заводом.

Промелькнули колонны длинного тоннеля — и мы уже за заводом, в той нагорной части города, что называется Верхней колонией.

Завод, который мы видим, положил начало крупной металлургии в Сибири. Таких заводов со временем в ней будет не один и не два.

Первое время завод получал всю железную руду с Урала. Сейчас рудники к югу от Кузбасса дают ему руды уже больше, чем Урал. А ведь железорудные богатства Сибири только еще начинают осваиваться.

Далекий сибирский завод не уступает своим успехами другим заводам страны, во многом он идет впереди. В первой половине 1949 года ему было присвоено звание «Лучший металлургический завод Советского Союза». Кузнецкий завод выполнил послевоенную пятилетку на много раньше срока.

Перед революцией угледобыча в Кузбассе была ничтожна: его уголь шел лишь для паровозов Сибирской магистрали. А металла Кузбасс вообще не давал.

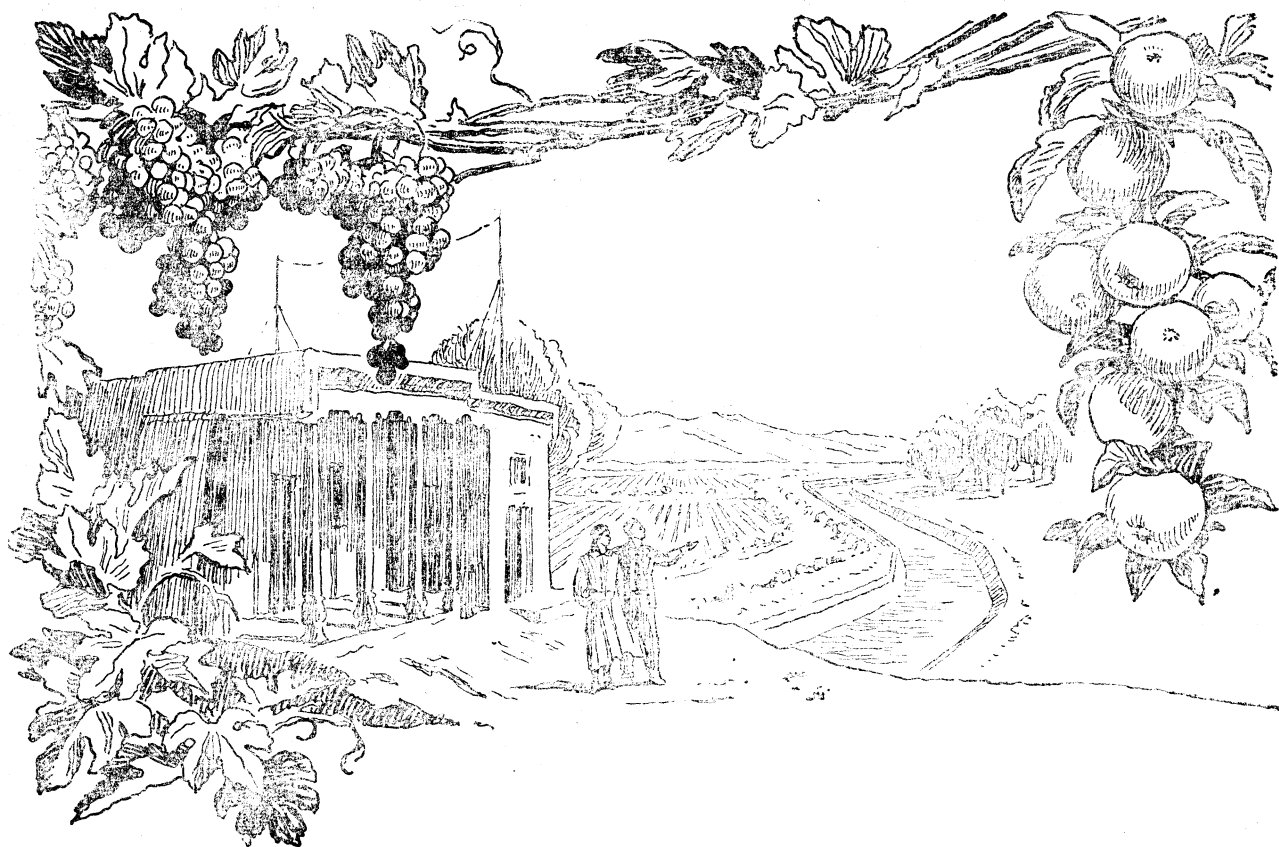
Теперь Кузбасс стал мощным индустриальным районом, производящим, кроме угля, еще сталь, цинк, алюминий, ферросплавы, химикаты, машины, включая такие сложные, как современные киноаппараты.

В годы Великой Отечественной войны Кузбасс сильно развился. Он был одной из главных топливных опор нашего тыла.

В послевоенной сталинской пятилетке Кузбасс растет стремительно. Одних новых шахт строится тридцать. Лишь эти новые шахты будут давать примерно половину угледобычи Донбасса времен первой пятилетки.

Так большевики Сибири осуществляют указание великого Сталина, данное им на XVII съезде партии: «...превратить Кузбасс во второй Донбасс».

Второй Донбасс создан. Он вступил в творческое соревнование с первым Донбассом.

КИШЛАК ЧЕК

МИХ. ИЛЬИН-ПЛЕСКОВ

Рис. В. Черниговского

ФРУНЗЕ—ДЖАЛАЛАБАД

Поезд, которым мы ехали из Ташкента в Фергану, был, как говорят железнодорожники, «сквозным». Он формировался не в столице Узбекистана, а в столице соседней Киргизии — городе Фрунзе и шел в другой тоже киргизский город Джалал-Абад.

От Фрунзе до Джалал-Абада сравнительно недалеко — около 250 километров. Однако человек, севший в вагон во Фрунзе, попадет в Джалал-Абад только спустя двое суток. Это не значит, конечно, что поезд делает всего пять километров в час; нет, он идет со скоростью, обычной для пассажирских поездов. Но 250 километров — расстояние по воздуху, по земле же оно намного длинней. Между Фрунзе и Джалал-Абадом нагромождены горы Тянь-Шаня, тянутся к поднебесью Киргизский и Ферганский хребты, железнодорожное полотно проложено в

обход этих труднодоступных гор и хребтов, и поезду приходится преодолевать не 250, а 1282 километра.

Есть у поезда Фрунзе — Джалал-Абад и другая, еще более примечательная особенность: следуя от столицы республики к одному из ее областных городов, поезд заезжает по пути в три соседних республики: Казахстан, Узбекистан и Таджикистан. Так происходит потому, что очертания границ среднеазиатских республик очень извилисты и своеобразны. Дело в том, что исторические условия расселения народов Средней Азии вместе с причудливой переплетенностью отдельных долин между горными хребтами вызвали необходимость национальной перестройки. До Великой Октябрьской социалистической революции земля, населенная узбеками, туркменами, таджиками и киргизами, входила и в Бухарский эмират, и в Хивинское ханство, и в русское Туркестанское генерал-губернаторство. Царскому

правительству такой «порядок» был по душе: страна, разорванная на куски, представляла «удобное поле для эксплуататорских махинаций «власть имущих» (Сталин).

После революции земли, населенные большими народами Средней Азии, были собраны воедино. Узбекский, таджикский, туркменский и киргизский народы воссоединились в своих независимых государствах. Границы между новыми советскими республиками устанавливались так, как этого требовала главная цель: соединить искусственно разрозненные в прошлом народы, дать каждому народу возможность жить одной семьей, развиваться экономически и культурно. Районы, где преобладало узбекское население, отходили к Узбекистану, районы с туркменским населением — к Туркмении, киргизские районы — к Киргизии, таджикские — к Таджикистану.

Потому так извилисты границы советских республик на карте

Средней Азии. Карта показывает не только владения этих республик, но и говорит о великой дружбе народов нашей страны, об основе их дружбы — ленинско-сталинской национальной политике.

ЧЕТЫРЕ СЫР-ДАРЬИ

Утро мы встретили в Таджикистане. На перроне вокзала в Ленинабаде продавали персики, необычайно большие, пунцово-розовые и сочные.

Холмистая, выжженная солнцем буро-желтая степь кончилась еще перед Ленинабадом.пейзаж разительно изменился. Поезд шел среди полей и плантаций, обсаженных тут-тутыми деревьями, мимо фруктовых рощ и садов. Было время уборки хлопчатника, и плантации напоминали зеленые скатерти, расшитые белым узором. Вереницы автомашин и двухколесных арб, груженных хлопком, двигались по дорогам. По краям полей струились арки, осенние шпалерами тополей или тутовых деревьев.

Неподалеку от линии железной дороги несла мутную илистую воду Сыр-Дарья, широкой лентой пересекающая всю Ферганскую долину. Как ни странно, отнюдь не этой реке обязана долина своей славой плодороднейшего оазиса Средней Азии. В течение многих веков не полноводная Сыр-Дарья поила ферганские земли, а маловодные речки, спускающиеся сюда с окрестных гор.

По законам природы, речкам полагалось впадать в Сыр-Дарью, однако добежать к ней они не успевали. Крестьяне до последней капли перехватывали их воду для орошения своих полей. Но капель в горных речках было куда меньше, чем требовалось жителям долины, и долгое время значительная часть ее для земледелия не использовалась.

А Сыр-Дарья? Сыр-Дарья не давалась в руки человеку: узбекские и таджикские крестьяне, до революции трудившиеся на крохотных клочках земли, умели мастерски приспособлять для орошения мелкие речки, но оказывались бессильными перед огромной Сыр-Дарьей: чтобы забрать у нее воду, нужны были большие инженерные сооружения, большие средства и, самое главное, объединенный труд множества людей. В старые времена это было неосуществимо.

Полвека назад, когда русские инженеры и рабочие прокладывали рельсовый путь в Ферганскую долину, Сыр-Дарью они оставили слева от полотна. Слева находится она и сейчас, но справа от линии железной дороги появилась новая река. Вода в ней такая же илистая и мутная, как у Сыр-Дарьи, течет она с тех же гор, и наполняют новую реку те же потоки, берущие начало среди скалистых хребтов Киргизии, но сама река — искусственная. Это Большой Ферганский канал.

За два года перед Великой Отечественной войной сто шестьдесят тысяч узбекских колхозников приступили к стройке этого канала. В баснословно короткий срок, за полтора летних месяца, они вынули на его трассе гору земли: 18 миллионов кубических метров! И осенью вторая Сыр-Дарья, длиной в 270 километров, потекла по Ферганской долине к югу от первой. Спустя некоторое время колхозники Таджикистана удлинити канал еще на 79 километров — до Ленинабада.

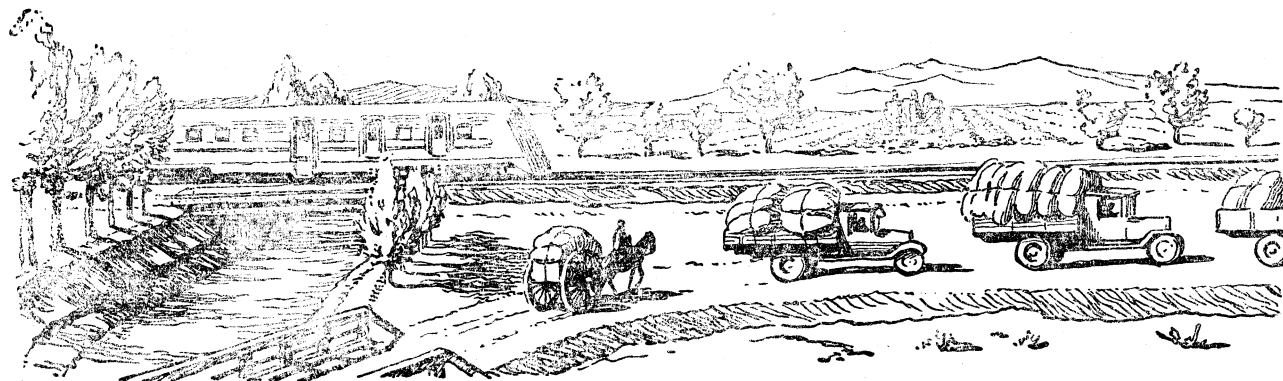
Новая, искусственная река изменила облик многих, прежде безводных, районов долины. Тракторные плуги распахали целину, поля и сады зазеленели вдоль берегов второй Сыр-Дарьи. Узбекские и таджикские колхозники показали, что в

силах сделать человек, знающий во имя чего он живет и работает.

Несколько часов поезд шел по соседству с каналом, то приближаясь к нему, то удаляясь, то перебираясь через его ложе. И непрестанно чередовались у полотна хлопковые плантации, яблоневые и грушевые сады, виноградники и абрикосовые рощи. Местные абрикосы по праву считаются лучшими в мире: они так сладки, что в сушеном виде содержат до 90 процентов сахаристых веществ! Временами на горизонте вставали горы; к их красноватым склонам тянулись зеленые пятна деревьев. Поезд пересекал богатейшие районы Средней Азии. Десятки здешних колхозов-миллионеров из года в год собирают все более высокие урожаи хлопчатника и фруктов, из года в год множат отары овец, стада коров, табуны лошадей, которые они пасут на горных пастбищах.

За станцией Мельниково от магистральной отошла ветка на Канибадам — древний Кон-и-бодом, что значит «город миндаля». В средние века он славился своим миндалем на всю Азию, но потом миндаль был вытеснен абрикосами; теперь канибадамцы поговаривают о том, что пора возродить и культуру миндаля. Остались позади Коканд и станция Горчаково, слева от которой лежит старый Маргелан, а справа Маргелан новый — город Фергана.

Долина продолжала показывать свои сокровища. К юго-востоку от города Ферганы, в предгорьях Тянь-Шаня, уже много лет работают шахты Кзыл-Кия. Поезда спускаются оттуда в долину с тяньшанским углем, добытым советскими людьми. К северо-востоку и юго-западу от города Ферганы находятся месторождения нефти. Мы видели маслянисто-черные трубы, проложенные через поля и сады, видели нефтяные

цистерны на запасных путях, а рядом — груды дынь, ящики с яблоками, решета с виноградом и кипы хлопка на пристанционных товарных складах.

Большой Ферганский канал отодвинулся к северу, но справа появился другой канал. В наши дни уже не одна Сыр-Дарья течет по долине, а еще три: Большой Ферганский канал имени Сталина, Южный Ферганский канал имени Андреева и Северный Ферганский канал имени Микояна. Все они построены за последнее десятилетие, и с каждым годом все ширятся поля вдоль их берегов, все богаче живут в колхозах Ферганской долины. Только к центру ее еще не добралась вода, и тамошние пески, солончаки и болота ждут, пока советский человек приложит к ним сильные свои руки, проведет новые оросительные каналы и на месте уничтоженной им пустыни поднимет сады, устроит плантации хлопчатника и риса...

КУДА ВЕДУТ ДОРОГИ ИЗ КИШЛАКА ЧЕК

Стоял конец сентября, в горах, замыкавших горизонт, уже выпал

снег, и светлые шапки, нахлобученные на их вершинах, заметно увеличились в размере.

Шоссе вело от кишлака к кишлаку. Ветвистые деревья, густо одетые листвой, окаймляли его обочины. За деревьями открывался обычный природный ферганский пейзаж: бело-зеленые ковры плантаций хлопчатника, перемежаемые садами, а за ними розовато-коричневые горы.

Мало-помалу шоссе подобралось к покатым, изрезанным оврагами холмам; у их подножья трава была ярко-изумрудной, повыше цвет ее тускнел, становился желто-бурым. К верхушкам некоторых холмов вели зигзагообразные следы тракторных гусениц. Цепочка деревянных столбов встала вдоль края проселка; на одиноком проводе, нахохлившись, сидели ласточки.

Недалеке послышалось ворчанье трактора. Мощная машина легко и ловко взбиралась по крутому склону, таща за собой трубы. На другом холме монтировали буровую вышку. Красноватый силуэт вышки красиво выделялся на фоне неба, синеву которого подчеркивала яркжелтая верхушка холма. В разных местах у подножья и на склонах холмов ритмично опускали и поднимали свои плечи станки-качалки, день и ночь сосущие нефть из скважин. Людей около станков не было — механизмы действовали автоматически, подавая в трубы маслянистую жидкость.

Спустя некоторое время мы подъехали к кишлаку Чек.

Аллея из четырех рядов клена вела к одноэтажным белым строениям; узорчатая тень листьев падала на стены и на тротуары. Слева, прямо из-под земли, торчали полутораметровые обрубки труб. Из узких отверстий вырывались, колыхаясь на

ветру, длинные языки золотисто-розового пламени. Это горел природный ферганский газ.

О том, что на юге Ферганы есть нефть, было известно сравнительно давно. Кочевники, перегонявшие скот на горные пастбища, иной раз останавливались на ночлег в местах, где скопления нефти выходили близко к поверхности. Пастухи доставали горючую жидкость из неведомо кем пробитых ям-колодцев, варили на нефти нехитрый ужин. Случалось, что погасить огонь забывали, тогда пламя подбиралось к колодцу, нефть вспыхивала, и дымный факел долго чадил над покинутой пастушьей стоянкой. Жители некоторых окрестных кишлаков пользовались нефтью как целобным средством против чесотки.

Около сорока лет назад некий дельец Цуканов приобрел за недорого цену нефтеносный участок в горах, по соседству с городом Канибадамом. Это было время, когда Средняя Азия в нефти особенно не нуждалась: сколь-нибудь больших промышленных предприятий и электростанций здесь не было. Спросом пользовался преимущественно керосин, и его доставляли из Баку в наливных судах по морю до Красноводска, а затем в вагонах-цистернах по железной дороге. Перевозка бакинских керосина обходилась недешево, и предприимчивому дельцу мерещилось быстрое обогащение: ферганская нефть была, как говорится, под рукой.

По следу Цуканова сюда устремились другие предприниматели. Прибыли в Фергану и представители шведского Нобеля — одного из главных хозяев дореволюционного Баку. Дельцы торопились; люди разных национальностей, они были объединены одной страстью к наживе и действовали

одними методами: пытались обогреть друг друга, что, надо признать, удавалось им сравнительно не так часто, и жестоко эксплуатировали рабочих, что удавалось им всегда.

Недалеко от Маргелана возник другой промысел «Чимион», вблизи которого построили небольшой перегонный завод. Добыча нефти увеличилась, но не намного. Месторождения были изучены плохо, а тратиться на разведочные работы дельцы не желали. Добычу они вели хищнически: разрабатывали только богатые участки, а если скважина начинала давать меньше горючего, ее бросали, приступали к бурению новой. Ничего удивительного в этом не было: точно так же поступали капиталисты-хозяева и на бакинских, грозненских и других промыслах.

Настоящая, подлинно хозяйская разработка природных богатств Средней Азии началась только после революции. Накануне Великой Отечественной войны ежегодная добыча нефти в Узбекистане уже в несколько раз превышала дореволюционный уровень. С той поры она снова значительно возросла. Ферганским горючим пользуются многие заводы, фабрики и электростанции Узбекистана, Киргизии, Казахстана, Сибири. Нашел широкое применение и природный ферганский газ. Его используют в местной промышленности, а заодно дают и кишлакам.

«Андижан» — один из новых промыслов Ферганской долины. Рабочие этого промысла живут в кишлаке Чек, но слово «кишлак», с которым связано представление о старой узбекской деревне, в применении к Чеку давно уже устарело. Здесь немало людей, получивших высшее и среднее техническое образование. В чистенькие домики Чека проведено электричество, а природный газ подается не только в домики, но даже к печкам, стоящим во дворах, где в летнее время хозяйки готовят пищу. Печки с вида самые обычные, — такие очаги увидишь на Украине, в Крыму, на Кубани, в Закавказье, — но из-под земли к каждой печке тянется тонкая трубка, а в топках голубым огнем пылает газ.

Мы заглянули в один из белых домиков. На веранде, выходящей в сад, где росли персиковые и абрикосовые деревья, играли в шахматы двое молодых узбеков.

— Будущие инженеры, — сказал хозяин дома. — Мой отец был рабочим, я — бригадир, а сыновья станут инженерами...

Бригадир произнес эти слова с нескрываемой гордостью, так, словно хотел удивить нас замечательными переменами в судьбе его рода. Чувство, которое владело хозяином домика, мы поняли, но удивляться, откровенно говоря, было нечему. В наше время сотни узбеков и таджиков работают бригадами и мастерами на нефтяных промыслах и угольных шахтах Ферганской долины, узбеки и таджики обладают дипломом горного инженера, и в судьбе семьи бригадира из кишлака Чек уже давно нет ничего необыкновенного.

На промысле «Андижан», да и не только там, хорошо знают бурового мастера Артыка Халилова. Мастер этот приметителен многим и, в частности, тем, что является одним из потомственных нефтяников Средней Азии.

Отец Артыка Халилова пришел на промысел «Чимион» в те годы, когда там еще хозяйничали частные предприниматели, и нанялся в чернорабочие. Он отдал владельцам промысла несколько лет своей жизни, но мало что получил взамен. Артык осиротел одиннадцати лет. Сыну нефтяника-чернорабочего предстояло самому пробиваться в люди, и нетрудно сказать, как сложилась бы участь мальчика, если бы все продолжалось так, как было во время его отца. Но после революции все пошло по-иному в Ферганской долине, и жизненный путь сына разошелся с жизненным путем отца.

В 1926 году Халилов пришел на тот же промысел «Чимион», на котором десять лет назад трудился его отец, нанялся на ту же должность чернорабочего. Техника добычи на промысле еще оставалась такой, как и до революции, нефти добывали тоже не больше, чем до революции, но на ферганской земле уже не было ни цукановых, ни нобелей, ни прочих дельцов. Новые хозяева страны наводили свои, большевистские порядки на промысле, и молодому узбекскому парню, как и всем его ровесникам, помогли выйти в люди. О нем заботились, его обучали мастерству, ему объясняли, что он добывает нефть не только для того, чтобы заработать на пропитание и на одежду,

но и для того, чтобы изменить жизнь всего своего народа, сделать ее более разумной и счастливой; в нем воспитывали волю, стремление не отступать перед трудностями.

Артык учился. Из чернорабочих его вскоре перевели в помощники бурильщика, потом в бурильщики, потом в мастера. Он оказался из той породы людей, влюбленных в свое дело, которыми всегда была богата наша родина, но кому лишь после революции эта любовь впервые начала приносить не огорчение, а радость. Когда спустя десять лет открывали промысел «Андижан» и требовалось послать туда лучших работников, Халилова перевели на этот промысел. Так он попал в кишлак Чек, где еще не было тогда ни белых домиков, ни газовых печек во дворах, ни такого количества книг, машин и механизмов, как теперь, ни детских яслей, детского сада и больницы, ни школы, ни клуба, ни кинотеатра, — короче говоря, всего того, что сделало неуместным применение к Чеку слова «кишлак».

Все эти перемены произошли здесь на глазах Халилова. А бурильный станок узбека-нефтяника попрежнему вгрызался в недра, на счету Халилова было уже много скважин, общей длиной в десятки километров, и ему присвоили звание бурового мастера первого класса. Работая, Халилов продолжал учиться и неприметно для себя приобрел не только высокое профессиональное мастерство, но и умение видеть жизнь так, как видят ее строители коммунизма. Спустя еще десять лет ферганские хлопководы, виноградари и нефтяники послали его своим представителем в Верховный Совет республики, и имя бурового мастера с промысла «Андижан» сделалось известным по всему Узбекистану.

В наши дни жизненный путь Артыка Халилова повторяют тысячи других молодых нефтяников-узбеков. Конечно, не все они будут буровыми мастерами первого класса, но любой из них знает, что ему помогут стать тем, кем он захочет.

Вечером в промысловом клубе Чека собрались на лекцию молодые рабочие, геолог рассказывал им об особенностях нефтеносных пластов, с которыми они имеют дело. В соседнем помещении слушали трансляцию из Москвы: торопливый голос радиорепортера сообщал о ходе

футбольного матча на столичном стадионе. В этот час в Москве только кончался день, и косые лучи предзакатного солнца освещали зеленое поле стадиона и множество людей на его голубых трибунах, а здесь, далеко на востоке нашей страны, почти у границ Китая, в маленьком кишлаке Чек уже наступал вечер, и в промысловом клубе, где шла лекция и слушали трансляцию, горели электрические огни.

Огни горели и в других домах Чека.

Сквозь открытое окно одного из этих белых строений виден был человек, возившийся у верстака, — он мастерил макет вышки. В другом окне был виден стол, на котором лежала карта. Двое мужчин с циркулями в руках, склонившись над картой, что-то высчитывали. Кишлачная библиотека была закрыта, но там еще горел свет, — женщина в пестром халате развязывала макет с книгами. Я заметил коричневую обложку книги, которую она держала в руках. Это был томик узбекского издания Сочинений И. В. Сталина. Свет горел и в кишлачной школе: группа подростков клеила в одном из классов стенную газету.

Во дворе около конторы пылали газовые факелы, багровые языки пламени освещали здания и аллею кленов. Факелы продолжали гореть всю ночь. Люди спали, но всю ночь работали в Ферганской долине станки-качалки, сосали горячее из недр, всю ночь струилось по трубам добытое на промысле топливо, всю ночь тек по трубам газ. Где-то далеко работали на ферганской нефти

заводы и электростанции. Где-то далеко несли на ферганском газе хлеб, варили пиво, кипятили к утру воду в столовых и банях.

Мы покидали Чек перед рассветом. В Москве было еще два часа ночи, и Москва — это было под воскресенье — по радио, как обычно, пожелала нам спокойной ночи, но здесь уже светало. Алая искорка блеснула над серо-сиреневыми скалистыми вершинами, превратилась в алую полоску, побежавшую по горизонту, потом золото потоками полилось по небу — запылало утро.

Чек остался позади. Дорога полого поднималась к перевалу. Тяжелый каток медленно полз навстречу нам, уминая щебенку, только что посыпанную гудроном, в овраге, рядом с дорогой, работала камнедробилка — перемалывала гальку, устилавшую русло оврага. Наступал новый день. В этот ранний час сборщики хлопка выходили на поля, первые грузовики отправлялись на заготовительные пункты, первые дымки пыли поднимались над старыми ферганскими проселками.

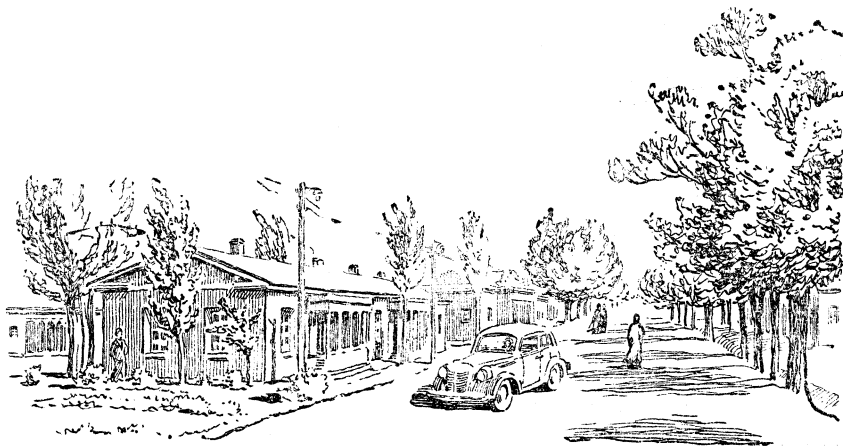
С перевала открылся вид на долину, на ее желтую лессовую землю в зеленых пятнах полей и садов, на красновато-коричневые холмы и серо-сиреневые горы. У придорожной канавки росло ветвистое дерево. Женщина в просторной белой одежде стояла у дерева, держа в руках младенца.

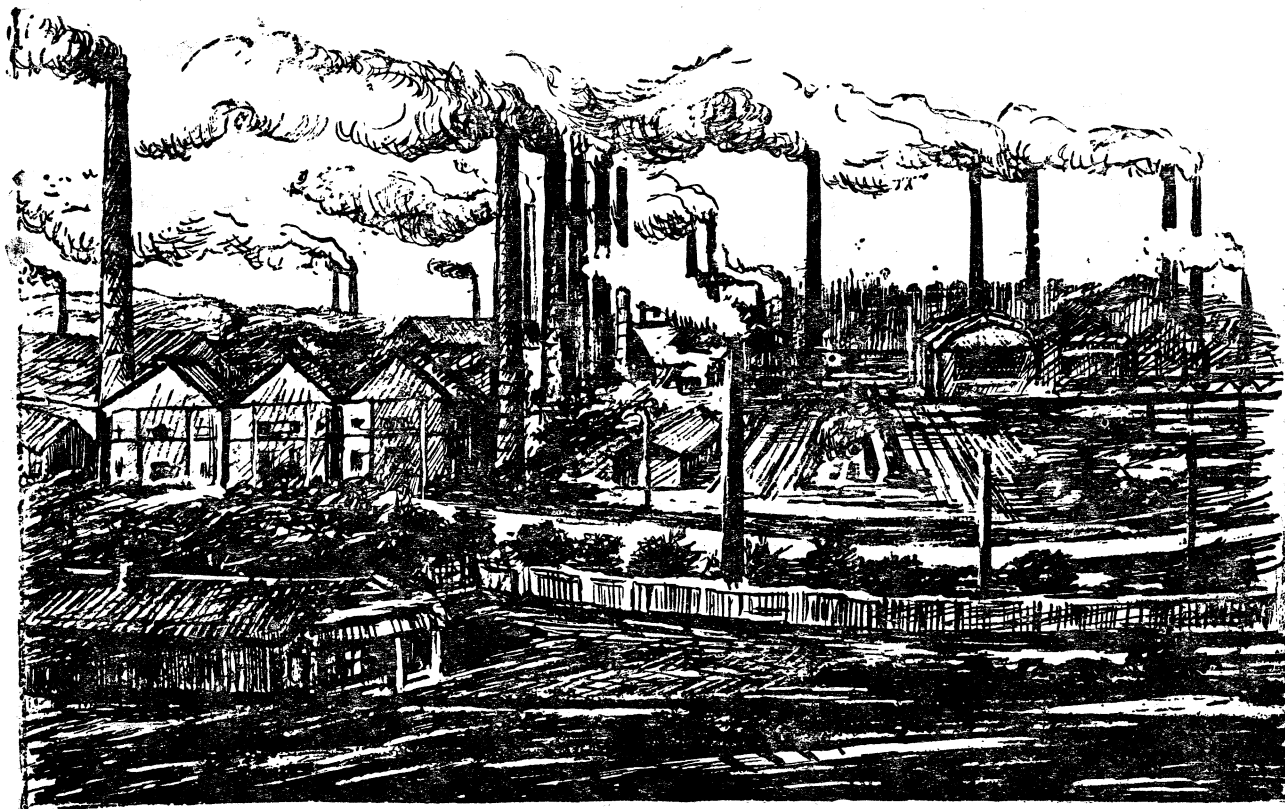
Красновато-коричневые холмы и серо-сиреневые горы были такими же, как сто, как тысячу лет назад, и, должно быть, так же выходила тогда на каменную дорогу

женщина с младенцем, и утренний ветерок так же обдувал ее одежды. Но этому младенцу уготована жизнь, которой никогда не видели и не могли видеть на земле Ферганы. К той поре, когда он станет юношей, новые реки прорежут Ферганскую долину, новые растения покроют склоны ее холмов. Древний пейзаж изменится; фруктовые рощи подступят к каменной дороге, в ложбине меж куполообразными холмами сверкнет серебром новое озеро, вырвется яхта на озерную гладь, и ветер будет кренить ее парус, вместо того чтобы гнать пыль по сухому руслу оврага.

Кем вырастет этот младенец — нефтяником-новатором, хлопковод-мичуринцем, поэтом, великим ученым? Может быть, суждено ему стать тем человеком, который будет участвовать в повороте могучих сибирских рек на юг. Мечта? Но ведь тридцать лет назад такой же мечтой была легкрылая машина, что летит в голубом ферганском небе, держа курс на ближайший аэродром, и уж совсем несбыточной мечтой был узбек-пилот, который ведет легкрылую машину и по радио подает весть узбечке-диспетчеру о том, что он торопится, хочет к полудню перелететь еще четыре горных хребта, один выше другого, и приземлиться в столице соседней советской республики...

Дорога спустилась в долину. А женщина с младенцем все стояла на перевале, и одежда ее белела под ветвистым деревом, пока не поднялась цепочка холмов, не скрыла и перевал и дерево у придорожной канавки.

Огненный город

МАРИЯ МАЙЕРОВА

Рис. Д. Бродской

Мария Майерова — выдающаяся современная писательница Чехословакии — родилась в 1882 году в местечке Увалы под Прагой. Она выросла в семье кладненского сталевара. Там же, в Кладно, она начала свою революционную деятельность. Мария Майерова — член коммунистической партии Чехословакии с самого ее образования (1921 год). Большой друг Советского Союза, она неоднократно бывала у нас, и целый ряд ее очерков посвящен СССР. В своих социальных романах писательница изобразила тяжелую жизнь и борьбу рабочих в капиталистической Чехии. На русский язык переведен роман Майеровой о чешской революционерке — «Прекраснейший мир» — и «Шахтерская баллада». В этом году в русском переводе вышла «Сирена» — роман о революционной борьбе кладненских шахтеров и металлистов. Чешские горняки за революционное творчество и активную деятельность в рабочем движении считают Марию Майерову почетной работницей своих шахт и заводов. После освобождения Чехословакии ей одной из первых было присвоено имя народного деятеля искусств.

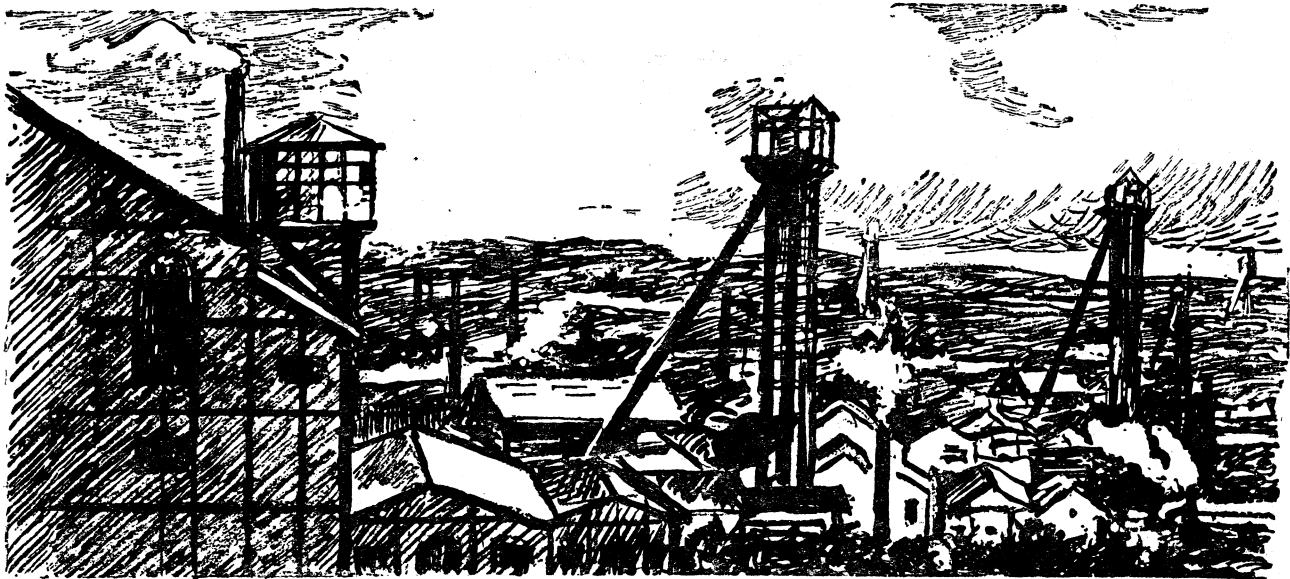
Ниже мы печатаем в сокращенном виде очерк Марии Майеровой о ее родном городе Кладно — центре революционного движения чешских горняков.

На самом краю широкой просеки, где кончается молодняк, у опушки соснового бора и ельничка расположен город Кладно. Первых поселенцев привлекла выдающаяся из лесов стрелка над песчаными отмелями и болотами, на которой теперь расположены металлургические заводы. Кладно сто лет назад было глухим провинциальным углом со скромным замком, бедным костелом, красивой часовой, трактором и несколькими богатыми домами, фасады которых выходили к памятнику с цоколем, погрязшим в луже, и гумнами, за которыми начинались тенистые дубравы.

На полях тогда хозяйничало крупное духовенство, а

в лесах охотились дворяне. Древняя легенда о подземных кладах края давно тревожила воображение искателей приключений, и они все чаще и чаще пробирались сюда лесными стежками. Лесорубы внимательно осматривали корни вывороченных пней, а угольщики, выжигавшие древесный уголь в ямах, в свободное время исследовали почву.

Глубины кладненской земли играли с ними в прятки, манили смельчаков черным блеском странного вещества, но давали его обнаружить всегда лишь столько, сколько нужно было, чтобы пробудить новую страсть. И горные духи хохотали над неудавшимися опытами.

геологов-специалистов и геологов-любителей. Они чувствовали себя вне опасности в своем недоступном королевстве.

Недоступном?.

Что сегодня на земном шаре не доступно человеку? У него самое сильное орудие, — он владеет мыслью. Он преодолел воздушный простор, преодолел и подземелье.

* * *

В тесно спрессованных пластах каменного угля отражены картины доисторической природы края.

Окаменевшие остатки допотопных хвощей, давно вымерших пород деревьев, части скелетов зверей, невозможных для глаза современного человека, выносились на поверхность земли, поступали в руки специалистов, позволяя ученым строить гипотезы, пробуждали мечты поэтов.

Кусок за куском выносили шахтеры из глубин земли эти раздробленные слески исчезнувшего пейзажа.

Специалисты обнаружили необыкновенно высокое качества кладненского угля. Потом они высчитали, как долго земля будет отдавать свои богатства, измерили мощность угольных залежей. Оказалось, что они больше чем на десяток метров уходят в глубину, а кое-где причудливый угольный пласт пробивается прямо на поверхность тонкими слоями среди черники и вереска.

Тусклая паутина электрического света да мигающая, словно болотный огонек, шахтерская лампочка едва освещают фигуры шахтеров, тихо исчезающих в темных коридорах. Люди проложили бесконечный лабиринт коридоров, залов и углублений всюду, куда их вели заманчивые обещания угольных жил. Хищники-капиталисты набросились на клад; они переводили богатство, слабо охраняемое вымышленными горными духами. Завоеватели ухватились за открытый клад и чем дальше, тем быстрее вывозили черные алмазы на поверхность земли вместе с затаенным в них огнем.

Уже давно были забыты те времена, когда первые рабочие, привязанные к подвесным сиденьям, спуска-

лись в первые шахты на веревках, времена, когда добытый вручную уголь поднимали наверх в кадке, укрепленной на воротах, и старательно взвешивали.

Впоследствии бадью с веревками сменила подъемная клеть, но труд шахтера не стал от этого легче. В мокром, никогда не просыхающем подземелье он был таким же изнурительным.

От сказок о друзьях шахтеров — карликах-рудоконях, о заколдованных кладах и тайных знамениях, предостерегавших от несчастия, оставались реальные, но не менее таинственно светившиеся во тьме угольные колчеданы, подземные грибы «кукмаки», слепые животные и могучий гул подземных вод, который мог заглушить только взрыв динамитного заряда.

Оставался и еще кто-то: верный спутник шахтера — смерть. Смерть, поджидавшая в издранных скалах, смерть, витавшая в странном дыхании газов. Смерть злодейской астмой и ревматизмом ползла за шахтером и на поверхность.

Увечья, завалы, раздавленные тела... Все дальше, все глубже посылали хищники шахтеров: за теплом, огнем, за двигательной силой, которые содержатся в этом удивительном смолисто-черном горючем веществе.

Пустоту выдолбленных залов, коридоров и выбоин засыпали отходами, подпирая балками и бревнами проходы для обратного пути. В заплесневелой мгле дерево постепенно превращалось в труху, сгибалось под тяжестью земной коры, и тогда Кладно содрогалось от землетрясений.

* * *

Десятки лет Огненный центр наполняет кладненский край светом. Жители Праги могут каждую ночь любоваться заревом на западе, которое стоит над доменными и бессемеровскими печами, выбрасывающими брызжащий фейерверк текущего металла.

Пламя в центре кладненского края сопровождает вас во все времена года. Крестьянин, шагающий весной по вспаханному полю, берет зерно из лукошка, и, когда разбрасывает его, то перед его глазами не толь-

ко золотой дождь зерна, но и полные пригоршни искр. Они напоминают ему, что засеивает он огненный край.

Склонится крестьянин над скошенными хлебами, чтобы вязать снопы, и тут видит смятый изломанные стебли и теряющие зерно колосья снопы прихотливых искорок, тысячи маленьких комет, вылетающих из раскаленных пастей металлургических заводов.

Шумная, бьющая горячим ключом жизнь металлургических заводов выплескивается за высокие заборы. Ровную плоскость заводской территории нарушают трубы, выбрасывающие высоко в небо густо окрашенный едкий дым.

Видны из-за забора и объемистые системы газовых труб, похожие изломами своих гигантских колен на полуразрушенные печи.

Из домы лется в песочное русло металл. Молочно-белый поток искрится, пышет, нещадно раскаляя по дороге воздух, и шипит.

Другое русло выводит железный поток на песчаную площадку, разделенную на углубления; здесь растекающийся металл отливается и постепенно застывает пока в своих начальных формах — болванках.

Домины — поистине нервный центр всего производства, этого пространства, насыщенного чугуном во всех видах и формах, придаваемых ему машинами и печами. Они свистят, гудят, визжат и грохочут, подобно грому. Нет звука, который бы отсутствовал в этой антимузыкальной, но замечательной композиции.

* * *

В течение двух поколений кладненское население увеличилось с нескольких десятков человек до нескольких десятков тысяч, и Кладно быстро догнало другие чешские города.

Новым постройкам нехватало места ни за городом, ни на месте разрушенных шахт — город вгрызлся в лес и мостил под улицы поросшие мохом тропинки.

Вся Чехия в XIX веке из страны феодальной становилась страной капиталистической. Кладно превращалось в город, застроенный бедными домишками горняков, роскошными домами и виллами директоров и служащих промышленных предприятий.

Уголь, о котором так долго возвещали легенды и который, наконец, так удивительно был открыт, богатая железная руда и возможность заработка стянули в Кладно много людей из близлежащих и отдаленных округ. Во второй половине XIX века в кладненскую «Калифорнию» нагрянуло столько иногородних, что местное население быстро растворилось среди них.

Это была кладненская «Америка», заселенная сотнями горняков, которые быстро лепили домики к каменному обрыву Пругона и разделяли их улицами. В спешке улицы не называли, а просто нумеровали.

Скоро стало нехватать земли. Подорожали квартиры. Тогда приезжие рабочие и специалисты стали селиться в ближайших деревнях. Хутора разрастались. Избы тонули в лавине рабочих домиков. Поселения вокруг Кладно изменили свой облик, стали рабочими поселками. Это давно уже не были деревни с запахом клева, пенем цепов, с гогом гусей и криком петухов, а населенные пункты с безземельными крестьянами, с гнездами шумного, молодого, здорового рабочего племени.

Огненный город из провинциального угла окончательно превратился в огромный промышленный центр. Выкристаллизовывался и тип новых людей. Кладненские чешские горняки — потомки мелких крестьян и ремесленников из окрестностей. Народ земли и подземелья день ото дня все больше осознавал, что его личная безопасность и успех его труда зависят от остальных рабочих, его друзей, которые сообща с ним трудятся в шахтах или на металлургических заводах.

Это сознание было одним из результатов превращения земледельца в промышленного рабочего. Со временем вырос и сплотился и крепкий рабочий коллектив. В тяжелые минуты единство проявлялось в общественных действиях, направленных на защиту одного или всех. Социальное сознание кладненских трудящихся было вместе с тем и первой ступенью новой морали, которая стала костяком зреющего нового типа современного человека.

* * *

Нерадостным был принудительный труд шахтеров под землей и металлургов у кладненских горняков. Оскаленные зубы нацизма, его вооруженный кулак, каждую минуту готовый к удару, в 1939 году из символа вдруг превратился в осязаемую силу, подавляющую трудящихся Кладно. Заводы кишели нацистами. Начались массовые аресты патриотов и коммунистов, представителей интеллигенции и рабочих. Коммунисты были сейчас же брошены в тюрьмы, высланы в концлагери в глубь Германии или Австрии.

Фашисты стремились планомерно истребить все чешское население. Они располагались в Кладно надолго и строили для себя красивые дома из лучших строительных материалов. Мрамор и никель, стекло и керамика украшали их жилища. Все же они не чув-

ствовали себя дома, и поместья их были похожи на крепости.

А ветхие домишки горняков разваливались. Фашисты запрещали им и строить и ремонтировать, не давали кирпича, не давали цемента, не давали ни грамма железа.

Почва над шахтами колебалась, так как под землей не велись работы по охране безопасности. Обваливались штольни, клонились набок жилища горняков. Нацисты ни о чем не заботились; им нужен был уголь — и они беспощадно губили шахты, бросали малообещающие слои в погоне за десятиметровыми жилами. Угля требовалось много, и дать его нужно было быстро: Гитлер спешил выиграть молниеносную войну.

Глубоко в шахте, во тьме, гудели подземные воды, насосы усиливали шум, и за этим шумом мастер-нацист не слышал ропота недовольных шахтеров. Врачи-нацисты не признавали болезней от переутомления. Люди падали от усталости, умирали. Нацисты карали за слово протеста, за слушание московских радиопередач. И все же московские передачи все слушали — тайно, под одеялом, за запертыми дверьми и завешенными окнами. Ведь голос из Москвы — это надежда, это вера в падение нацизма, в лучшее будущее, осененное миром. В этой вере, в этой надежде рабочие строили новую коксовую печь — они были твердо убеждены, что она будет принадлежать им. В этой вере, в этой надежде они тайно записывали результаты химических опытов со сталью, которые производились в лабораториях завода, запоминали новые технические приемы и усовершенствования, вводимые немцами. Это было нужно им для будущего, потому что люди верили, что в послевоенный период все в их странах будет принадлежать самим освобожденным народам.

Подземный огонь сопротивления время от времени вырывался на поверхность. Рука, протянутая из тьмы, убила начальника гестапо. И как когда-то, пятьдесят лет назад, капитал заговывал восставших горняков в цепи, так и нацисты вырывали отца из семей, молодежь с производства и увозили в арестантских машинах на казнь. Они хотели уничтожить, затоптать каждую искру сопротивления.

Тщетно. Накануне 1 мая, под покровом безлунной ночи, неизвестный смельчак влез по железным закрепкам на доменную трубу в Польдовке. Не замеченный многочисленной стражей, он укрепил там красный флаг. Радость охватила на следующий день все Кладно, всю Прагу, всю Чехию, — весть об этом разлетелась по подземному телеграфу угнетенного народа.

Снова допросы, снова аресты. Фашисты шипели, как раздраженные осы. Что делать с флагом? Уже сам этот поступок безвестного смельчака придавал людям силы, и они отказывались снимать флаг.

Жизнь и борьба рабочих Кладно — пример возникновения и роста чешского рабочего движения. История кладненской горной промышленности и металлургии со стихийными бунтами и последующей организованной борьбой стачечников — это отражение истории борьбы всего чешского пролетариата, истории формирования его в класс. Капитал, а с ним и правительство преследовали вестников социализма, а позже, когда идея освобождения пролетариата от капитали-

стического гнета проникла в широкие слои трудящихся и вооружила их силой сознательности, капитал и правительство враждебно встретили новые рабочие организации и повели с ними открытую политическую борьбу.

Кладненский пролетариат всегда был готов к бою. Он горячо откликался на призывы к борьбе, раздававшиеся во всем мире. Поэтому Кладненский бассейн называли пороховым погребом буржуазной Чехии. Забастовки кладненского пролетариата постоянно подрывали силу капитала. Не прекращалась подпольная работа в Кладно и в период оккупации.

Гитлеровцы сравнивали с землей село Лидице. Оно является вечным напоминанием ужасов фашистского зверства. Село было выжжено дотла. Там, где жили мирные люди, большинство которых работало на кладненских шахтах, нацисты распахали поле. Туда был послан целый батальон гитлеровцев. Из домов, прежде чем их поджечь, они выносили ценные вещи и посылали их в Германию своим Гертрудам. Не было пошады и лидицкому кладбищу. Гитлеровцы выкапывали трупы, выламывали у них золотые зубы, похищали драгоценности.

Они фотографировали свои злодеяния, аккуратно наклеивая снимки в альбом, который был найден и хранится сейчас в Лидицком музее. Людей тащили прямо с постели, хватали по дороге с работы. В Лидицах расстреляли 300 мужчин. Женщин отправили в концлагери. 90 детей отослали в нацистские семьи, дав им немецкие имена, чтобы они забыли о своем народе. Многие дети не найдены и до сих пор.

Совершенные фашистами в Лидице злодеяния никогда не забудутся, но село будет восстановлено, будет снова жить.

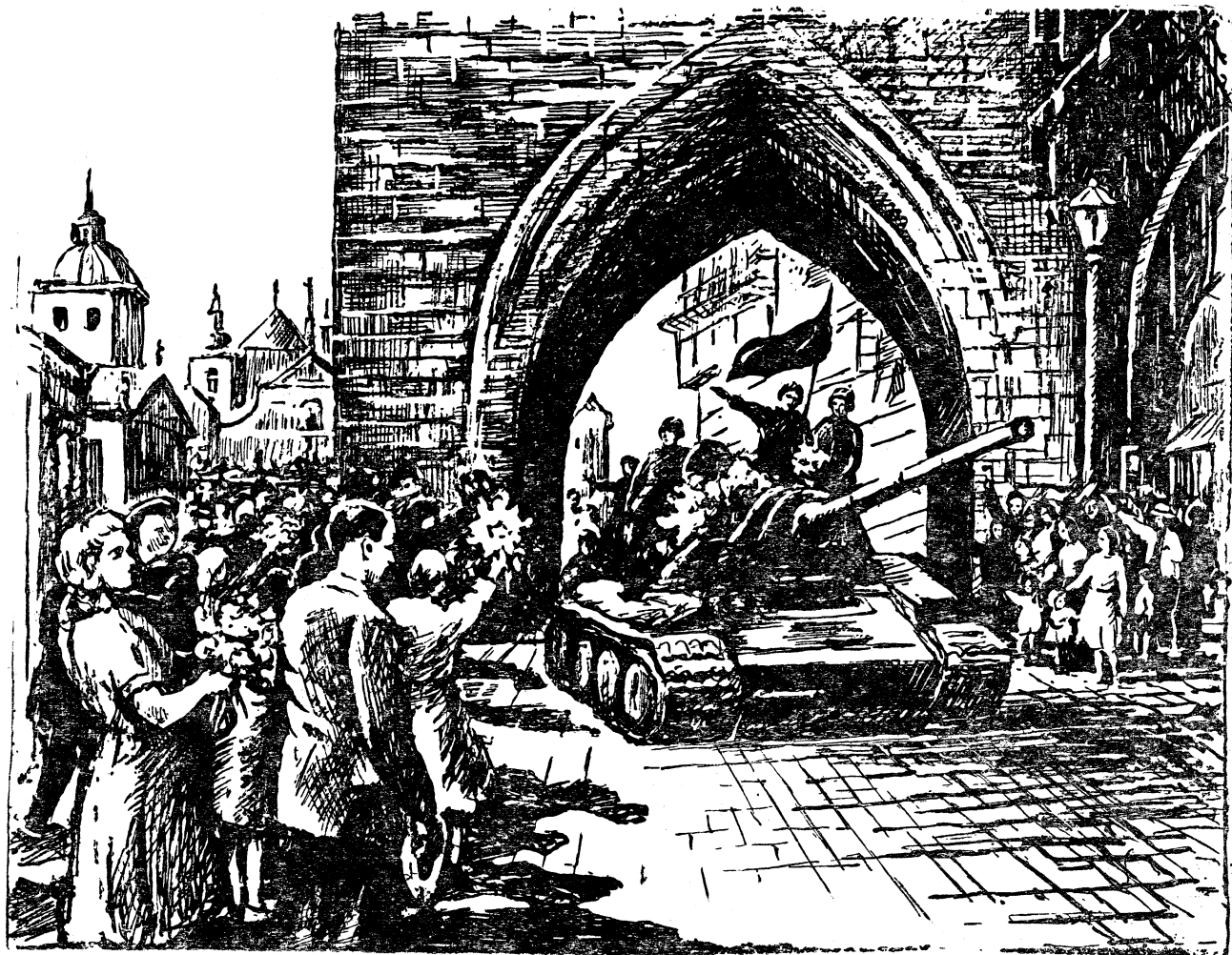
Славные победы Советской Армии освободили чехословацкий народ и многие другие народы. Победоносные советские войска, подходившие к Чехословакии с запада, по приказу Генералиссимуса Сталина решительным ударом 9 мая 1945 года выбили немцев из Праги и не только спасли славный город от уничтожения нацистской артиллерией и бомбардировщиками, но и сохранили жизнь пражским повстанцам, которые еще с 5 мая тщетно пытались выгнать немцев из столицы. По дороге в Прагу армия маршала Конева освободила Мост, Литомержицы и Кладно. Советскую Армию всюду встречали хлебом и солью, восторг и благодарная любовь наполняли сердца чехов. В те майские дни в садах с небывалой пышностью цвела сирень. Ее душистые ветки украшали советские танки и гривы лошадей. Пули нацистов, укравшихся на чердаках и крышах Праги, ранили советских воинов.

Цветение сирени навсегда связано для нас с победоносным походом советских войск на Прагу и Кладно, с их героическими жертвами за свободу человечества...

* * *

С востока за Советской Армией, вступившей в Мораву, следовало новое чехословацкое правительство. В него вошли коммунисты. Это правительство возвращалось в страну с прогрессивной программой.

Но едва оно возвратилось в Прагу, реакционные элементы при поддержке американских и английских империалистов развернули подрывную деятельность в самом правительстве. Они пытались сорвать выполне-

ние кошицкой правительственной программы, не допустить национализации чехословацкой промышленности.

Рабочие снова должны были бороться за свои права, и кладненские горняки, как всегда, выступили в первых рядах. Они вышли на улицы, требуя проведения национализации. Какие это были мощные демонстрации!.. В ответ на пройки ошетинившейся реакции в Кладно состоялось торжественное присвоение шахтам имен коммунистических деятелей. И сейчас в Кладненском бассейне есть шахты имени Готвальда, Нееды, Носека, Фирлингера и других. Два горняцких поселка — Гнидоусы и Мотычин — были объединены в город Швермов в честь коммуниста-партизана Яна Швермы.

Самым большим праздником было присвоение кладненским металлургическим заводам имени маршала Конева. В этот день десятитысячная толпа собралась на городской площади — историческом месте, которое видело столько борцов, павших за свободу в памятные дни различных эпох.

Маршал Конев с балкона ратуши обратился к ликующему народу. Потом он вышел на трибуну, окруженную горняками. Рядом с ним на ней были советские воины во главе с маршалом Рыбалко, представители города и рабочих. Цветы всех кладненских садов,

махровые розы с террас старого шахтерского городка Под-Пруговым, лилии из садов, сирень из новых поселков и цветы из окрестных полей душистой массой окружали трибуну.

Спокойное, мудрое лицо Конева улыбалось детям, которых поднимали к нему женщины в красных платочках. Рыбалко в своей речи с улыбкой вспоминал о дипломатических увертках союзников в дни похода на Прагу.

Весело развевались знамена в тот жаркий солнечный день, когда кладненские жители так полно почувствовали свое освобождение.

Могилы советских воинов украсили тогда цветами. И с тех пор постоянно кладненские жители украшают эти дорогие могилы с такой любовью, что каждый цветок светится ее лучами.

Нет, никто в Чехословацкой республике, а тем более в Кладно, не забудет этих могил. Пусть многие из них теперь только холмики земли, из-под которых уже взяты и увезены на родину дорогие останки. Не только на кладбище, но и на перекрестке, возле дороги, или в садике перед домом горит в цветах советская звезда — памятник павшему воину-освободителю.

В благодарность Советскому Союзу за освобождение Кладно назвало свои площади, улицы, сады именами,

связанными с великим днем победы. Заводы Огненного города завязали дружбу с советскими заводами. Из Кладно друзьям был отправлен целый поезд подарков. И не только заводы, но и отдельные рабочие, женщины и дети с любовью трудились, готовя свои маленькие посылки. Художники отправляли свои произведения, писатели — книги.

Но рядом с расцветающей любовью трудового народа хлопотала злоба буржуазии. Прислужники капитала, чувствуя угрозу своему благополучию, с пеной у рта выступали против требований революционной программы и особенно против требования национализации промышленности. В могучем напоре трудящимся массам удалось, однако, провести этот важный закон, открывающий путь к социализму.

Новая жизнь была ключом во всем округе.

Из нацистских тюрем возвратились уцелевшие коммунисты. Период между маем 1945 года и февралем 1948 года был периодом борьбы внутри страны.

Пришлось бороться даже за названия кладненских шахт, присвоенные им в честь выдающихся деятелей компартии Чехословакии. В связи с недостатком рабочей силы сознательные граждане вступали в трудовые бригады и добровольно в свободные часы работали в шахтах и на заводах. Молодежь с энтузиазмом включилась в строительство шоссе и дорог, домов для рабочих. Девушки работали плечо к плечу с парнями. Все это тоже вызывало насмешки реакционеров. Буржуазия обливала грязью этих людей, осеивала их бескорыстный труд. Столкнувшись с сильным сопротивлением рабочих, которыми руководила компартия, реакционеры в конце концов прибегли к заговору, который нашел поддержку на Западе.

Ненависть буржуазии к трудящимся повысила бдительность рабочего класса, коммунистической партии. Рабочие готовы были защищать свои фабрики и заводы с оружием в руках.

Но до вооруженного столкновения не дошло. Спокойный, мужественный товарищ Клемент Готвальд, тогда премьер-министр Чехословацкой республики, во-время обратил меч против реакции, угрожавшей независимости Чехословацкой республики. Все, что реакция с такой хитростью и лезвием подготовила, обратилось против нее же. Заговор был раскрыт, и наемники капиталистического Запада бежали за границу.

Оттуда, все еще пытаясь повредить, они с кислой миной наблюдают, как возрожденная Чехословацкая республика, где в новых выборах огромным большинством победили коммунисты, а президентом избран Клемент Готвальд, вступила в свою первую пятилетку.

* * *

Только теперь по-настоящему молод Огненный город, так как обращается в нем кровь свободного, радостного труда. На заводах возобновилась напряженная работа. Вновь зажженные доменные и коксовые печи весело выбрасывают в небо белые облака дыма.

При реорганизации национализированной промышленности были объединены заводы в Польди, кабельный и старые металлургические заводы. В начале 1948 года они образовали национальное предприятие — Объединенные сталелитейные заводы Кладно.

Восстановление хозяйства республики, ее планомер-

ный расцвет требуют новых кадров — рабочих рук нехватает. Проводится набор молодежи. Начинается новое профессиональное обучение в прекрасных школах, построенных специально для горняков.

Улучшение материального положения горняков и моральный подъем среди них преобразили труд горняка, от которого зависит развитие промышленности и благосостояние народа. И как прежде в борьбе труда с капиталом Кладно было всегда впереди, так и теперь кладненские рабочие идут в первых рядах строителей новой жизни. Потому-то Огненный город пользуется большим уважением и популярностью в нашей республике. Имя Кладно для чешского народа связано не только с красным заревом над доменными печами, но и с красным пламенем идеи, которая ведет мир к прогрессу, — идеи коммунизма.

Эта идея пронизывает каждое начинание сегодняшнего Кладно, руководит им. Дивится феодальный рыцарь на кладненской ратуше поразительным изменениям, происходящим вокруг него. Ему уже не экинуть взглядом всех новых школ. Возникла специальная музыкальная школа, созданная на основе чешской традиции кладненских шахтерских капелл. В ней обучается несколько сот учеников. Пятиконечные звезды на башнях шахт и над Объединенными сталелитейными заводами своим рубиновым блеском возвещают о том, что рабочий стал хозяином производства.

Чешская молодежь строит новое Лидице. Ей помогает в этом демократическая молодежь всего мира; она вложила свой труд в строительство, посылая сюда целые рабочие бригады. В то же время стоит отметить, что из средств, собранных в Америке вскоре после зверской расправы нацистов с селом Лидице, до сих пор не получено ни гроша.

Бывший клуб Пражской металлургической компании, построенный для развлечения господ, стал теперь спортивным клубом. Его прекрасный зал принимает рабочих — слушателей лекций, любящую потанцевать молодежь.

Кинотеатры, городские и поселковые, которые прежде подносили зрителям пустые американские фильмы, показывают теперь, после национализации чехословацкой кинопромышленности, наши чешские картины, советские художественные фильмы, демонстрируют лучшие достижения кинематографии стран народной демократии.

Кладненский театр с самого своего основания постоянно переживал кризисы, так как мелкую буржуазию вполне удовлетворяла местная оперетта, а рабочему, за редкими исключениями, были чужды пьесы, которые ставил театр. Теперь и этот театр, в связи с общей реорганизацией чехословацких театров, стал полезным для народа учреждением.

Расширяется кладненская городская библиотека.

Центральные профсоюзы открыли для рабочих здравницы, в ряду которых санатории горняков, естественно, занимают первое место. И если кладненских горняков — особенно старшее поколение — нет необходимости обучать труду, то отдыхать они учатся только теперь.

У нас в Кладно есть свои стахановцы, которые выполняют нормы на сто, на пятьсот процентов, свои рационализаторы. Рабочие на шахтах и заводах сознают, что от их труда, от их усилий, от выполнения

пятилетнего плана строительства Чехословацкой народно-демократической республики зависит будущее грядущих. Они дают трудовые обязательства, вступают в соревнование с рабочими других предприятий угольной или металлургической промышленности, оказывают помощь отстающим. Рабочие не только увеличивают выпуск продукции, но и улучшают ее качество, заботятся об экономии рабочей силы, о механизации, ускоряющей производство. Прокатные цехи, доменные печи, оборудование кабельного завода и станки сталелитейных заводов в Польди свидетельствуют о талантливых изобретениях рабочих, с успехом примененных в производстве.

Каковы же имена этих рыцарей труда? Это не дворянские фамилии. Это Новаковы, Надемлянские, Брзобогатовы, Копецкие. Что ни день, то новые имена. Растет число последователей остравского горняка Цахи, перенявшего стахановские методы советских горняков. Имена только кладненских стахановцев — шахтеров и металлургов — составили бы целую «степенную книгу» новой эпохи господства труда. Нынешние герои получают звание ударников. Им первым предоставляется право на обучение, на хорошую квартиру и хорошую одежду.

Они первые заселили новые дома на равнине между больницами, которая еще так недавно находилась на краю Кладно, и горняцким поселком Разделовым. Это или трехэтажные жилые дома, или коттеджи для одной семьи. Десять тысяч человек — семьи рабочих — поселились в этих домах. Каждая семья занимает квартиру из трех комнат с кухней, ванной и передней. В домах — центральное отопление.

На противоположном конце Кладно — теперь уже Большого Кладно, с населением более чем 60 тысяч человек, — развернулось опытное строительство ско-

ростным методом домов для горняков. Там же, у поселка Крочелавы, находятся красивый Дом молодежи и роскошные ясли с детским садом для дошкольников. Здания эти выстроены как показательные, по специальным проектам, отвечающим новейшим требованиям.

Ясно, что раскинувшему крылья городу необходимо срочно заботиться о воде, которой природа наделила его скудно. Помощь населения ускорила прокладку нового кладненского водопровода от Клинговской плотины. Руководство этим трудным, но радостным строительством поручено одному из членов правительства. Скоро много свежей воды потечет в растущее Большое Кладно.

На окраине города, в лесу, построен зимний стадион, где иногда происходят даже международные конькобежные соревнования, состязания по хоккею. Новое городское управление начало строительство большого комбинированного стадиона.

В центре города снесены высокие стены вокруг больших садов, ставших теперь доступными для всего населения. Снимаются заборы, окружавшие господские виллы с фруктовыми садами. Это разрушение символично. Оно укрепляет мораль нового человека: кладненские жители и без заборов сумеют сохранить общественное добро, сберечь деревья и их плоды.

Огненное Кладно вырастает в прекрасный социалистический город. В его обитателях рождается новый, социалистический патриотизм. Прежде город называли «Черным Кладно». Буржуазия с опаской говорила: «Красное Кладно», имея в виду его революционность. Большое Кладно гордится этим названием. Оно и впредь будет Красным Кладно, Огненным городом.

Ты, Кладно, образец для всего чешского народа.

*Перевела с чешского
Р. Кузнецова*

Ф. ЛАВРОВ

Рис. проф. П. Я. Павлинова

На морях и реках, так же как и в дремучей тайге или в укрытой снегом тундре, существуют проводники. Но едва заметным приметам они указывают кораблям путь. Их называют лоцманами.

Первое мое знакомство с людьми этой профессии произошло вблизи Архангельска, на бере¹ Северной Двины. Мне сказали, что там, где желтоватый речной поток вливается в Белое море, всегда стоит судно, указывающее дорогу в порт. Адрес оказался очень точным. Действительно, как только оборвались зеленые, покрытые сочной травой берега, я увидел покачивающийся на якорях небольшой корабль, выкрашенный в ярко-красный цвет. Это был Северо-Двинский пловучий маяк, на котором находился лоцманский пост.

Торговые суда, идущие из Архангельска, высаживали здесь лоцманов, а направлявшиеся в Архангельск — принимали их на борт.

Погода стояла скверная. Дул сильный ветер. Огромные волны забрасывали пловучий маяк пеной. На самой верхушке фокмачты все время мигал маячный огонь, и, держа на него курс, шли сквозь шторм корабли.

Выйдя на траверз маяка, корабли давали сигнальный гудок: «Примите лоцмана» или «Жду лоцмана». Отправлялась шлюпка, выкрашенная под цвет маяка и ласково прозванная «Красной шапочкой»; то проваливалась в бездну, то взлетала на гребни волн. Потом за бортом кто-то повисал на веревочном трапе, несколько минут отчаянно барахтался среди свинцовой тьмы, и в лоцманскую рубку с шумом вваливался новый, промокший до костей человек.

¹ Отмели.

Тогда-то я и узнал лоцманов. Это люди на редкость выносливые, жизнерадостные. Среди них много молодежи, комсомольцев. На Северо-Двинском маяке познакомился я с Ниной Николаевой, первой в мире девушкой-лоцманом. Смеясь, вспоминала она, как однажды вела следовавший в Архангельск за лесом английский торговый корабль.

Старая английская морская примета утверждает, что женщина на судне сулит неминуемую беду. Капитан — тучный джентльмен, привыкший полагаться на добрых русских лоцманов, вежливо уступил Нине место на мостике, не рассмотрев ее. Все шло отлично. Но когда корабль, повинувшись твердым и властным командам Нины, уже швартовался к причалу, капитан вдруг обнаружил, что лоцман — девушка. Он яростно набросился на вахтенного штурмана.

— Будьте благоразумны, сэр, — вмешалась Нина Николаева. — Ваше судно уже в порту, что вам еще нужно? Может быть, такой лоцман, как я, не предусмотрен законами английского «Ллойда»... Но, право, сэр, «Лloyd» ваш стал слишком стар, а вы сейчас попали в страну, в которой везде и во всем торжествует молодость. О-кэй, капитан!..

* * *

Прошло лет десять с тех пор, как случай впервые столкнул меня с советскими лоцманами на пловучем маяке в бурном Белом море. И вот недавно, находясь в другом краю нашей родины — на Дунае, в древнем Измаиле, я невольно вспомнил слова Нины Николаевой о торжествующей молодости. Потому, вероятно, что советское пароходство на Дунае называют пароходством молодости. Даже боцман — это олицетворение старого

морского волка: непременно с бакенбардами, в косматых облаках дыма, с зажатою в зубах трубкой — здесь совсем безумный. На судах плавают юные матросы, механики, коксы, и водят эти суда от Вены до Измаила двадцатилетние советские капитаны.

В центральной диспетчерской пароходства, склонившись над графиком, сидит старший диспетчер комсомолец Вася Бороденко и стремительно проводит красные, синие, зеленые линии, направляя движение всего советского флота по водной магистрали длиной в 2 700 километров.

Три года назад, когда создавалось на Дунае советское пароходство, со всех концов страны слал сюда комсомол своих посланцев осваивать искусство судоходства на великой реке.

Тогда-то и приехал в Измаил херсонский паренек Владимир Гмыря.

Доводилось ли вам держать в руках объемистую книгу, называемую «Лопцией»? В ней шаг за шагом описываются берега рек, каждый предмет, способный служить ориентиром в плавании по ним, и каждое подводное препятствие.

Пересекая земли пяти государств, от Шварцвальда к Черному морю катит Дунай свои воды по каменистому извилистому руслу. Его питают реки, текущие со снежных вершин Альп и голубых Карпат. 120 притоков принимает на своем пути Дунай.

У Турно-Северина, в районе знаменитых Железных Ворот, начинается горный Дунай. Река неистово ревет, зажатая склонами Трансильванских гор. Над берегами нависают огромные, почти отвесные скалы.

Вырвавшись из гранитного ущелья, Дунай низвергается бушующим водопадом и мчится со скоростью 24 километров в час. Путь реке здесь преградила скала длиной в километр.

Несмотря на пороги, Дунай здесь не имеет шлюзов. Чтобы сделать его в этом месте судоходным, у правого берега сооружен асфальтированный канал, отделенный от реки гранитным молотом. Однако напор воды в нем столь могуч, что идущие вверх суда не могут преодолеть его. Им на помощь приходит двигающийся вдоль берега паровоз, который берет судно на буксир и как бы втаскивает его по водной горе вверх.

За Железными Воротами построено на реке множество дамб, при помощи которых регулируется глубина фарватера. Лопция Верхнего Дуная принадлежит к числу самых сложных путеводителей по рекам. Местные лопцманы веками хранили тайну глубин и капризы течений этой своенравной реки.

Был на Дунае русский лопцман — маленький, сгорбленный старичок Григорий Александрович Трифонов. Он пришел в «пароходство молодости», как только оно было создано, и часто рассказывал юным его питомцам, среди которых был и Гмыря, какой ценой он в свое время познал Дунай.

Учиться ему пришлось у лопцмана старого закала Аристиды Арминополо, весьма неохотно делившегося с молодежью своими секретами. «Обучение» кончилось тем, что однажды Арминополо, несмотря на свое знание реки, застрял с баржами на перекате, и пришлось ему обратиться за помощью к своему бывшему рулевому Григорию Трифонову...

С гордостью слушал Гмыря рассказы Трифонова

о памятниках русской славы, которые хранят берега Дуная.

— Для русского человека это вечно горящие маяки, — говорил Григорий Александрович, — указывая по карте на Рущук, Плевну, Будапешт, Вену.

В один из весенних дней, когда «пароходство молодости» подняло флаг четвертой навигации, курсанты расстались со старым лопцманом, — они ушли в плавание. Их ласково прозвали «лопцманятами» и возлагали на них большие надежды.

— Знаешь, что такое лопцман? — спросил Гмырю столь же молодой, как и лопцман, капитан Юрий Рещетников, когда они вместе несли вахту на мостике белоснежного теплохода «Сиваш». — Мне думается, что это должен быть человек, который знаком с дном лучше, чем с поверхностью.

В детстве Гмыря мог с замуренными глазами пройти полгорода — от дома на стадион. Но это был родной город, — в нем каждая улица была знакома с малых лет. А тут на сотни километров тянулись неведомые берега. Русле, скрытое водой, казалось горной

— Вы попали в страну, в которой везде и во всем торжествует молодость.

дорогой, окутанной туманом. И судно нужно вести по ней не на ощупь, а уверенно выбирая путь.

На участке в сто километров — пятьсот подводных камней. У каждого свое имя, каждый по-своему опасен.

Как найти закономерность в этом нагромождении скал? Каким образом развить свою память, чтобы научиться знать тысячи невидимых препятствий?

За обеденным столом в кают-компании часто пустовало место молодого лоцмана. Неугомонный базагур боцман Коля Юрьев заявлял:

— Гмыря с головой ушел на дно.

Шутка боцмана, пожалуй, была близка к правде. У людей разных профессий вырабатывается свое умение видеть, свое отношение к тем мелочам, которые определяют степень владения профессией.

Так было и с Гмырей. Увидит молодой лоцман на берегу какое-нибудь дерево с необычно изогнутым стволом, и сразу мысль его переносится на дно: а что там?..

Допоздна светился огонь в иллюминаторе лоцманской каюты. Склонившись над шуршащей калькой, Гмыря переводил свои дневные наблюдения на язык чертежей и карт.

В экипаже «Сиваша» все были сверстниками Гмыри. Комсомольцы стояли у штурвала, управляли тысячесильным судовым двигателем, «ладили» такелаж; и каждый стремился лучше узнать свое дело, потому что знания помогали быстрее водить караваны.

Так как баржи были с разной осадкой, караваны, идущие от Вены до Измаила, обычно переформировывались в пути. Иначе бы они не могли пройти обмелевшие участки. Так же как и паровозы на крупных узловых станциях, менялись на участках белоснежные теплоходы, буксировавшие караван. У комсомольцев «Сиваша» родилась мысль сломить эту традицию и провести маршрутный караван по всему Дунаю без паузок и расчалок. Задача бралась тяжелая, но она сулила огромный вытрып во времени.

Шлюпка шарила по реке.

Карта была сплошь исчерчена пометками глубин.

...Пять дней шел за «Сивашем» маршрутный караван. Города по берегам сменялись скалистыми ущельями и широкими долинами. Уже недалеко была цель. Поскрипывал на гаке длинный буксирный трос, далеко растянулись на нем баржи. На мостике и в машине круглые сутки все были на-чеку.

Гмыря достал сделанную его руками карту Н-ского канала. Через час в этот канал должен был втиснуться караван. Спускались сумерки. Гаснул в зеркале плеса последний солнечный луч. Неожиданно к «Сивашу» подошла шлюпка. Капитану доставили ерочный пакет: его ставили в известность, что уровень воды в канале внезапно и резко упал.

Рухнули все планы. Одна из барж теперь не могла пройти. Ее надо было паузить и перевалить с борта на борт в остальные баржи несколько сотен тонн груза. Это означало не только потерять все сэкономленное время, но и отказаться от своей мысли осуществить маршрутный рейс.

Решетников решил ждать рассвета. Караван поджался к берегу и стал на якоря.

Ночь выдалась очень звездная. Река вся светилась. Гмыре не спалось. Мысль о том, как провести злополучную баржу, не оставляла его. Где взять пять сантиметров недостающей глубины?.. Он упрямо искал их, роясь в картах. Но карты тоже были упрямы и отвечали: нет. Тогда он принимался за изучение течения реки. И течения подсказывали, что именно здесь Дунай должен иметь второй ход.

На одной из очень старых карт Гмыре, наконец, удалось обнаружить такой ход, — синей ветвью отрывался он от русла, как от ствола. Но находка оказалась бесполезной и вызвала лишь горькое чувство досады: ветвь была несудоходной — так утверждала «Лопция».

«А что если взять под сомнение это утверждение «Лопции»?.. — подумал Гмыря. — Ведь Дунай живет. Он кочует, меняет русло. Может быть, внезапный спад воды в канале и вызван тем, что поток устремился по этой старой ветвке?»

Гмыря вышел на палубу. Чуть зеленоватое серебро лунной дорожки легло на черный бархат реки. Он спустил шлюпку и поплыл вверх. В лунном свете ве-

сла, казалось, надламывались, и вместо двух в воду погружалось четыре. Вскоре близко замелькали караванные огни.

— Э-э-эй, на ноль сорок второй! — раскатисто крикнул Гмыря, решив, что шкипер в этот час дремлет на барже. Но сверху тотчас отозвался густой, хрипловатый бас. Кто-то с огромной косматой бородой подошел к борту и ловко поймал брошенный со шлюпки швартовый конек.

«Откуда взялась эта борода?» — подумал Гмыря. А борода прохрипела, вопросительно уткнувшись в Гмырино лицо:

— Ты кто будешь-то? Лопман с «Сиваша»?.. Вот кстати: дело к тебе имеем.

Это был старый волжский шкипер Ипатий Савельевич, приехавший на Дунай передавать молодежи свой полувекковой опыт. Он торопливо повел Гмырю к себе в каюту, где стоял на столе огромный чайник. Видно, шкипер, как всякий истинный волгарь, любил побаловаться чайком. Но сейчас было не до чая. Вокруг сидели матросы, плавающие с Ипатием Савельевичем на барже.

— У нас тут собрание маленькое, — пояснил шкипер, и, обращаясь ко всем, продолжал разговор, прерванный приходом Гмыря.

— Как вы считаете, а на паузку двое суток положить нужно?

— Правильно, Ипатий Савельевич, — вмешался кто-то из матросов. — Нам свой план тоже дорог. Паузиться не будем.

— Нам это совесть комсомольская не позволяет делать, — сказал другой. — Не выход это. Так лопману и скажи.

Гмыря сделал шаг вперед.

— Я, товарищи, сам против паузки, — сказал он и тут же выложил свои догадки.

— Дельно, — подмигнул, улыбаясь, широколицый матрос.

Ипатий Савельевич предложил немедленно разве-

дать ход. С ним вызвались два матроса. Старый шкипер вооружился наметкой и, усевшись в шлюпке рядом с Гмырей, одобрительно промолвил:

— Русский человек, царень, любит пробовать — в этом его сила. Попробует и, глядишь, выходит.

Всю ночь шарил шлюпка по реке. Слышался хрипловатый бас Ипатия Савельевича, стоявшего с наметкой на корме:

— Восемь, девять, одиннадцать, под табак...

...На рассвете возбужденный Гмыря стучал в каюту капитана «Сиваша». Решетников не спал.

— Юрий Викторович, давайте команду сниматься с якоря! — крикнул Гмыря. — Пройдем.

Он разложил перед Решетниковым пожелтевшую от времени старую карту. Капитан увидел на ней давно забытый рукав, разведанный за ночь Гмырей со старым шкипером. Карта была сплошь исчерчена только что сделанными пометками глубин. Дно неведомого рукава лежало перед Решетниковым, будто выловленное из воды: пробуй на ощупь.

— Смотри, какие глубины, капитан! — удовлетворенно воскликнул Гмыря. — Путь открыт.

«...Утро было в голубой дымке.

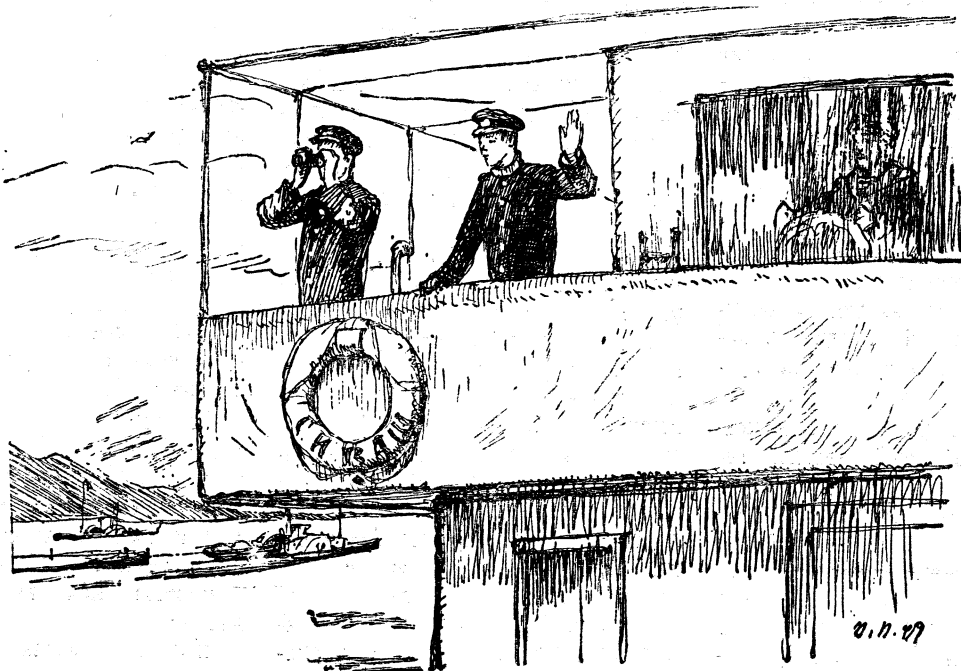
Полным ходом шел караван, бороздил воду рукава реки, как плуг нетронутую целину.

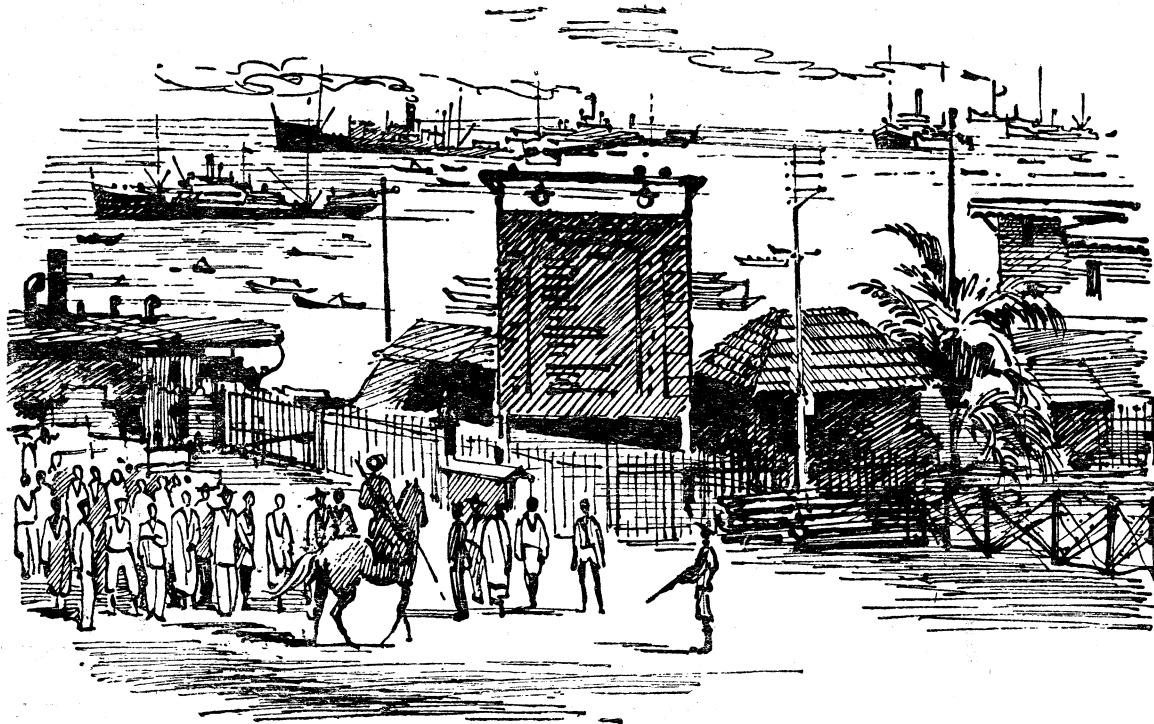
Далеко позади остался непроходимый канал. Широкий плес расстилался впереди. На мостике «Сиваша», напряженно вглядываясь в даль, стояли два юноши — капитан и лопман. Свежий утренний ветер бил им в лицо.

А навстречу шли все новые и новые суда. На их мостиках стояли капитаны и лопманы, с которыми вместе учился Гмыря. Это было утро нового Дуная, утро молодости, светлого труда и дерзаний.

Торжественными гудками приветствовали встречные суда экипаж «Сиваша», ведущий первый маршрутный караван.

Завтра они заимствуют его опыт — и вдвое быстрее, под советским флагом, пойдут по Дунаю грузы.

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ В МАЛАЙЕ

С. БЕЗРУЧЕНКО,
старший механик парохода „Баку“

Рис. В. Алфеевского

...Индийский океан остался позади. Предстояли остановка и небольшой отдых после многосуточного, трудного перехода.

Британская Малайя, порт Пинанг, или, как называют его англичане, Джордж-Таун.

К борту нашего судна подходит шустрый моторный ботик, и здоровенный англичанин-лоцман поднимается на палубу. Рыжий, волосатый, глаза оловянные, челюсть солидная, квадратная. Тропический шлем, короткие штаны. Стопроцентный тип хозяина здешних мест, англичанина-колонизатора.

Огибаем мысок, входим в неширокий Малаккский пролив и, немного повозившись в поисках просторного места, отдаем якорь.

Порт Пинанг расположен у подножья конусообразной зеленой горы.

К нашему судну спешат лодки — сампаны. В лодках — китайцы: здесь, оказывается, половина всего населения китайцы. Лодчишки в широкополых, островерхих шляпах. Они быстро гребут длинными веслами, стоя и с каждым гребком

скрещивая руки: левая рука — на правом весле, правая — на левом.

В лодках немудреный товар: бананы, ананасы, какие-то фрукты красного цвета, своими колочками напоминающие наш конский каштан, сигареты, карты, гребни, плохонькое белье.

Не дожидаясь трапа, китайцы, закинув веревку с крючком, с ловкостью влезают на палубу, быстро раскладывают на ней свой товар, садятся возле него и что-то тараторят на китайско-английском жаргоне, жестикулируя и бесконечно повторяя знакомое им русское «хорошо».

Берем у китайца местную газетку. На первой странице городские новости, на второй — редакторские мысли о путях развития... тенниса, затем мелкая информация и — целый лист, посвященный «борьбе с бандитами»... Партизаны, люди, не желающие ходить в английском ярме, люди, борющиеся за свободу своего народа, этими газетными именуются бандитами. Вот фотография молодого тшедушного парня-малайца, внизу подпись: «Бандит

Захвачен в окрестностях Куала-Лумпур. Повешен». Коротко и ясно, так же коротко, как и коротка справа... Газеты ведут ей точный учет.

Малайя — родина каучука.

Каучук для Малайи — это золото, вытекающее в виде сока из деревьев гевей. Но сами малайцы к своему каучуку, своему добру не имеют, конечно, никакого касательства. Впрочем, нет. Имеют. Собирают сок гевей, сушить его, грузить на корабли — это дело рук малайских кули. Плантации каучуконосов, плантации риса, принадлежат англичанам и голландцам, но не малайцам. Малайские олово, нефть, платина тоже отняты у народа. Народ только работает и — голодает...

Выйдя на другой день в город, мы и в городе видели малайцев только нищих и рикш. Тощие, высушенные насквозь пальцами солцем и голодом, хозяева богатейшей земли возят на себе пришельцев-захватчиков или выпрашивают подачки.

Малайская земля сегодня разделена заборами, всюду таблички на

чужом языке. Главное и часто повторяющееся здесь слово — «лимитед». Малайцам его значение известно прекрасно. Это «лимитед» — «ограничено», «ограждено» — отняло у них землю, отняло свободную жизнь, отнимает последние крохи, и сегодня тех, кто не согласен с «лимитед», расстреливают и вешают. Но виселицы не останавливают движения за свободу. Малайя в огне освободительной борьбы. В городах и селениях, на плантациях и в джунглях все ярче разгорается повстанческое движение, захватывая, вовлекая в борьбу с белыми угнетателями и соседние свободлюбивые народы.

Город Пинанг, как и все города здесь, — это два-три квартала банков, контор и европеизированных магазинов, а в остальном это горед узких, грязных многолюдных улочек, наполненных мелкими лавчонками. Торгуют все, кроме малайцев.

Вот сидит парс в круглой, плоской бархатной шапочке. Его лавка набита искусственными шелками. Рядом китаец торгует бумажными тканями. Дальше лавка индуса, продающего всякую всячину. Вот целый квартал китайцев-дантистов. Вот за решетками китайцы-менялы. Все торгуют, но мало кто покупает. В туземной части города глаза разбегаются от пестроты одежд. Голову дурманят сильные, приторные запахи. Тут ароматы каких-то курений и отвратительный дух несвежей копченой рыбы, трепангов, осьминогов, гниющих креветок... Гул и гам страшные. Крики зазывал, переговоров соседей через улочку, у дверей небольшого индусского храма тощий до неправдоподобия и почти голый паренек вдохновенно и безжалостно бьет в огромный казан-барабан. Рядом мясная, где, повиснув на задней ножке в руке у мясника, отчаянно визжит поросенок. Соскучившись жевать ручку плетеной корзины, безостановочно орет осел, словно вызывая к своему нерадивому погонщику, который тут же рядом перебранивается с целым взводом велосипедистов.

Выходим на набережную.

Шустрый мальчик-китаец встречает нас еще в городе: «Сампан, мистер, сампан!» Идем за ним по длинным шатким мосткам свайного леселка и садимся в сампан. Мальчик ловко выгребает между боль-

ших джонок на простор проливов. Город с его вонью и шумом сразу отодвигается назад, и неожиданная тишина давит уши...

* * *

Из Пинанга мы идем в небольшую гавань Светенгем — своеобразную отдушину в море из столицы провинции Куала-Лумпур. Светенгем — миниатюрный порт: всего на два причала. Пять-шесть судов стоит, долго ожидая очереди.

Куала-Лумпур отличается от Пинанга только величиной — немного побольше, в остальном тот же Пинанг. Необычайно часты здесь и сильны дожди. Жарко, сыро.

Раздражают часовые в ярких красных тюрбанах. Они топчутся на пристани у нашего судна, неизвестно кого и что охраняя.

Снова в море. Короткий переход в Малакку, а затем в Сингапур.

Малакка — это рейд. Берег похож на кавказский у Пицунды. Через сутки — Сингапур. Вот она, прославленная английская крепость у скрещения морских путей, так бесславно и без боя сдавшаяся японцам во вторую мировую войну. Ее защитники бежали, бросив все, тогда как малайские партизанские отряды дрались с японцами во время оккупации.

В Сингапуре ранняя весна, но мы обливаемся потом, такая тут жара. А ведь только середина февраля...

Получив пропуска, выходим за ворота порта. Длинная улица, мостом перекинутая через канал, ведет в город.

Сингапур — город контрастов. От чистых, покрытых асфальтом, с хорошими домами улиц Сити, то есть коммерческой и деловой части города, ответвляются улочки и переулочки, кривые и узкие, грязные, застроенные плохонькими домишками. В эти улочки санитарные власти города, очевидно, не заглядывают. Здесь все остается таким же, каким было десятки лет назад.

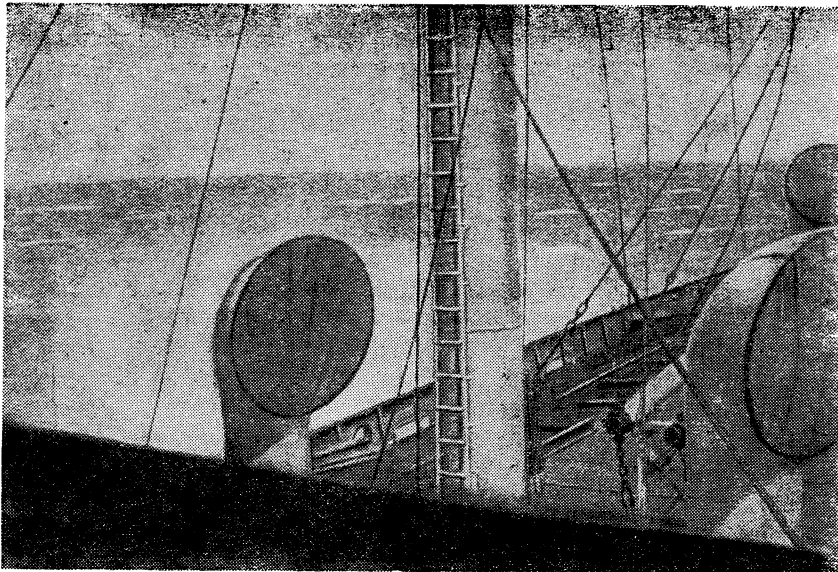
Вот на углу одного из переулков работает уличный брдобрей. Клиент, вытянув шею, сидит на корточках, прямо посреди тротуара. На корточках сидит и мастер. Намочив указательный палец сомнительной чистоты в воде, налитой в консервную банку, он возит им по щеке клиента и не спеша скребет его тупым ножом. А за углом, неподалеку, на

широкой асфальтированной улице сверкает стеклом и никелем парикмахерская с комфортабельными креслами, охлажденным воздухом, огромными вентиляторами.

Рядом с рестораном, раскинувшись на широкой площади под прикрытием цветных тентов, стоит тележка с небольшим очагом, и лоснящийся от масла мальчик-китаец варит вермишель. Вокруг него, присев на корточки, неприхотливые и вполне довольные стряпней и местом клиенты с аппетитом уничтожают его варево, быстро и ловко орудуя палочками. Дальше — харчевня, тесная, закопченная, насквозь пропитанная запахом кунжутного масла и несвежей рыбы. Под потолком висит большая катушка, на которую намотана вареная лапша. Длинная узкая полоска теста спускается почти до пола. Уплатив монету, посетитель может взять лапшину в рот и есть ее, пока она, сматываясь с катушки, не оборвется. Тогда надо платить снова. Говорят, что некоторые голодные и не обладающие большими средствами посетители умудряются довольно долго насыщаться, не жуя, а просто глотая это полусырое, грязно-серое, засиженное мухами тесто... В нескольких шагах от харчевни, весь в мраморе и кафеле, kiosк мороженого и прохладительных напитков. Мягкая мебель, ледяная вода, мороженое всевозможных видов. Но все это не для малайцев.

Нищих на главных артериях города не встретишь. Здесь их полиция не терпит. Стоит, однако, свернуть в боковые улицы и закоулочки, и вам сразу покажется, что Сингапур — это город калек и нищих. Здесь их вереницы — старых и малых. Они протягивают к вам свои культияпки, дергают вас за одежду, ползут вам под ноги. Вот старик, совсем обнаженный. Волосы у него собраны в пучок, стоят копной от колтуна. Глаза гноятся, лицо изъедено какой-то болезнью.

В самом городе англичан и других иностранцев мало. Разве только в комфортабельных отелях. Больше их за городом, в особняках по обеим сторонам широкой гудронированной дороги, ведущей к ботаническому саду. Живут они широко и удобно. Какой-нибудь конторщик, клерк у себя на родине жил бы, вероятно, в квартире-клетушке и благодарил судьбу. Здесь, пользуясь

На пароходе «Баку». Шторм в 10 баллов.

преимуществом в цвете краски. Он роскошествует в просторнейших бунгало. А хозяева страны живут на барках и сампанах, которыми кишат узкие каналы, прорезающие Сингапур в разных направлениях. На родной земле для них нет места. На каналах они рождаются, живут и умирают. Всю ночь над каналами стоит дым очагов. Среди обитателей каналов женщин и детей очень мало: содержать семью многим людям не по силам.

На рейде против центральной части города стоят британские линкоры и авиаматки. Целый день на виду у всех здесь происходят смотры, смена караулов; все это затем, чтобы все видели, чем богат арсенал Альбиона и что может быть брошено на усмирение непокорных. Улетают и прилетают десятки самолетов. Бреющим полетом они проходят над пригородами, наводя страх на туземцев. На линкорах ворочаются огромные хоботы башенных орудий, резво бегают по акватории порта катеры, переполненные английскими матросами и морской пехотой. Смотрите и устрашайтесь!..

В местной газетке публикуется сводка, гласящая о том, сколько сегодня убито партизан в джунглях вокруг Сингапура...

Госпиталь при Иоаннитском монашеском ордена — одно из лучших лечебных учреждений на Востоке. Но он только для «белых». Массе страждущих «цветных» не оказы-

вается никакой медицинской помощи. А здесь, как нигде на свете, свирепствует туберкулез, потрясающе громадная смертность детей, невиданные кожные заболевания.

Бродя по Сингапуру, приходишь к заключению, что город на военном положении. Масса солдат, матросов, полицейских, офицеров, и все вооружены до зубов.

Боятся, о как боятся англичане!.. Офицер сидит в кресле у парикмахера, а перед витриной прохаживается по улице караульный и гонит прочь прохожих. Группа офицеров сидит на веранде ресторана, и часовой перегоняет пешеходов на противоположную сторону улицы. Англичане сами сознаются, что за пределами города они в состоянии перебираться только под охраной крупных воинских соединений.

Окраины Сингапура такие же, как и всюду в Малае: грязь, мухи, запахи несвежей пищи и потрясающая скученность.

Вот улица с китайским названием. Домики сплошь деревянные, в два-три этажа, похожи на картонные. Прогнутые полы, кривые стены, но домики жмутся плотно один к другому и стоят. На длинных бамбуковых палках, выставленных до середины улочки, висит мокрое белье: не важно, что с него капает на лотки с фруктами внизу. Первый этаж занят лавочками. Второй — жилой. В нем сплошные стены нет: он весь поделен решетчатыми

переборками на клетушки-комнаты. Посредине, одна на весь этаж, день и ночь горит лампочка. Шум стоит в этих домах ужасный. Набиты они людьми до предела. Коммунальных услуг, конечно, никаких. Колонка с водой — тоже одна на весь квартал. Попасть на второй и третий этажи можно только по бамбуковой лесенке-трапу, опускаемому сверху прямо на тротуар через люк. На ночь трап подбирают под потолок, и сообщение с внешним миром прекращается. Пища готовится в этих же клетушках, на мангалах (жаровнях). Вот это называется здесь «квартирами», за которые взимается солидная плата, отнимающая у рабочего от трети до половины его заработка.

В порту Сингапур и возле него такие же домики, но каменные, по-настоящему. От порта и прилегающей улицы они отгорожены высокой сеткой из колючей проволоки; у ворот стоит часовой в полном вооружении. В этих домах живут кули — грузчики, законтрагованные на определенный срок. Чтобы кули не бежал раньше срока, и он и его семья содержится за решеткой. Живут, полжесту говоря, в тюрьме. Выход в город и отцам и семьям запрещен. Утром глава семейства бредет мимо часового на работу. Часовой считает проходящих и, выпустив из дому первую смену, запирает ворота на замок. Семья день и ночь копошится в пределах ограды. По мнению английских монополистов, изобретших такой метод закрепления рабочих, кули получают таким образом более дешевую и более гигиеническую жилую площадь...

Вечером, когда спадает дневной жар и начинается поддувать свежий бриз, детишки и взрослые залускают десятки разнообразных воздушных змеев. Сделанные то в виде сердца, то в виде ястреба, бабочки змеи упруго поднимаются высоко в воздух.

Змеи выются, попискивают наверху, а внизу смуглолицые «аэронавты», задрав головы, оживленно спорят на какой-то смеси из пяти-шести языков. Нет-нет да и обрвется один из змеев, и долго бежит за ним неутешный мальчишка, размазывая кулачком слезы и грязь по худеньким скуластым щекам.

Один из змеев упал к нам на судовую антенну. Мы долго разгля-

дывали бабочкообразного бумажного летуна. Много мальчишек положили труда и терпения, чтобы так аккуратно разрезать бамбук на тоненькие полоски-пружинки, так плотно и чисто склеить плоскости. Конечно, владельца в порт полиция не пустила бы, да и сам он не посмеет сюда сунуться...

С английской методичностью подходит часовой к каждому, кто, останавливаясь у нашего судна, рассматривает эмблему Страны Советов — серп и молот, — и недвусмысленно вертит под носом у бедняги своей дубинкой.

Сингапур очень разросся за последнее время. Да, собственно говоря, и немудрено. Десять миллионов долларов в месяц приносит только каучук. Двадцать пять миллионов долларов в месяц приносит олово. Двести пятьдесят миллионов долларов в месяц дает нефть. Есть на что строить, а пара рабочих рук стоит здесь всего один доллар в день... И англичане строят, но, конечно, только для себя. А малайцы как жили в джонках и сампанах на сингапурских каналах, так и живут.

Миллионное население города на три четверти состоит из китайцев. Малайцы выполняют здесь только черную работу, — следовательно, им в самом городе жить незачем.

Бриллиант за бриллиантом теряет подержанная английская корона. Малайские штаты — одно из самых ценных вкраплений в эту корону, славящуюся присвоенными украшениями. Англия старается любой ценой удерживать за собой Малаю, не жалует никаких средств и не стесняется любого насилия, пытаясь удержаться тут.

Но нелегко сегодня этим хозяевам в Сингапуре. Вот едет бронированная машина, останавливается у правительственного здания; из нее выходит выхолонный англичанин и под охраной двух синаяев быстро ныряет под своды вестибюля. Плохи, видно, дела, если чиновникам на работу приходится ездить в броневидах.

Бывает и так, что посланная на рынок прислуга приносит, сама того не зная, в дом к англичанину или голландцу бомбу, которая может взорваться совершенно неожиданно. Случается также, что такси с белыми пассажирами почему-то

летит через невысокий парашет в канал, а шофер, выпрыгнув из машины на ходу, исчезает. В глуши на плантациях продолжают жить только самые отчаянные их владельцы. Живут, как в лагерях, под охраной солдат. Большинство этих плантаторов давно уже отправили свои семьи на родину.

Не так легко и управлять страшной, охваченной пламенем повстанческого движения. Морские гиганты везут через океан дивизии за дивизиями, везут первоклассное вооружение, все, что можно пустить в «дело» против свободолюбивых туземцев.

Солдаты, солдаты и солдаты... Повсюду «томми» в своих черных беретах, в коротеньких брюках, вооруженные до зубов. Они в порту на всех углах, у складов, у ворот, то в одиночку, то по два, по три. То же и в городе. То и дело проносятся военные грузовики с группой спешащих куда-то солдат. Видно, нелегко сидеть на вулкане.

Интернациональные проходимцы из французского иностранного легиона едут через океан в Вьетнам, чтобы сложить свои кости под меткими пулями восставших аннамитов. Англичане, ирландцы, шотландцы каждый день складывают свои головы здесь, в Малае. Не один уже Смит или Броун лежит в джунглях, которые так понадобились английской короне. Едут сюда и бывшие гитлеровцы, чтобы остаться гнить на этих сказочно богатых островах.

Малайя просыпается от многовекового рабства. Малайя хочет быть свободной и будет свободной, как бы ни пеплялись за этот лакомый кусок хищные когти британского льва.

На Дальнем Востоке, по сообщениям газет, осенью текущего года рыбаками было добыто несколько очень редких рыб.

Так, бригада стахановца Зарубинского рыбного комбината Ф. Шинаева выловила рыбу, сплюсненное с боков блинообразное тело которой, покрытое бурой шероховатой мелкозернистой кожей, почти не имело хвостовой части и заканчивалось двумя гигантскими заостренными плавниками. Маленький рот, увенчанный двумя острыми роговыми пластинками, напоминал клюв птицы. Рыба эта была, как оказалось, редким экземпляром луна-рыбы, длиной более двух метров и весом в 300 килограммов. Единичные случаи поимки луна-рыбы бывали здесь и раньше, но вес их ни разу не превышал 100 килограммов.

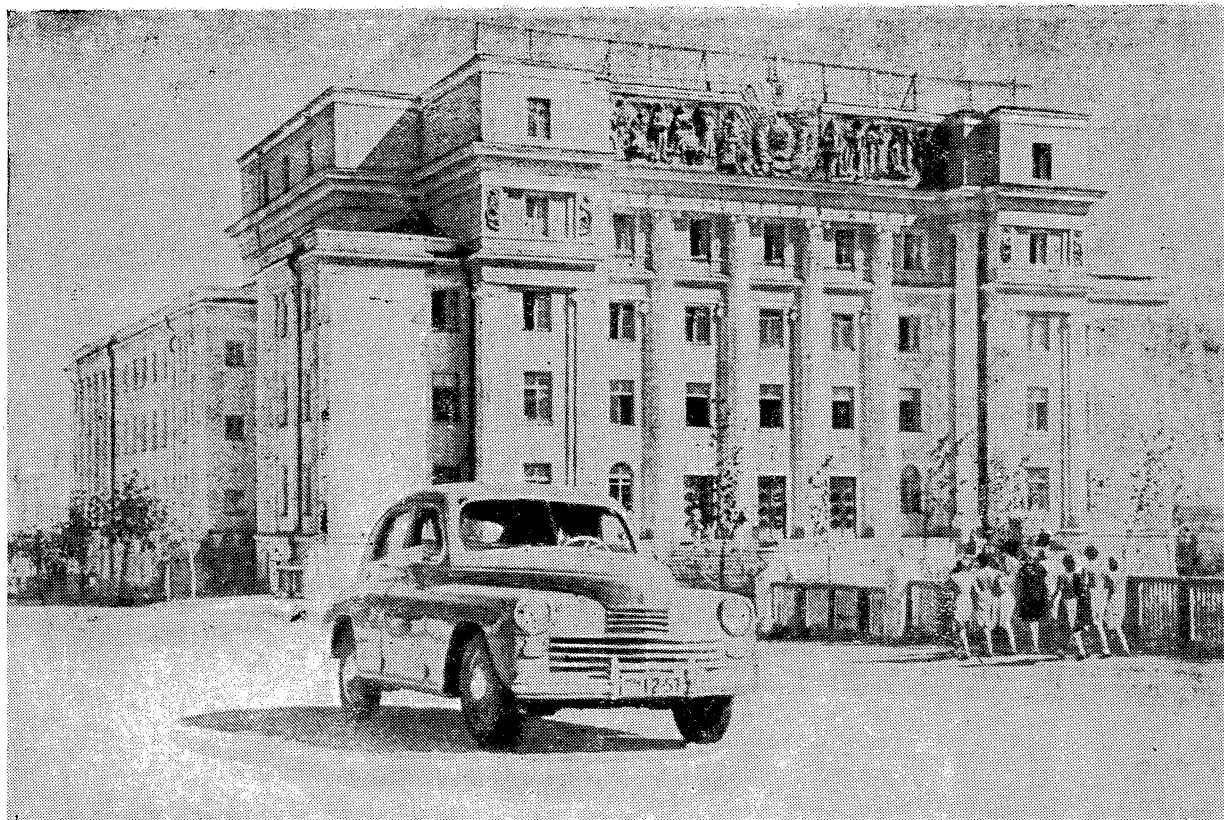
Рыбаки Владивостокского рыбного комбината извлекли из моря никогда раньше не виданную ими рыбу с коротким туловищем и огромной плоской головой, усеянной шипами. Это был глубоководный «морской чорт» — хищная рыба из отряда колючеперых. Светящийся отросток на голове у хищника служит приманкой для мелкой рыбешки.

«Морской чорт» водится в теплых водах Атлантического океана и в Средиземном море. Иногда встречается он также и в водах Черного моря. Но в Тихом океане он редкий гость. За последние 30 лет в приморских водах «морской чорт» попадает всего в третий раз.

В бухте Ногаево (Колыма) одному из рыбаков попала на крючок большая плоская рыба длиной до 80 сантиметров и шириной свыше полуметра. Необыкновенная рыба имела веретенообразный хвост длиной 50 сантиметров, покрытый острыми иглами, похожими на зубья пилы.

В Колымском краеведческом музее определили, что это так называемый «морской скат Смирнова».

Подобный вид рыбы водится главным образом в южной части Охотского моря, а также в водах Японского моря, где он носит название «морской кот». Не являясь хищником, он, однако, представляет опасность для человека и резким ударом хвоста может нанести рыбаку глубокие раны.

ПОЕЗДКА В САРАНСК

ПАВЕЛ ДРУЖИНИН

(Заметки писателя)

В Саранске я был лет тридцать с лишним назад. Сидя в вагоне поезда, я отдался воспоминаниям. Я представил себе плохонькие деревянные тротуары с провалившимися досками, приземистые кирпичные дома вперемежку с деревянными домиками, лабазы, пыль незамощенных улиц, грязную базарную площадь с пожарной каланчой, полицейским управлением и казармами на окраине.

В обычные дни в городе царствовала сонная тишина. Изредка простучит каблуками по деревянным настилам солдат-вестовой, протренькает шпорами офицерик в щегольском кителе, пройдут две-три бабы с котомками, барыня из саранских купчих, в широкодонном суконном картузе — владелец какой-нибудь бакалейной лавочки.

Я пробую представить Саранск в базарный день. Передо мной возникает лес оглобелей, поднятых вверх над телегами, возле которых лениво прожевывают корм крестьянские лошадки, а меж телег снуют взад и вперед толпа мужиков в армяках, в лаптях, в драных картузах и шапочках, бабы в широких сарафанах, мордовки в белых расшитых рубахах и «пуляях». Мелькают засаленные пиджаки и картузы барышников, чернобородых цыган, кокарды чиновников, цветные зонтики офицерских жен, прибывших на базар за провизией в сопровождении расторопных денщиков. Все это скопище телег, тарантасов, людей утопает в облаках душной летней пыли. Стоит гомон, крик, ругань, лошадиное ржанье, поросчатый визг...

Именно таким я знал Саранск в

1912, 1913 и 1914 годах, когда служил там в пехотном Виндавском полку. В этом городе мне привелось побывать еще раз и в 1917 году.

Среди уездных городов Пензенской губернии Саранск до революции значился первым по количеству населения. В Саранске было два небольших кинематографа, в которых, конечно, показывались картины, расчитанные на вкус обывателя.

Для развлечения «простого народа» в Саранске во время ярмарок устраивались балаганы и карусели. В балаганах можно было увидеть за десять копеек «чудо природы» — женщину с рыбьим хвостом, лилипутов, фокусников, плясуну, глотателей шпага. Впрочем, эти народные развлечения посещались и «чистой» публикой, которая в лице ис-

правника, уездного предводителя дворянства и чиновников с женами и дочерьми появлялась в балаганах уже на вечерних представлениях с усиленной, «грандиозной» программой: в это время, помимо фокусников и шагоглотателей, на подмостках балагана появлялись и клоуны и русский хор. В хоре, кроме самого хозяина балагана, обычно выступало несколько подозрительных субъектов с пропойными голосами. Наряжены они были в облинявшие кафтаны, плисовые шаровары, а женщины — в холщевые, с цветными ручными набойки, сарафаны и высокие, отделанные стеклярусом кокошники.

В саду играла духовая музыка. По дорожкам гуляли офицеры и чиновники с женами. «Нижним чинам» посещать сад не разрешалось, как, впрочем, не разрешалось вводить в сад и собак. Однако, несмотря на эти строгие собачьи правила, некоторые солдаты из нестроевых, из денщиков, как более «привилегированные» и менее дисциплинированные, иногда пробирались в сад через забор. Я служил писарем в полковой канцелярии и тоже был знаком с этими неписаными правилами посещения Пушкинского сада.

Сейчас, тридцать с лишним лет спустя, я вижу новый, советский Саранск, столицу Мордовской республики. Тридцать лет для человека — это большой срок. За это время утекло немало воды даже в такой речке, как Саранка. Но что, в сущности, могло бы измениться в облике Саранска при прежних условиях его существования?

Не установись в России советская власть, невозможно было бы даже предположить, что в Саранске вообще когда-нибудь появятся многоэтажные правительственные здания, институты, гостиница столичного типа, благоустроенные дома с водопроводом, электричеством, канализацией, покрытые асфальтом тротуары и улицы; площади и скверы украсятся памятниками, старый маленький Пушкинский сад превратится в большой Парк культуры и отдыха с хорошим театром, а в самом городе будут построены большие заводы, оборудуют стадион для спортивных соревнований, появится издательство, которое будет выпускать книги на трех языках, альманахи, журналы, появятся несколько редакций газет

и организуется Союз советских писателей Мордовии.

Все это сейчас есть в Саранске. Но не только это.

Нельзя себе представить город новым в полном смысле этого слова без новых людей.

В прошлом мордовский народ не имел даже своей письменности. Теперь он стал не только грамотным, но имеет своих писателей, поэтов, редакторов газет и журналов, своих инженеров, профессоров, офицеров, генералов. Широко развивая свою национальную культуру, мордовский народ теперь, как никогда, широко приобретает к родственной ему великой русской культуре.

Все партийные и служебные посты в Мордовской республике занимают сыны мордовского народа, выходцы из простых людей.

На улицах Саранска, в кино, в театре, в парках, на стадионе, в учреждениях — всюду, где видишь новое поколение советских людей, как-то невольно, совершенно бессознательно, даже по внешнему виду, по привычке себя держать свободно и независимо, узнаешь в народе его огромную духовную перемену. В Саранске уже нигде не увидишь прибывших из окрестных сел крестьян, с робким и забитым видом бредущих по городу. Улицы Саранска переполнены другим народом — хозяином своей страны.

Я помню старые «гостиничные номера» в Саранске с узким, затхлым коридором, с бесчисленным количеством клопов. Кого можно было встретить в то время в этих «номерах»? Бурца с окладистой бородой, в суконном картузе и серебряной це-

Саранск. Памятник В. И. Ленину.

почкой на брюхе, приказчика, замызанного коммивояжера, какого-нибудь картежного шулера и, в лучшем случае, фокусника-гастролера.

Сейчас в Саранск, столицу Мордовской республики, из районов ежедневно приезжают сотни людей на различные курсы, на конференции, выставки, спартакиады. Кто эти люди? Секретари райкомов, председатели исполкомов, агрономы, врачи, учителя, председатели колхозов, сельских Советов, комбайнеры, трактористы, бригадиры, спортсмены, работники клубов, комсомольская молодежь, просто колхозники, трудовые люди полей, герои, орденосы. Все эти люди грамотны, достаточно развиты и духовно и физически, каждому из них присуще высокое человеческое достоинство советских людей. Таких людей в старой российской деревне, конечно, и в помине не было.

В гостинице на лестничной площадке я встречаю группу школьников — девочек и мальчиков, возбужденных, веселых, нарядных. Невольно тянешься к их солнечной юности.

— Откуда, ребята, приехали?

Ребята наперебой называют села, колхозы, названия которых мне, как новичку, сначала ничего не говорят. Но из последующих разговоров я узнаю, что все они дети колхозников из мордовских сел.

— А зачем приехали в Саранск? Учиться?

— Нет, на смотр школьной самодеятельности.

— Что же вы умеете делать?

— Все: петь, плясать, играть на скрипке, на аккордеоне, стихи читать...

— Так вы, значит, артистами хотите быть?

— Ну, так уж и артистами! — смеется девочка в пионерском галстуке. — Если все артистами станут, кто будет в колхозе работать?.. Мы просто так... из интереса!..

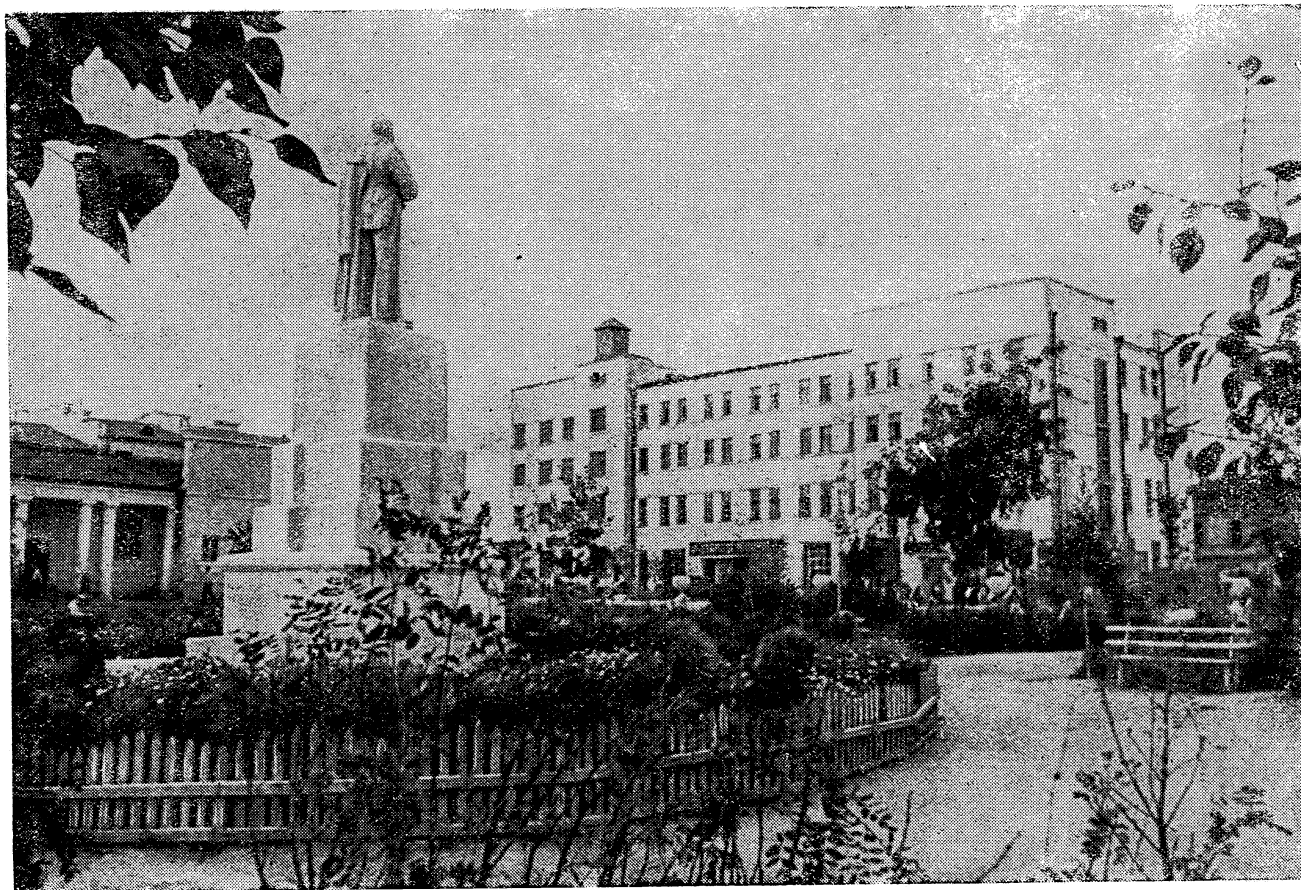
Я выхожу из гостиницы на улицу.

По мостовой движется большая колонна людей, празднично одетых в легкие летние наряды; на плечах у них лопаты, кирки, топоры. Парод идет на строительство плотины на

мельководной речке Инсар. Плотина поможет увеличить количество воды, нужной городу, поможет его дальнейшему озеленению. По обоим берегам речки будут посажены деревья и кустарники, а на левом ее берегу будет разбит новый парк. Здесь трудящиеся Саранска смогут отдыхать, заниматься водным спортом. Постройку плотины предполагается использовать для получения дополнительной электроэнергии.

Берег речки Инсар, находящейся в полукилометре от города, цветет от бесчисленных ярких сарафанов, масок, платков, косынок. На работу вышли тысячи людей. Кого здесь нет! Рабочие, служащие, студенты и профессора институтов, работники милиции, сотрудники редакций и издательства, писатели, художники, врачи... Люди рассыпались по обоим берегам речки. Мелькают лопаты, носилки, взлетают комья земли, в реку сваливают огромные камни, забивают сваи, взад-вперед снуют автомашины-самосброски.

Все это происходит настолько стройно и слаженно, что невольно начинает казаться, что тысячами

Саранск. Сквер имени Полежаева.

людей управляет какая-то невидимая сила. А управляет всем этим действительно великая сила: мудрая воля большевистской партии, открывшей путь к счастью и для забытого в прошлом мордовского народа.

Сияет солнце. Над приусадебными огородами и полями в бездонной спине заливаются жаворонки. Остро пахнет землей, травами, водой. Речка, перехваченная с обоих берегов запрудой, словно сердясь, с рокотом прорывается в узкое русло, унося с водой мелкие камни и землю.

На берегу на деревянных стендах сияют всеми красками только что выпущенные саранскими художниками и поэтами газеты-«молнии» с веселыми шаржами, карикатурами и стихотворными подписями.

Возле стендов то и дело останавливаются люди.

Стук молотков, топоров, взвизгиванье пил, музыка человеческих голосов плывут над вырастающей с каждым часом плотинной. Чудесные дела может творить народ!

* * *

На полях Мордовии в нынешнем году небывалый урожай. Председатель колхоза «Путь Ильича» Ардаговского района Порфирий Андреевич Стенькин, широкоплечий, загорелый человек лет сорока, везет нас в поле на собственной легкой машине «Москвич». Пшеница и рожь сплошной стеной стоят по сторонам дороги. Высокие, в рост человека, стебли не в силах держать тяжелых колосьев с налившимся зерном.

— Ой, хорош урожай!..

— Колхоз ваш еще не миллионер?

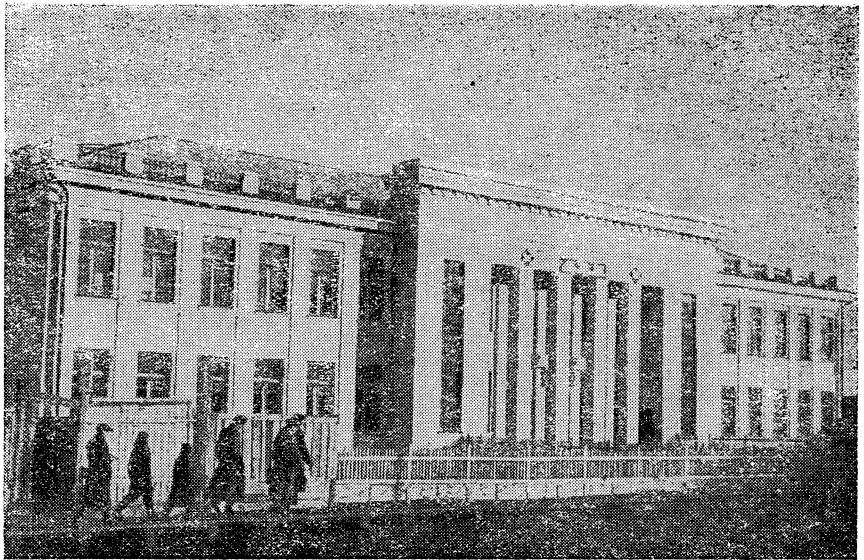
— В нынешнем году будем миллионщиками!..

Выходим из машины. Стенькин, припадая на большую ногу с до сих пор еще не зажившей полученной на войне раной, делает несколько шагов в сторону и бережно срывает колос. Он любовно держит его на своей большой заскорузлой ладони, потом вышелушивает зерна, пробует на зуб и, как бы про себя, ни на кого не глядя, говорит:

— Денька через два надо убирать!

Интересный факт: мордовский крестьянин имеет легковой автомобиль!

Я вспоминаю свою юность, нашу

Саранск. Центральная библиотека имени А. С. Пушкина.

мордовскую деревню, поле, своего старшего брата, нашу лошадь, старую и ленивую, на которой мы пахали свои узкие полоски. Мне становится тяжело от воспоминаний о той неисходной нужде, которая всегда и всюду преследовала нашу семью. А члены нашей семьи были трудолюбивые, ох, какие трудолюбивые! И все же, до чего мы были забыты, принижены и жалки в своем крохотном хозяйстве! Стенькин, как бы угадывая мои мысли, говорит:

— О, у нас поле большое!

Он долго водит нас, с гордостью показывая огромные массивы пшеницы, ржи, овса, проса, гороха, конопля, с восхищением говорит о людях своего колхоза, которые в нынешнем году получают не менее трех килограммов на трудодень только одного зерна. Он просто добавляет:

— С государством мы в нынешнем году рассчитаемся досрочно. Колхоз у нас крепкий, зажиточный. Все домики стоят один к одному... Народ наш — понимающий!..

С поля мы возвращаемся через соседнее село. Здесь колхоз несколько послабее. Но и он, как видно, тоже хозяйственный, и все дома стоят «один к одному».

Подъезжая к колхозу, машина останавливается около глубокого оврага, на дне которого в камышевых зарослях сверкает довольно большой ручей. В одной из узких горловины оврага колхоз «Путь Ильича» строит плотину.

— Здесь у нас будет все, — говорит Порфирий Андреевич: — и озеро для купанья, и вода для скота, и рыба для колхозников. Думаем также провести водопровод на фермы.

В колхозе, в самом селе Чукалы, мало зелени. На приусадебных полях устроен лесной питомник. Маленькие, в пять-семь сантиметров от земли, трогательно шевеля своими нежными листочками, тянутся к солнцу будущие дубы и клены. Радостно смотреть на эти ростки будущего леса.

Комсомолка Прасковья Равкина из колхоза «13-й год Октября» (Атяшевский район) была раньше в правлении колхоза счетоводом, но потом решила пойти работать в поле. С помощью председателя колхоза Ларина Ивановича Ведяева она организовала комсомольское звено.

Нелегко было втягиваться в полевую работу, не имея опыта. Но настойчивость и требовательность к себе помогли Равкиной.

Она решила во что бы то ни стало добиться высоких, стахановских урожаев. Но мало этого. Работая в колхозе секретарем комсомольской организации, она понимала свою роль зачинщицы в борьбе за высокие урожаи значительно шире масштабов своего звена. Добиваясь лучших результатов у себя в звене, она стала помогать и другим молодым женщинам колхоза организовывать такие же инициативные звенья. Пройдя краткие агрономические курсы, по-

лучив там знания, которых никогда не имела и не могла иметь крестьянская девушка в прошлом, она стала этими знаниями делиться с другими звеньевыми, помогать им советами, во-время подмечать недостатки в их работе и в своей и во-время эти недостатки устранять.

1948 год был в этом районе засушливым. Но хорошая обработка земли, поддержание снега и талых вод на полях, правильный уход за посевами, удобрение и подкормка помогли звену Равкиной вырастить хороший урожай. Девушки собрали на семи гектарах посева по 31 центнеру с гектара зерновых. За честный и самоотверженный труд правительство наградило девушек орденами, а Паше Равкиной присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В жаркий летний день мы идем по узкой полевой тропе туда, где над коноплей плывет сизый дымок, то пропадая, то появляясь вновь. Пашу Равкину и одну из ее подруг мы застаем за опылением конопли. Дело это не очень сложное, но оно, как и всякое дело, требует усердия и прилежания. Из конопли выходят к нам в запыленных сатиновых сарафанах Равкина и ее подруга.

Мы беседуем с ними, потом едем на грузовичке на зерновые участки Равкиной. Рожь и пшеница на этих участках выделяются и своим ро-

стом и наливом среди остальных посевов.

— Хорошо трудитесь, Прасковья Ивановна. Разрешите вас поздравить с высокой правительственной наградой и пожелать вам от души счастья!

Паша смущенно улыбается:

— Что же, работаю, как и все... Как надо!

В селе Батушево мы заходим в избу к Равкиной. Мать Пашки показывает поздравительные телеграммы на имя дочери. Лицо у женщины передается торжественно и радостно.

Неподалеку от избы Равкиной колхоз строит помещение для электростанции; строятся также дома для правления колхоза и сельсовета.

Ларион Иванович обращает наше внимание на хозяйственные постройки: конюшни, коровники, телятники, сушилку, гараж и другие. Все это сделано красиво, прочно и совершенно оригинальным способом. Постройки эти «глинолитные». В местной глине содержится примесь вяжущих веществ. Сероватая на вид глина разводится обычным способом, только очень жидко и этим раствором заливается промежуток между двумя деревянными стенками, куда предварительно насыпается мелко изрубленная солома. Затем деревянную форму разбирают, а глинолитные стены остаются.

Хозяйственные постройки в колхозе «13-й год Октября» возведены колхозниками при неустанных заботах председателя Лариона Ивановича Ведяева.

Ведяев — бывший сталевар. Его призвание варить сталь, но с производства он ушел после случайной аварии на мартене, когда он получил сильные ожоги, следы которых заметны и до сих пор.

Ларион Иванович — депутат Верховного Совета Мордовской АССР.

Я сопоставляю двух председателей колхоза — Стенькина и Ведяева. Люди это совершенно разные, но в их сознании живет одна и та же великая идея — идея переустройства мира на новых, коммунистических началах. Эта идея тем более близка и родна молодому поколению — комсомолке Равкиной и ее веселым и жизнерадостным подругам.

Мы едем на железнодорожную станцию. Навстречу нашей машине грохочут трехтонки и пятитонки, которые везут в колхозы горючее. В полях уже начинается выборочная уборка хлебов. По дорогам там и сям движутся огромные новые машины — самоходные комбайны.

Я возвращаюсь в родной Саранск, в столицу Мордовской республики. Теперь новое лицо советского города Саранска мне представляется еще ярче и полнее.

Летом 1949 года советские речные пароходы совершили небывалый рейс из Архангельска в Обь-Иртышский и Енисейский районы через моря Полярного бассейна.

В этом рейсе участвовали речные суда, собравшиеся в Архангельск из разных районов страны.

Несмотря на то, что некоторые суда шли к месту сбора около 2 тысяч километров по Волге, Рыбинскому водохранилищу, Мариинской системе, Онежскому озеру и Беломорско-Балтийскому каналу, в назначенный день и час они оказались на рейде Архангельска.

Организаторами экспедиции были предусмотрены все возможные случаи, которые могли произойти во время морского перехода. Был разработан определенный порядок следования каравана в туман, шторм, в тихую, благоприятную погоду. Каждый участник экспедиции знал, что он должен делать в случае ледового дрейфа, в случае повреждения судна и т. д. Суда были обеспечены самыми совершенными навигационными приборами, применяемыми ныне на

советском морском флоте, располагали первоклассной радиосвязью, надежными средствами сигнализации.

Начальником экспедиции был Ф. В. Найнов, начальником морской проводки — Ф. П. Демидов.

— Речным судам, — говорит тов. Найнов, характеризуя условия, в которых работала экспедиция, приходится выходить в море и ранее. Но никогда еще страна не снабжала их для трудного перехода так богато и тщательно, как на этот раз. Мы имели решительно все необходимое для выполнения задания. Мы чувст-

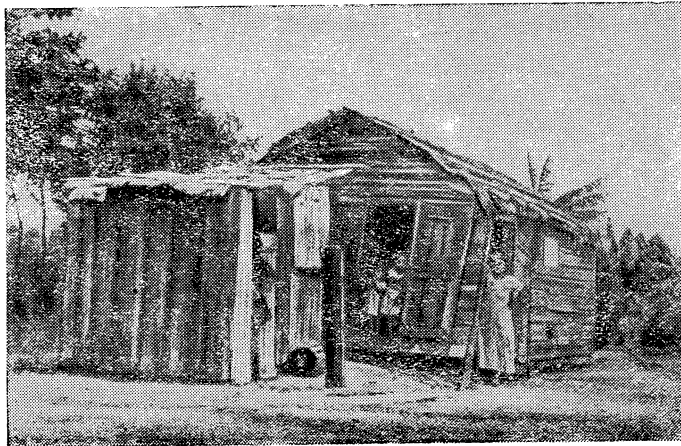
вовали теплую сталинскую заботу о речниках, и это удесят�еряло наши силы.

Многие трудные моменты пережили речники в своем полярном переходе. Караван попал в полосу сильной зыби, но, несмотря на штормовое предупреждение, продолжал путь, чтобы не терять времени. Суда шли в густом тумане и дрейфовали в плотном льду. Они выдержали шторм Баренцова моря и преодолели льды Карского моря.

Флотилия растянулась на несколько километров. Суда шли тремя колоннами, которые вели капитаны Степаненко, Демидов и Лазарев. Миновал пролив Малыгина, флотилия разделилась на два отряда — один пошел к устью Оби, на Салехард, другой — к устью Енисея, в заполярный порт Игарка. Задание правительства было выполнено образцово.

За организованность и самоотверженность коллектив экспедиции получил поздравление от товарища Сталина, радостно взволновавшее речников.

О С Т Р О В СТРАДАНИЙ

Г. ЮМАТОВ

В начале своего второго путешествия в Вест-Индию, 19 ноября 1493 года, Колумб обнаружил к востоку от Гаити большой остров, покрытый густым лесом и перерезанный многочисленными реками. Местные жители, индейцы, называли его Боринкен, а себя — боринкенами. Они занимались земледелием и находились на сравнительно высоком уровне культурного развития. Колумб дал острову имя «Сан-Хуан» и объявил его собственностью испанского короля, но не придал этому приобретению особого значения. Лишь в 1508 году, когда до испанцев дошел слух, что на Боринкене есть золото, туда устремились конкистадоры. На острове высадилась большая банда авантюристов под предводительством Хуана Понсе-де-Леон. Боринкены самоотверженно бились, защищая свою свободу, и уничтожили не меньше половины вторгшихся захватчиков, но силы были слишком неравны. После того как в 1511 году пал в бою их вождь Агнебана, сопротивление индейцев было сломлено.

Завоеватели поделили между собою не только землю острова, но и оставшихся в живых туземцев, — их превратили в рабов. На острове разместился испанский гарнизон. Был основан город, получивший название Пуэрто-Рико, что значит «Богатая гавань». Со временем остров и его главный город поменялись именами. Столица стала называться Сан-Хуан, а весь остров Пуэрто-Рико. Это название ему вполне подходило. Остров был тогда действительно необычайно богатым

краем. Один из современников, ученый монах Лас Касас писал, что остров «прекрасен, как сад», и густо населен — «как пчелиный улей». Но алчные завоеватели сторвали туземцев от земледелия и загнали их в золотые рудники, где боринкены быстро погибали от непосильного труда. Уже к 1582 году не осталось в живых ни одного боринкена, а в момент вторжения испанцев их было не менее ста тысяч! Остров обезлюдел, поля опустели. Тогда испанцы стали ввозить на Пуэрто-Рико рабов из Африки.

Руками негров леса на острове были вырублены, и он покрылся плантациями продовольственных культур, а также кофе, ананасов, апельсинов, табака.

Но ни чернокожие рабы, ни крестьяне-испанцы, трудившиеся рядом с ними на помещичьей земле, не пользовались щедрыми дарами плодородной почвы Пуэрто-Рико. Доходы с плантаций текли в Мадрид — владельцам земель. Королевские чиновники помыкали беспрзвными островитянами.

Народ Пуэрто-Рико повел упорную борьбу за освобождение из-под власти испанской монархии. В 1868 году на острове вспыхнуло восстание. «Да здравствует независимость Боринкена!» — написали повстанцы на своих знаменах. И хотя выступление это было вскоре подавлено, а руководитель его, доктор Бегансес, был вынужден эмигрировать, движение за свободу не прекращалось. К 1897 году оно приняло такой размах, что мадрид-

ское правительство было вынуждено уступить, 25 ноября 1897 года король подписал декрет об автономии Пуэрто-Рико.

Но недолгой была радость островитян. Меньше чем через полгода, 12 мая 1898 года, на улицах Сан-Хуана неожиданно стали рваться снаряды. Это американская эскадра бомбардировала столицу Пуэрто-Рико. А 25 июля на острове высадился первый американский десант. Соединенные Штаты, этот молодой и зубастый хищник, без труда забрали колонию у дряхлого, отжившего свой век колониального грабителя — Испании; и народ Пуэрто-Рико попал в такое тяжкое рабство, в каком он не находился никогда за всю свою многострадальную историю.

Режим военной диктатуры, установленный американскими колонизаторами на Пуэрто-Рико, превосходил своей жестокостью все, что творили на острове испанские губернаторы. Но американские банкиры и дельцы принесли народу Пуэрто-Рико еще больше страданий, чем американские генералы.

Сахарные тресты США решили превратить Пуэрто-Рико в гигантскую плантацию сахарного тростника. Для этого с лучших земель в плодородных долинах были безжалостно согнаны пятьдесят тысяч «хибаро» (крестьян), из поколения в поколение поливавших своим потом эту землю; они были превращены в батраков на плантациях. Но и те крестьяне, которые занимали земли похуже и потому сохранили свои клочки, должны были, по указке американских хозяев, отказаться от

выращивания необходимых для их собственного пропитания злаков и перейти на производство дешевого сахарного тростника и других культур для экспорта в США. В результате остров лишился своего продовольствия, которое стало отныне ввозиться втроедорога из США.

Так, в плодороднейшем краю американские колонизаторы искусственно создали постоянный голод, который служит им надежным источником доходов: торговцы наживаются на ввозе продовольствия и предметов первой необходимости (которые продаются на Пуэрто-Рико много дороже, чем в США), а плантаторы наживаются, заставляя голодного батрака работать за самую нищенскую заработную плату (которая здесь в три раза ниже, чем в США).

С этой же грабительской целью американские монополии не допускают развития на Пуэрто-Рико промышленности. Недра острова богаты свинцом и оловом, никелем и медью, ртутью и марганцем, драгоценными металлами. Но почти все эти ископаемые лежат нетронутыми, потому что их разработка не выгодна американским монополистам.

Американское правительство запретило развивать здесь даже промышленность по рафинированию сахара, этого основного экспортного товара острова.

Неудивительно, что в этих условиях безработица стала постоянным

бичом рабочего класса Пуэрто-Рико, охватывая по некоторым профессиям до 75 процентов всех рабочих.

Пользуясь этим, хозяева немногих промышленных предприятий на Пуэрто-Рико (это главным образом заводы по первичной обработке сахарного тростника, табачные фабрики, швейно-вязальные мастерские) снижают заработную плату до такого уровня, что на нее невозможно прожить даже впроголодь. Достаточно сказать, что, по данным одного из правительственных отчетов (конечно, приукрашенным), 86 процентов населения Пуэрто-Рико имеет средний годовой доход 345 долларов на семью, в то время как самая минимальная сумма, необходимая для поддержания существования семьи, исчисляется в 1 240 долларов. Поэтому не только 300 тысяч безработных и сезонных батраков, но и немногие «счастливицы», имеющие постоянную работу, живут на острове в условиях беспросветной нищеты.

Многие, отчаявшись, бегут из страны: за последние годы из Пуэрто-Рико эмигрировало 350 тысяч человек. Те же, у кого нет денег даже на выезд, остаются медленно умирать с голоду на родине. Американский журналист Сэюли в своей корреспонденции с острова предостерегает богатых туристов: «Если вы приедете в Пуэрто-Рико, не отходите слишком далеко от побереж-

ного пляжа. Какой-нибудь островитянин может свалиться замертво у вас на глазах. Если это случится, знайте — причиной тому голод».

Трудовой люд Пуэрто-Рико живет в совершенно невыносимых жилищных условиях. По данным, оглашенным в американском конгрессе в 1944 году, одна восьмая часть населения Пуэрто-Рико вынуждена селиться в непригодных для жилья трущобах на окраинах городов. А в столице страны — городе Сан-Хуан — половина жителей (100 тысяч человек) живет в таких трущобах. Они появились вскоре после установления американской власти на острове и с тех пор непрерывно растут, подобно раковой опухоли на теле города, а условия жизни в них с каждым годом становятся ужаснее. Достаточно выехать за пределы центральной части Сан-Хуана, украшенной дворцами и парками, чтобы увидеть, что означает для местного населения навязанный ему «американский образ жизни».

Вот, например, самый большой из пригородов Сан-Хуана, носящий название Эль-Фангито, что означает в переводе «Сточная яма». Это поселение занимает заболоченную полосу вдоль океанского берега. Люди здесь, по словам очевидца, буржуазного писателя Миксера, «живут в воздвигнутых над водой на шатающихся столбах лачугах, сделанных из обломков ящиков, кусков ржавого железа или старых керосиновых баков. В лачугах нет ни мебели, ни посуды, если не считать банок изпод керосина, одна из которых служит печкой, а другая — кастрюлькой для варки риса»¹. Эти жилища «непригодны для свиней, а не только для людей», — говорит другой очевидец, прогрессивный общественный деятель США Фостер, посетивший Пуэрто-Рико в 1948 году². «Эль-Фангито, — рассказывает он, — ночью погружено в полную тьму, так как уличных фонарей здесь нет, а большинство жителей столь бедно, что не может купить даже керосиновую лампу или свечу... Вся местность представляет собой свалку мусора, консервных банок и других отходов, которые наполняют воздух тошнотворной вонью. Но самое худшее на-

¹ K. Mixer, Porto Rico. New York, 1926.

² W. Foster, The crime of El Fanguito. New York, 1948.

Пуэрто-Рико. Трущобы Эль-Фангито в городе Сан-Хуан. Эту «улицу» жители называют «Веселый вид».

ступают в те часы, когда очередной океанский прилив затопляет местность водой, наполненной нечистотами». В Эль-Фангито нет ни водопровода, ни канализации, как нет их в большинстве городов Пуэрто-Рико. Несудивительно, что один из кварталов этих трущоб носит название «Саль-си-пуэде», что означает по-испански «Спасайся, кто может».

Однако когда группу жителей этой местности спросили, каковы их пожелания в отношении улучшения условий их существования, они дали ответ на первый взгляд совершенно невероятный. Они заявили в один голос, что более всего хотят, чтобы им было обеспечено право... жить в Эль-Фангито. «Им необходимы, конечно, продовольствие, медикаменты, вода, освещение, школы, особенно необходимо построить дамбу, которая задержала бы ужасный поток нечистот, периодически затопляющий их, но прежде всего они хотят иметь право жить в этих ужасных трущобах. Это удвигательное пожелание они высказывают потому, что им непрерывно угрожают выселением и уничтожением поселка. А выселение означало бы для них еще худшую судьбу: они вынуждены были бы либо вернуться в деревню, либо умереть с голоду на улице. Эль-Фангито, при всех своих ужасах, дает им все-таки крышу над головой и позволяет семье жить вместе», — пишет Фостер.

Кто же те несчастные, кто вынужден селиться в Эль-Фангито и даже отстаивать свое право жить в этой ужасной клоаке?

Вот кого увидел Фостер, зайдя в первую попавшуюся лачугу Эль-Фангито: «Отец семьи, больной человек, не имеет работы. Его 28-летняя жена, едва сохранившая следы былой красоты, лежит на постели, покрытой тряпьем, и медленно умирает от туберкулеза. У них нет ни денег, ни еды, никакой медицинской помощи и, добавлю я, никакой надежды. Женщина хотела лечь в больницу, но ее не взяли, — говорят, нет места. Умирающая мать больше всего беспокоится о том, что станется с ее полуживыми от голода маленькими детьми, когда она умрет».

Не менее безрадостную картину наблюдал тот же очевидец в соседней хижине: «В этой семье —

Пуэрто-Рико. Хижина негритянской семьи трущоб города Сан-Хуан.

11 детей. Отец, с явными признаками тяжелого туберкулеза, давно лишен работы. В доме нет никакой еды. Я был совершенно потрясен физическим состоянием детей, которые самым настоящим образом голодают... Кормильцем этой семьи является 12-летний мальчик, который зарабатывает около 50 центов в день, чистя ботинки на улицах Сан-Хуана».

Посетитель не случайно встретил в обеих хижинах туберкулез. Эта болезнь свирепствует на Пуэрто-Рико, ибо, как признает один американский автор (Миксер), «на пути борьбы с этим несчастьем лежат многие трудности: перенаселенность, употребление плохой пищи и прежде всего широко охватывающее весь народ систематическое недоедание».

Не только в Эль-Фангито, затопляемом сточными водами, но и по всему острову широко распространены различные эпидемические болезни. Смертность среди населения, особенно среди детей, крайне высока; да и как может быть иначе, если, как вынуждено было недавно признать даже правительство США в своем отчете Организации Объединенных Наций, на Пуэрто-Рико «нехватает больниц, врачей и другого медицинского персонала, страна страдает от истощения почвы, недостатка воды, широко распространены желудоч-

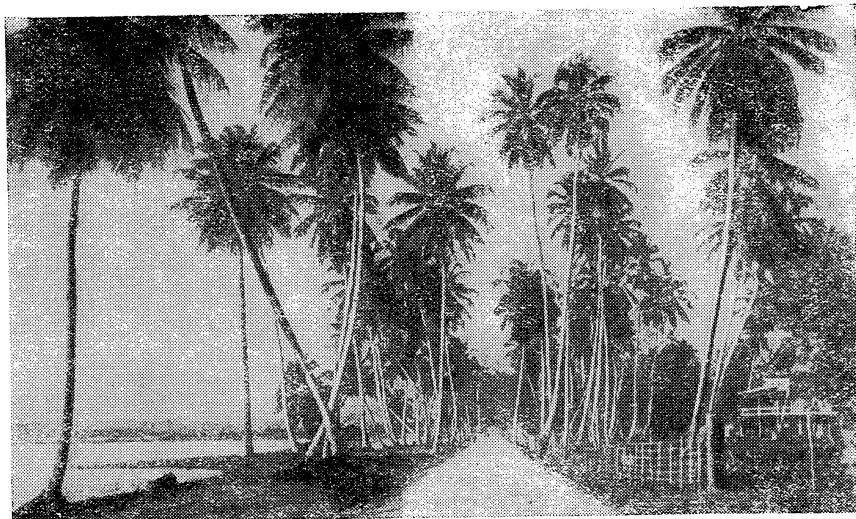
ные заболевания, туберкулез, малярия...»

Врачей на острове, действительно, очень мало (всего 729 человек на всю двухмиллионную страну), но отчет умалчивает о главной причине катастрофического вымирания народа на острове — о его беспросветной нищете. Ведь и те врачи и больницы, которые есть на острове, так дороги, что совершенно недоступны большинству населения.

Американское господство не только разрушило хозяйственную жизнь и подорвало здоровье населения Пуэрто-Рико, но и стало препятствием на пути его культурного развития. До сих пор более половины населения острова неграмотно, и надежд на улучшение положения нет, так как каждый год не менее 47—50 процентов детей школьного возраста остаются за пределами школы, не имея средств на обучение.

Американские колонизаторы, заинтересованные в том, чтобы держать покоренный народ Пуэрто-Рико в темноте и невежестве, систематически урезают и без того мизерные расходы на нужды просвещения, одновременно не стеснясь в расходах на содержание своего чиновничьего аппарата и вооруженных сил, размещенных на острове. Характерно, что губернатор Пуэрто-Рико Рексфорд Тагуэлл, потребовавший снизить ассигнования по бюджету на издание школьных учебников и на ликвидацию неграмотности среди взрослых, за первые 9 месяцев своего пребывания у власти истратил на себя лично 30 тысяч долларов государственных денег и завел себе 8 личных автомобилей на казенный счет. Хотя сведения об этом и были преданы гласности в американском конгрессе, для Тагуэлла это не имело никаких неприятных последствий.

Особенно большие средства тратит американское правительство на военное строительство на Пуэрто-Рико. Ведь этот остров занимает исключительно важную стратегическую позицию в центре Карибского моря на морских коммуникациях, связывающих порты США с Панамским каналом и со странами Латинской Америки. Поэтому Пуэрто-Рико уделено серьезное место в агрессивных планах американского империализма на Атлантическом океане. Недаром правительство США намере-

Пуэрто-Рико. Кокосовые пальмы на побережье.

вадется затратить в ближайшее время 450 миллионов долларов на переоборудование военных баз на острове.

* * *

В книгах по географии обычно рассказывается, что Пуэрто-Рико регулярно, 4—5 раз в столетие, подвергается опустошению страшными ураганами, проносющимися в этой части Карибского моря. Под развалинами хижин и в волнах раз-

ливающих рек гибнут тысячи людей, погибают возделанные поля и сады, обрекая на голод уцелевших островитян. Но можно смело сказать, что ни один из таких ураганов не был столь опустошительным для хозяйства Пуэрто-Рико и не принес столько нищеты и горя островитянам, сколько принесло 50-летнее хозяйничанье американского империализма.

Прекрасный, цветущий остров превратился в страну голода, нищеты и страданий.

Одного только не смогли добиться американские колонизаторы — они не смогли уничтожить любовь населения острова к свободе, к своей родине, к своей культуре.

Передовые рабочие, крестьяне, студенты — все честные патриоты Пуэрто-Рико не ослабляют ни на один день своей борьбы против колониального гнета. В этом мог убедиться сам мистер Трумэн, который в прошлом году был встречен на острове народной демонстрацией с требованием независимости. Об этом свидетельствует мощная стачка 150 тысяч рабочих сахарных плантаций в марте 1949 года. Это подтвердили участники массового конгресса, созванного Партией Независимости Пуэрто-Рико в день 50-летия захвата острова американцами. В первых рядах борцов за независимость идет героическая коммунистическая партия Пуэрто-Рико, объединившая в своих рядах самых сознательных и самых смелых патриотов, поставивших целью своей жизни вернуть свободу своей прекрасной родине.

В Читинской области создан новый государственный заповедник, расположенный в бассейне реки Чита. Начинается он в 10—12 километрах севернее Бургени, занимает полосу в 40 — 50 километров шириной, включая верховья рек Никишихи и Кручины, и заканчивается на севере, в Тунгокоченском районе, захватывая истоки реки Юмурчен. Общая площадь заповедника около полумиллиона гектаров. Начата большая работа по учету промысловых зверей, водящихся на территории заповедника. Интересной и важной задачей научных работников заповедника является кольцевание птиц и клеймение зверей для установления путей их перелетов и переходов. Намечен выпуск на территорию заповедника соболей.

* * *

Несколько тысяч экскурсантов посетило минувшим летом Ильменский заповедник в Челябинской области, где богато представлены все виды флоры, фауны и богатства недр Южного Урала. В заповеднике прошли практику студенты Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Свердловского и Львовского университетов, педаго-

ПО НАШИМ ЗАПОВЕДНИКАМ

гических институтов Омска, Челябинска, Магнитогорска и Свердловска и других высших учебных заведений.

* * *

На Карельском перешейке находится заповедная Линтуловская роща — своеобразный памятник первых лесокультурных работ на Севере. В ней насчитывается несколько тысяч могучих сибирских лиственниц, посаженных по приказу Петра I на корабельный лес для Кронштадтской верфи. Сейчас каждое дерево взято на учет и охраняется. К старым посадкам прибавляются новые — молодые лиственницы из питомника Рошинского лесного хозяйства. Общая площадь заповедника — 300 гектаров.

* * *

В Белоруссии расширен зубровый питомник в Беловежской пуще. Теперь он занимает территорию в 75 гектаров. Зубры здесь содержатся в условиях, очень близких к естественным. поголовье зубров растет. Сейчас в питомнике тринадцать зуб-

ров, из них три родились в последние годы.

В Березинском заповеднике (Бегомльский район) сейчас в естественных условиях размножаются бобры. Постоянное научное наблюдение за бобрами в заповеднике улучшено. Намечается создание бобрового хозяйства и в Вяловском заповеднике Молодечненской области.

В каждом заповеднике Белоруссии предполагается в ближайшее время создать научные музеи.

* * *

Основанный в 1941 году Аму-Дарьинский государственный заповедник занимает всю левобережную дельту реки Аму-Дарьи на площади около 300 тысяч гектаров. Значение заповедника в экономике края определяется не только наличием большого числа промысловой водоплавающей птицы — он важен и для рыбных промыслов Арала, так как в его пресноводные водоемы заходит метать икру промысловая рыба из Аральского моря. Не меньшее значение имеет заповедник и для охраны промысловых зверей. Самыми ценными участками заповедника являются взморье Кызыл-Каир и обширный пресноводный водоем — озеро Судочье.

ЧЕРЕЗ ИРАН НА ЮГ ИРАКА¹

Ф. Ф. ТАЛЫЗИН,
доктор медицинских наук

Из путевых заметок советского врача

В БАСРЕ И ЗУБЕЙРЕ

Мы ехали к Персидскому заливу, в Басру, — один из крупнейших городов Ирака.

Около домиков Иранской пограничной охраны нас задержал патруль. Подойдя к машине, старший из стражников осведомился, кто мы; англичане или американцы. Ответ вызвал удивление.

Русских стражник видел впервые.

Просмотрев документы, он с явным уважением вернул их нам.

Мы миновали шлагбаум и очутились на территории Ирака, в поселке,

состоявшем из глинобитных домиков. На крыше одного из них мы увидели коз: сюда их загоняют на ночь по земляной горке. Такое стойло оберегает коз от нападения хищников.

Наступал вечер. Тучи москитов вынудили нас искать спасения на крыше дома, в котором мы остановились. Хозяин помог нам взобраться по круглой лестнице на кромку, окружавшую высокий купол крыши. Здесь можно было расположиться на ночь. Ночь была жарка и душна, и мы укрывались только простыней. Москиты добрались все же к нам и больно жалели, отгоняя сон.

Утром мы были в Басре.

Ирак расположен на стыке Ирана,

Турции и государств восточного побережья Средиземного моря, являясь как бы континентальным мостом в Индию.

Ирак — конституционная монархия. Главой государства является четырнадцатилетний король Фейсал Второй, до совершеннолетия которого страной управляет его регент эмир Абдулл-Иллах. Территория Ирака — 453 500 квадратных километров. Население страны составляет три миллиона семьсот тысяч человек. Предки нынешних обитателей Ирака когда-то населяли древнюю Вавилонию. В настоящее время страна, история которой насчитывает более пяти с половиной тысяч лет, низведена до уровня отсталого захолустья.

¹ Окончание. См. «Вокруг света» № 10 за 1949 г.

Бедные хижины арабов в окрестностях Басры.

История современного Иракского королевства начинается с 1920 года, когда английскими оккупационными войсками было подавлено арабское восстание в Багдадском и Басрском вилайетах (губерниях) Турецкой империи, занятых англичанами в первую мировую войну.

В Багдаде под «наблюдением» англичан был устроен «плебисцит» и эмир Фейсал провозглашен королем. Вслед за этим Англия определила и государственные границы Ирака. В 1926 году в них был включен Мосульский вилайет, богатый нефтью; на этом и завершилось территориальное оформление Ирака.

Политическое положение Ирака определяется в первую очередь его отношениями с Англией, ревниво охраняющей свое влияние в стране. Но времена меняются.

В последние годы в Ираке выдвинулись новые прогрессивные силы, руководящие национально-освободительным движением страны.

Господствующее положение Англии как колонизатора в Ираке оформлено известным кабальным англо-иракским договором 1930 года, по которому иракская экономика, финансы, армия были поставлены под контроль Англии. Этот договор вызвал настолько сильное негодование иракского народа и сопредельных арабских стран, что даже некоторые, очень близкие Англии арабские деятели не решались открыто защищать его.

Лейбористское правительство Англии пыталось заменить этот договор в начале 1948 года новым договором, который, по единодушному мнению арабской печати, существовало англо-иракских отношений оставлял без изменений. Эта сделка в Портсмуте вызвала огромное возмущение в Ираке. Волна массовых народных выступлений смела правительство, подписавшее этот договор. По стране прошли массовые антибританские

демонстрации. В ответ на это правящие круги Ирака открыли жестокий террористический поход против иракского народа. Против демонстрантов были двинуты полиция и войска. Десятки сынов иракского народа были убиты, сотни ранены и брошены в тюрьмы. В середине февраля 1949 года были казнены руководители коммунистической партии. ныне демократические и прогрессивные элементы вынуждены действовать в обстановке жесточайших преследований.

Часть Ирака, прилегающая к Персидскому заливу, носит название Нижней Месопотамии. Ее пересекает река Шотт-эль-араб (река арабов). Недалеко от Басры Шотт-эль-араб принимает в себя потоки двух могучих рек: Тигра и Евфрата. Эти реки вносят огромные количества глины, ила и песка, превосходя в этом отношении даже Нил.

На окраинах Басры начинается обширная пальмовая роща. Высокие стволы увенчаны пышными зелеными кронами, в листве которых прячутся гроздья фиников. Среди деревьев в роще виднеются тростниковые хижины — жилища бедных слоев населения.

Миновав мост через Шотт-эль-араб, мы свернули налево, к порту. Басра — важнейший торговый центр и единственный порт Ирака.

К каменной набережной порта причалил английский пароход. Около трапа собралась толпа грузчиков, просящих дать работу. Тотчас же полисмены пустили в ход дубинки, отгоняя людей от борта парохода. На эту сцену молча, сжав кулаки, смотрела большая группа арабов. В их глазах виднелась нескрываемая ненависть. Они мрачно наблюдали за полисменами, не устававшими наносить удары дубинками изголодавшимся людям.

После увесистого удара один из безработных грузчиков упал на зем-

лю, изо рта у него показалась кровь. Толпа на время рассеялась, но постепенно люди собрались вновь. Десятка два «счастливицев» получили работу. Они таскали на спине громоздкие кули и тяжелые ящики с товаром. Угрюмый надсмотрщик не допускал ни малейшего промедления при разгрузке трюма. Отстававших он подстигивал плеткой, обессилевших тут же заменял.

Остальные арабы, толпившиеся на пристани, потеряв надежду получить работу, начали просить у прислуги корабля дать им хоть что-нибудь поесть. Какой-то матрос выбросил в толпу картофельные очистки, корки хлеба, а за ними — старую куртку. Юноша в рваном сарафане упал, плашмя на подачку и подмял ее под себя. К нему бросились другие, но на их долю ничего уже не оставалось.

С горьким чувством возмущения наблюдали мы эту непривычную для нас картину.

Покинув порт, мы очутились на шумных улицах Басры.

Город состоит из двух частей: Ашера, где разместились торговый и административный центр Басры, и Маргила — окраины, с ее кварталами бедноты.

То и дело машина пересекала мосты, перекинутые через каналы, пересекающие город во всех направлениях и служащие путями сообщения. По ним снуют плоскодонные длинные лодки — бэлемы.

...Представитель иракских органов здравоохранения был обрадован приездом советских врачей. Он подвел нас к карте Ирака и показал небольшую городок Амара, в окрестностях которого работало несколько отрядов врачей, посланных для ликвидации вспыхнувшей здесь эпидемии чумы.

Амара и соседние с ним населенные пункты истари являются местами, где находит распространение эта страшная болезнь. Здесь периодически возникают эпидемии, обычно связанные с массовыми размножениями грызунов. Из 40 чумных эпидемий прошлого столетия 22 возникли в Ираке. Сменялись правители страны, но чума продолжала собирать жертвы среди населения.

И вот опять, незадолго до нашего приезда, обнаружился ее грозный предвестник: в окрестностях Басры появилось несметное количество мышей и крыс. А за ними последовала и чума.

Вопрос о противоэпидемической охране Персидского залива и Ирака представляет интерес для СССР ввиду возможности заноса чумы в Иран, являющийся нашим соседом. Поэтому мы настаивали на немедленном нашем выезде в район Амара для участия в работах по ликвидации эпидемии. Врач-араб крепко пожал нам руки и повел в приемную к шерифу.

Во время разговора с ним неожиданно вошел англичанин. Шериф заискивающе поздоровался с пришедшим, представил нас, усадил англи-

чанина в кресло и сообщил о нашем желании быстро выехать в район заболевания. Оказалось, что получение пропуска займет не менее пяти дней. Нас будут сопровождать индус-врач и англичанин, о специальности которого ничего не было сказано. В Амара нам будет сделана прививка, а по возвращении оттуда предстоит карантин. Англичанин вынул из кармана пилку для ногтей, занялся своими пальцами и, не поднимая от них глаз, долго отговаривал нас от поездки, пугая кочующими племенами алъмаданов и хозанлов, так называемых «болотных арабов». На дорогах у Амара их называют «саккал-туттак», что значит «хватаящие за бороду», — там, по его словам, часты грабежи.

Оформив заявки на пропуска, мы возвратились в гостиницу.

Потянулись дни томительного ожидания проездных документов.

Наша машина, проделавшая тысячи километров по Ирану, потребовала серьезного ремонта. За него взялся наш шофер Шарапов. На время ше-риф прислал для нас английский «додж» с шофером-индусом.

В первые дни знакомства индус был молчалив и сдержан в обращении с нами. Однако уже на второй день, видя наш дружеский тон и товарищеское обращение, индус нарушил обет молчания. На его лице заиграла улыбка — и скованность пропала. Для простоты обращения я заменил трудное для нас имя шофера — Сарамендра — русским — Сережа. На него индус охотно отзывался, оно ему явно нравилось.

Как-то в разговоре с нами Шарапов упомянул слово «Сталинград».

«Сережа», прислушивавшийся к непонятной русской речи, видно уловил в ней знакомое слово, поднял голову и уставился на Шарапова.

— Вы были в Сталинграде? — спросил он по-английски.

Шарапов снял с головы кепку и показал большой шрам на темени.

— В Сталинграде получил! — кратко пояснил он.

Этот эпизод вызвал неожиданно целое паломничество к Шарапову.

В тот же день два индуса, войдя в гараж и заметив под машиной русского шофера, присели возле него на корточки. Гости долго молча наблюдали Шарапова, наконец один из них дотронулся до локтя шофера и протянул ему пачку сигарет. Шарапов оценил внимание и вылез из-под машины. С минуту они смотрели друг на друга, улыбаясь.

— Сталинград! — произнес индус и дружески обнял за плечо Шарапова.

Весь мир знает о городе, ставшем символом героизма советского народа!

Ранним утром мы выехали в Старую Басру, заложенную еще Халифом Омаром; она находится от Басры в трех часах езды пустыней к юго-западу от современного города.

О былом величии древней Басры, часто упоминаемой в сказках Шехерезады, говорят обширные развалины,

На окраине Зубейра.

у которых в начале XVIII столетия вырос городок Зубейр.

Наш шофер-индус надел очки-консервы, надвинул покрепче на голову чалму с остроконечным верхом и дал полный газ. Желтая машина помчалась по дороге Басра — Багдад.

Не доезжая немного до Зубейра, мы встретили большой караван верблюдов. Рядом с длинной вереницей горделивых животных брели погонщики в цветных одеждах. Мы остановили машину и, увлеченные мелодичным перезвоном колокольцев, не двигались дальше до тех пор, пока звуки этой «караванной симфонии» не замерли вдаль.

Мы въехали в Зубейр. Из-за расстрескавшихся глинобитных заборов выступали ветхие домишки. По лабиринту зигзагообразных узких улочек нелегко было добраться до базара. Толпа полуголых детей с криком гналась за машиной. То и дело арабы, одетые вместо одежды в рваные мешки, протягивали руки за «бакшишем», то-есть милостыню.

Зубейр, насчитывающий всего только 10 тысяч человек населения, расположен у старого русла Евфрата Джерри-Задз, судходного в течение восьми месяцев в году. К устью русла ведут два канала. Купцы, желающие обойти таможенную в Басре, выгружают товары в Кувейте, а оттуда переправляют их водным путем в Зубейр. Отсюда контрабанду развозят по всему Ираку. Эта разновидность торговой «деятельности» накладывает отпечаток на жизнь городка.

На базаре стоял шум и гам. В тесных закоулках царил пряный и резкий запах бараньего сала, кипевшего в котлах, в которых арабы варили скатанные на досках колечки из сахара с мукой. Здесь же, на глазах прохожих, готовились пряники, окрашенные яркими, вероятно, вредными, анилиновыми красками.

К сладостям добавляются шафран и цветной мак.

В мешках лежала крупная живая саранча. Араб-торговец брал ее горстями и бросал в кипящий рассол. Отделив затем у саранчи голову, крылья и ноги, он раскладывал ее на фанере, выставленной на солнце. Сушеную саранчу, так называемых акрид, население употребляет в пищу. При нас юноша с прядью волос на макушке бритой головы купил горсть акрид и с хрустом их разжевывал.

Больше всего на базаре продавалось фиников. Полуголый араб, отчаянно торгуясь, взвешивал их на допотопных весах, с камнями вместо гирь.

Продавцы вразнос громко выкрикивали названия товаров и одолевали нас предложениями купить у них привозные различные изделия: маскатские чалмы, шерстяные накидки без рукавов и платки.

— Саям, сахиб! — кричал араб, обращаясь ко мне. — Добро пожаловать! Купи платок, наслаждение сердца, да будут твои шаги счастливы!

Арабы в цветастых платках, прижатых к головам черным жгутом, были видны повсюду. Некоторые купцы, однако, предпочитали носить черный головной убор, напоминавший пилотку. Встречались местные курды, у которых головы были повязаны цветной полосатой тканью, свернутой в виде чалмы.

В толпе то и дело попадались негры с большими живыми глазами и черными курчавыми волосами.

Юбки и сарафаны мужчин с небольшим разрезом сбоку являлись здесь наиболее распространенной одеждой.

Сквозь невообразимую толчею рынка пробивались извозчики на черных лошадях, ярко раскрашенной в красный цвет. В пролетках

сидели женщины, закутанные с головой в чадру, купцы с пачками хлебных лепешек — лавашей (подпертыми, чтобы не упали, ногой) или английские офицеры.

В одном из уголков рынка собралась толпа. Окруженный плотным кольцом любопытных, там сидел индус и наигрывал тоскливую мелодию на инструменте, напоминавшем флейту. На разостланном перед ним коврик стояла корзина из прутьев. Из нее столбиком поднялась кобра и застыла в горделивой позе. На раздутью около головы плоском «капюлоне» выделялся рисунок очков. Ядовитая змея чуть приметно покачивалась, время от времени поворачивая наклоненную вперед голову.

Продолжая играть на флейте, индус медленно протянул к змее руку и осторожно взял ее за середину тела. Затем, приблизив голову змеи к своему лицу, он обвел ею вокруг носа, подбородка и лба. Затем, отстранив кобру, индус спрятал ее в корзину и накрыл крышкой. Толпа оценила рискованный эксперимент — в протянутую индусом чалму посыпались медные филсы, реалы и индийские анны.

В стороне от толпы сидел старик и нараспев вымалывал подавание. Он выставил свою обнаженную голень, показывая прохожим сизую от воспаления стопу. Мы невольно задержались около старика. Из ранки в стопе высовывался беловатый шнур толщиной в штифт карандаша. Он был намотан на палочку и привязан суровой ниткой.

Одновременно с нами возле нищего остановились два английских стрелка-негра. На головах у них красовались сдвинутые набекрень широкополые шляпы с медными бляхами. На отогнутых кверху полях торчал плюмаж — пучок белых

страусовых перьев. Стрелки меланхолично жевали резинку.

— Взгляните сюда, — обратился я к Орлову, — у старика ришта!

— Не может быть! — удивился Орлов. — Неужели этот паразит здесь еще не вывелся?

Мы присели и стали рассматривать опухшую стопу нищего.

— Чему удивляются иностранцы? — проронил один из негров по-английски, очевидно, адресуя эти слова нам. — У араба самый обыкновенный гвинейский червь, каких полно повсюду.

— У старика в ноге оживший конский волос, — дело ясное, — заявил авторитетно Ширази. — Я же знаю: волос впивается в кожу и там превращается в червя.

— Нет, Ширази, это вздор! — сказал я. — Дело обстоит иначе. Паразит попадает в человека вместе с питьевой водой, если в ней случайно окажутся небольшие рачки-циклопы, зараженные личинками ришты. Эти личинки долго путешествуют в теле человека и чаще всего проникают под кожу ноги. Здесь они через год достигают величины пятидесяти сантиметров. Червь прощупывается под кожей в виде затвердения. Затем пораженный участок кожи изъязвляется, и из глубины нарыва высвобождается конец свернутой в клубок ришты. Вскоре после вскрытия нарыва червь выбрасывает в воду при погружении ноги в водоем множество личинок.

Я дал арабу несколько филсов. Старик тотчас показал нам, как ришта извлекается из раны. Для этого он медленно намотал конец червя на палочку и снова трибинтовал ее к стопе. Наматывая ежедневно три-четыре сантиметра, ришту можно извлечь из раны полностью недели через две.

Эта операция должна производиться с большой осторожностью, так как разрыв червя может вызвать неподвижность сустава.

— По-моему, — сказал стрелок-негр, продолжая жевать резинку, — нет ни одной страны на Востоке, где бы не водился этот червь. У нас, например, в Англо-Египетском Судане в тысяча девятьсот тридцать девятом году от него пострадало около четырех тысяч человек. Особенно много гвинейского червя встречается у жителей Экватории и Кардофана.

— Вы ошибаетесь, — горячо возразил я негру. — Есть страна на Востоке, где этот червь уничтожен полностью лет двадцать пять назад.

— Где же это? — покосился он на меня недоверчиво.

— В южных республиках Советского Союза!

— А вы откуда знаете? Вы же там не были?

— Я не раз проезжал через весь Узбекистан, Таджикистан и Туркмению. Там теперь не может быть и речи о риште! Сократились или совсем исчезли и многие другие заболевания. Народы этих советских республик живут совсем иной, чем прежде, счастливой жизнью.

— Так вы, стало быть, русский? — удивился негр и вынул резинку изо рта.

— Ну да! Я русский!

— И ваша семья в Москве?

— В Москве. А ваша?

— В Кардофана. Как раз там умер мой отец от этого проклятого гвинейского червя. У старика были поражены суставы обеих ног. Когда лопнули язвы, отец пытался извлечь червей, но неудачно, и вскоре умер.

Я сочувственно протянул негру руку:

— Мне очень жаль вашего бедного отца.

Негр взглянул на меня, пожал нерешительно руку и вдруг, словно что-то поняв, начал трясти с силой кисть моей руки.

— Мне тоже жаль... — произнес он и запнулся.

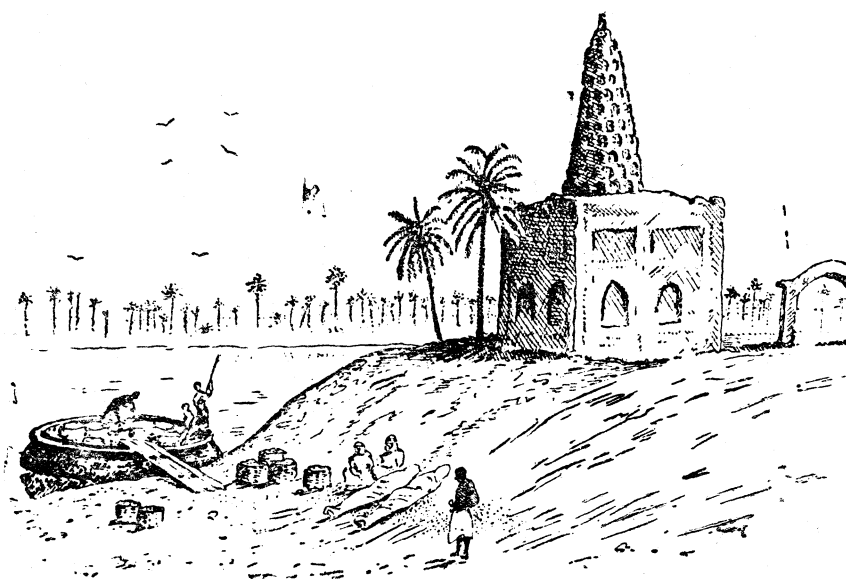
— Что отцу не оказали медицинской помощи?

— Ну, какая там медицинская помощь неграм... Мне жаль, что не удалось побывать в ваших южных республиках, где люди живут иначе. Я много слышал о Советском Союзе, но только сегодня впервые вижу русских.

Мы дружески простились с неграм и продолжали путь.

На окраине Зубейра движению машины мешали кучки нечистот, и нам с трудом удалось из них выбраться. Затем остановила машину полуразрушенная стена. Мы вышли и направились пешком к жилищам арабов.

Однако каково было наше удивление, когда взрослые мужчины в юбках и дети в ужасе обратились в поспешное бегство.

Погрузка «гуффы». Рисунок автора.

— Воображаю, — сказал Орлов, — что здесь творят англичане, если, завидя европейца, арабы убегают в панике!

Мы стали приближаться к отступающей толпе.

Ширази произнес несколько фраз по-персидски и прижал руку к сердцу. Индус «Сергея» ласково протягивал руки детям: сколько при этом теплоты чувствовалось в его голосе! Быть может, он кое-что припомнил и из своего детства и теперь понимал страх арабов.

Вскоре наше приветливое отношение развеяло недоброе. Взрослые и дети заулыбались.

Мы вошли в один из дворов. В глубине его около забора сидел старик с голыми ногами и мездрил ножом на доске шкуру, как мне показалось, собаки. Подросток вынул из ямы, вырытой в земле, шкуру осла. Такие ямы занимали добрую половину двора. Из ям исходил невероятный смрад. Всюду летали тучи мух.

Мы обследовали щели в стенах, просеивая глиняную труху и отыскивая в ней клещей — распространителей некоторых заболеваний.

Я подошел к жилищу и открыл дверь. Несколько женщин, кутаясь в покрывала, немедленно скрылись в дверях другого помещения. Внутри жилища было все до крайности бедно и убого.

Вместо постели на глиняном выступе стены лежали облезшие от времени кожи, тряпки и сильно изорванная одежда. С потолка свисали сухие пальмовые листья и стебли тростника. Кувшины без ручек, с отбитым носиком и пустые мятые консервные банки заменяли посуду.

Сопровождавший меня араб предложил мне посидеть на покосившемся ящике. Я обвел рукой комнату, покачал головой и сказал:

— Как плохо вы живете!

— Да, господин, очень плохо, — ответил он на ломаном английском языке и подобоострастно поклонился в пояс.

— Чем же вы питаетесь?

— Утром не знаем, что будем есть днем. Приходится просить бакшиш на базаре или выпрашивать у англичан возле мусоросжигалок кости. Наши дети роются в поисках остатков пищи в помойках, канавах и мусорных ящиках. Работы нет, и зарабатывать деньги негде... Совсем плохо живем. Люди болеют, нищенствуют. Сегодня я был в порту и пожаловался американцу, что ничего не ел, и попросил у него хотя бы десять филсов. Американец бросил мне жевательную резинку и прогнал прочь.

Араб снова поклонился в пояс.

— Не кланяйтесь мне, товарищ, — сказал я, потрясенный рассказом араба, — я русский!

— Москва?! — воскликнул араб, и слезы наполнили его глаза.

Он перестал кланяться, постоял минуту, молча разглядывая меня, и вдруг выбежал из жилища. Я по-

следовал за ним. Оглядываясь, араб что-то быстро рассказывал окружающим, слушавшим его внимательно.

Слово, произнесенное мной, оказалось магическим. Арабы вдруг повеселели. В их глазах исчез страх. Они ходили ва нами и твердили:

— Руси, руси, Москва...

В соседнем дворе, очевидно, уже предупрежденный кем-то, навстречу мне вышел высокий мужчина. Он был гол по пояс и носил выцветшую юбку. Спокойной походкой он приблизился ко мне. На лице его была написана какая-то особая торжественность, словно он хотел сообщить мне что-то чрезвычайно важное.

— Сталин! — произнес он медленно и приложил руку ко лбу.

Орлов, Ширази и «Сергея», вошедшие следом за мной, поняли все значение для этих людей произнесенного арабом имени.

Араб пригласил нас пройти в его жилище. Оно не отличалось от предыдущего. Араб приподнял изголовье постели и достал кусок материи. Из него он вынул бережно завернутый портрет И. В. Сталина, вырезанный, повидимому, из какого-то журнала.

Вместе с нами в жилище вошло несколько детей. Они были почти голы, глаза их слезились, на теле виднелись следы кожных заболеваний. Худощавые, с большими рахитическими животами, они жались к стенам. На голове одного из мальчиков была наклеена грязная тряпка. Из-под нее струилась кровь. Мухи кружились вокруг ребенка роem.

Картины нищеты потрясли нас настолько, что мы на время забыли о цели посещения — поисках клещей в стенах жилищ.

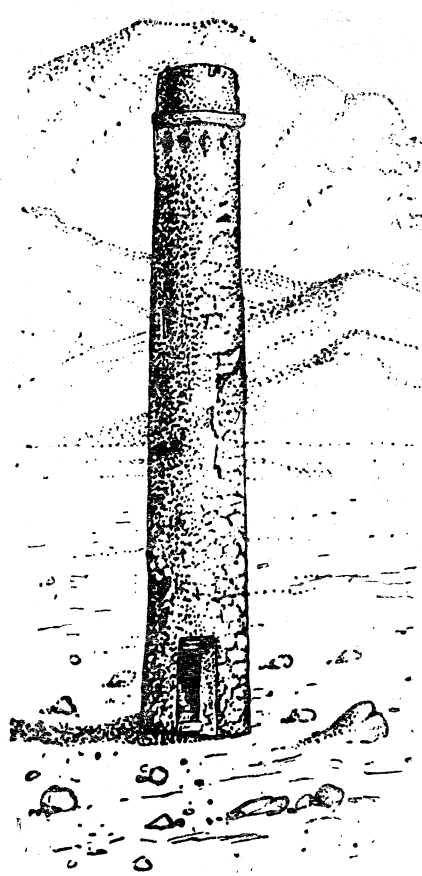
Советским людям, живущим с детских лет в атмосфере справедливости и заботы государства о людях, здесь было невыносимо тяжело. Чувство горячего протеста против бесправия, установленного господствующими классами Ирака и их английскими «покровителями», теснило грудь.

Толпа детей и взрослых арабов сопровождала нас до машины.

При выезде из города мы задержались около древнего мазара (склепа). Старинная башня имела причудливые ступчатые карнизы в виде лепестков какого-то фантастического цветка.

Женщина с изможденным нуждой лицом, с металлическим кольцом в носу, с ребенком на руках ловила нас за одежду, умоляя дать ей для больного ребенка немного денег. Орлов осмотрел ребенка, послушал его, сказал, что надо делать, и дал матери несколько филсов.

На обратном пути в Басру мы сделали небольшую остановку. «Сергея» поставил машину в тень каких-то развалин и стал осматривать мотор, перегревшийся на жару. Около высоких пальм на берегу Шотт-эль-араба покачивалась на привязи круглая, словно сковорода, «гуффа», употреблявшаяся в каче-

Башня в Андимешке, с которой когда-то сбрасывали преступников. Рисунок автора.

стве лодки еще древними арабами. Она представляла собой корзину, сплетенную из пальмовых листьев, промазанную слоем асфальта. Край гуффы, достигавшие трех-четырёх метров в диаметре, суживались кверху.

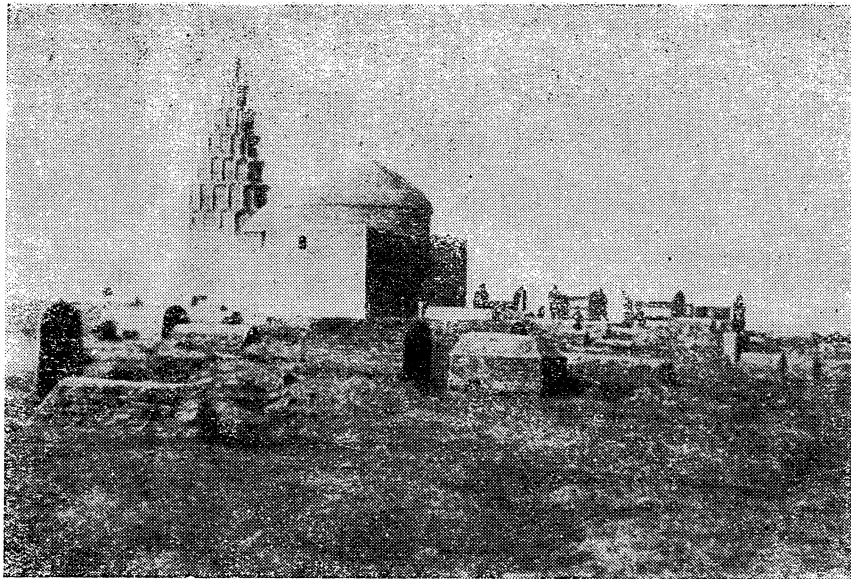
С берега арабы грузили на гуффу финики. Туда же они с трудом ввели красивую лошадь.

К нам подошел араб. Борода его была окрашена в яркооранжевый цвет соком листьев аравийского растения лавзонии.

Араб просил дать ему десять филсов. Получив монету, он сообщил нам, что везет из города Захедана в Кербелу покойника. Он и два его товарища должны перевести останки богатого человека в «священный город шиитов» и получить там расписку об их доставке. За это им будет уплачено вознаграждение. На земле лежал плотно завернутый в полотно покойник. По верованию шиитов, тот, кто будет похоронен рядом со «святым» халифом Али или его сыном Хусейном в Кербеле, получит счастливую «загробную жизнь».

— И на том свете он будет жить счастливо, — сказал араб со вздохом, указывая на покойника.

В Басре мы смотрели гонки на ослах, затеянные по поводу недели Красного креста и полумесяца.

Кладбище в Зубейре.

Вокруг ипподрома собралось много англичан, а также иракских помещиков и купцов. Недалеко от места старта важно восседал шериф Басры в окружении военных и чиновников. Хозяина города в виде почетного караула охраняла группа иракских стрелков. Солдаты в своих парадных мундирах напоминали опереточных персонажей. Они то и дело салютовали проходившим мимо английским офицерам. По команде усердного ефрейтора дюжина рослых арабов вскидывала тяжелые винтовки старинного образца, издававшие громкое ляганье. Не прошло и часа, как гвардия шерифа совершенно выбилась из сил. Солдаты едва ворочали ружьями, задевали друг друга штыками, качались и украдкой стирали рукавом катившийся градом пот.

Местных жителей в толпе не было видно. Их не подпускали близко к барьеру ипподрома. Арабы жались вдаль, опасаясь полисменов, раскаживавших за спинами иностранных гостей, собравшихся на бега. Прорывавшиеся через запретную зону одиночки подвергались нещадному избиванию. Удары резиновой дубинки щедро сыпались на их спины и лица.

На праздник то и дело прибывали легковые машины с англичанами.

Между тем на старте уже выстроились в ряд ослы-бегуны. На спине у каждого из них сидел англичанин. Раздался выстрел. Седоки тотчас принялись понукать, бить по бокам и всячески принуждать ослов к бегу. Однако не тут-то было. Вся «соль» в том и состояла, что ослы вовсе не собирались бежать, а тем более обогнать друг друга. Побои и окрики вызвали у них обратное действие. Ослы сбавляли ход и переходили с рыси на мелкий шаг. Некоторые из них, раздумав бежать вле-

ред, вдруг поворачивали и пускались вскачь назад, унося на себе и седока и его надежды на приз.

Но вот один из ослов вырвался вперед. Страсти зрителей достигли предела. Англичане кричали в рупоры и крутили принесенные с собой трещотки. Бумажная лента была разорвана, и ослы-победителя окружила толпа болельщиков. Спортивного интереса эти гонки, само собой разумеется, не имели.

Поездка в Амара откладывалась еще на три дня. Ширази было отказано в пропуске вообще. Срок карантина нам будет удлинён.

У ИСКАТЕЛЕЙ ЖЕМЧУГА

Располагая свободным временем, мы решили совершить поездку на побережье Персидского залива.

Желтый песчаный берег залива казался пустынным. Кое-где виднелись одинокие хижины рыбаков и серые каменные постройки складов. Женщины в красных рубахах и таких же шароварах хозяйничали возле жилищ; мужчины с утра до ночи пропадали в море на рыбной ловле или занимались поисками жемчуга. Жара и влажность воздуха чувствовались здесь особенно сильно. Берег залива на далекое расстояние был совершенно плоским; множество нечистот разлагалось на солнце, распространяя зловоние. По берегу бродили голые дети, разыскивая ракушки для поделки ожерелий или охотясь за «невероятными» крабами.

Вода Персидского залива имеет самую теплую в мире температуру — около 35°С. В заливе водится множество различных пород рыб, встречаются заросли кораллов, добываемых для украшений и моллюски, среди которых промысловое значение имеют жемчужные раковины.

Поиски раковин производятся в

здешних отмелях. Десятки мелких парусных судов, принадлежащих предпринимателям, занимающимся добычей жемчуга, виднелись на гладкой поверхности залива.

Взяв лодку, мы направились к одному из таких суденышек. Жемчужные раковины, прилепившиеся к коралловым рифам, обычно находят на дне моря, на глубине 5—7 метров. Ловцы с зажатым костяной рогулькой носом и залепленными воском ушами, опускались под воду при помощи камня, подвешенного к ногам. Достигнув дна, ловец собирал раковины в привязанную к талии сетку.

Работа ловца жемчужных раковин чрезвычайно трудна. Он отстает под водой более минуты с открытыми глазами, которые быстро воспаляются и становятся красными. Непосильный труд быстро изнашивает организм ловцов. Случается, что им приходится спасаться от акул или пилы-рыбы. На долю ловцов и экипажа лодок выпадает самая ничтожная часть выручки, поступающей почти целиком в карман купцов — окупщиков жемчуга. Они держат в кабале тружеников моря, ссужая их заблаговременно деньгами и товаром, а затем требуя работы от восхода до заката солнца.

Груды добытых со дна крупных раковин лежали на дне лодки. Пахнущие водорослями и окутанные липкой тиной, они быстро высыхали на жарком солнце. Поэтому рыбаки спешили вскрыть их. Один из арабов ловко подрезал через узкую щель раковины крепкие мышцы моллюска и вскрывал створки. Найденные жемчужины складывались в пустую банку из-под консервов.

Задержавшись около ловцов, мы и не заметили, как наступил вечер.

Над нами простиралось южное небо, пересеченное яркооранжевыми, желтыми и пурпурно-красными полосами. Словно в зеркале, закат отражался в водах залива. Издали доносилась тоскливая песня рыбаков. Перекликались чайки. Пылающее солнце скрылось за горизонтом. Спустилась ночная тьма. Неожиданно вокруг лодки стали появляться прозрачные, словно сделанные из хрусталя, шары искривленные зеленоватым огнем. Это были светящиеся медузы. Они слегка покачивались на волнах, оставляемых лодкой и фосфоресцировали, то вспыхивая, то снова потухая.

СРЕДИ БЕДУИНОВ, «ХВАТАЮЩИХ ЗА БОРОДУ»

Наконец мы получили разрешение на выезд в район Амара.

— Лучше поздно, чем никогда, — буркнул Орлов, собирая вещи в чемодан.

Индус-врач и незнакомый англичанин уже ждали нас в машине. Вел ее «Серезжа». Шаратов должен был остаться в Басре.

Мы выбрались на дорогу Басра — Кут-эль-Амара — Багдад. Она пролегает в основном по берегу реки Тигра.

По сравнению с Евфратом Тигр короче почти в полтора раза, но превосходит его быстротой течения, за что и прозван арабами Стрелой. Он и вдвое больше несет воды, так как принимает с левой стороны много ручьев и рек, стекающих с гор западной окраины Ирана.

До Мосула по Тигру плавают на плотках, поддерживаемых на воде надутыми воздухом кожаными мешками, число которых доходит до трехсот, смотря по величине плота и груза. До Багдада ходят барки, а дальше до Басры — пароходы с неглубокой осадкой.

Мы двигались по пустынным и болотистым местам. На пути то и дело попадались остатки древних каналов, о которых упоминал еще Геродот. Благодаря оросительным сооружениям вся местность вдоль нижнего течения Тигра и Евфрата ранее была покрыта садами и пашнями. Ныне эти каналы разрушены и засыпаны песком. Ежегодно повторяющиеся разливы Тигра приводят к накоплению стоячих вод, образующих целые озера. Одно из них — Джезаир-Мунтефик — тянется на несколько километров вдоль Тигра. Топи Хоур-Амара переходят далее в болота Ауор-Азам, занимающие на восток от Тигра почти все огромное пространство от реки Керки и местечка Ховеязы до Амара. Здесь встречается множество уток, цапель и другой болотной птицы.

Мириады назойливых комаров и москитов делают почти невозможной здесь жизнь человека. Поэтому число населенных пунктов на пути от Басры до Амара весьма невелико. Своих буйволов и другой домашний скот арабы спасают от «гноуса» тем, что держат взаперти, окуривая кизяком, или смазывают нефтью. Несметное количество блох здесь такой же бич, как и гнус. Разноголосый концерт лягушек доносится отовсюду из безграничных заболоченных пространств. В болоте живут бобры и особый вид черепахи, длиной около метра.

Местами нам попадались группы финиковых пальм, чередовавшихся с зарослями тростника, за высокой стеной которого скрывался Тигр.

Многие пальмы росли прямо в воде, и это, вероятно, шло им на пользу. По арабской поговорке, финиковая пальма должна иметь «ноги в воде, а голову в огне».

Иногда машина выбиралась на совершенно гладкую пустынную равнину с редкой растительностью.

Недалеко от дороги показались черные шалаши кочевых арабов. Англичанин предусмотрительно приготовил автомат и рассовал по карманам патроны.

Мы поравнялись с табором кочевников-бедуинов и вышли из машины. Завидев приезжих, арабы стали делать знаки и приглашать нас войти к ним в шалаш. Мы приветливо пожали руки гостеприимным хозяевам и сообщили им, что мы русские. Англичанин предпочитал далеко не

отходить от машины. Орлоз, индус и я вошли в невысокий шалаш и сразу почувствовали приятную прохладу. Чтобы умерить жару, стенка шалаша с наветренной стороны была сделана из толстого слоя колючек, другие стенки обтягивала черная материя. Время от времени арабы поливали стенку с колючками водой. Горячий ветер, проходя сквозь колючки с осевшими на них многочисленными капельками воды, оставлял влагу испаряться. Благодаря этому простому приспособлению, основанному на законах физики внутри шалаша создавалась температура на 15 градусов ниже, чем на открытом месте.

Поодаль от шалашей паслись одиноким аравийские верблюды-дромадеры. Это были «деллюль» — верблюды, выдрессированные с молодых лет специально для верховой езды. Бедуины предпочитают их другим породам за выносливость и нетребовательность в пустыне.

Вокруг нас в шалаше сидели те самые «хватящие за бороду» болотные кочевники — аль-машаны, об опасности встречи с которыми нас предупреждал англичанин, уговаривавший не ездить в Амар.

Кочевые арабы, или бедуины (от слова «бадийэ», то-есть пустыня), сохранили в значительной степени в неприкосновенности древние обычаи. Быт бедуинов весьма близок к быту их библейских прародителей. Араб — «сын терпения» — с поразительной стойкостью, выработанной веками, переносит тяжелые условия кочевой жизни.

Узнав, что среди нас есть три врача, арабы тотчас принесли своих детей. Матери охотно давали осматривать грудных младенцев и подростков. На лицах и руках у женщин видна была татуировка. Они застенчиво улыбались, и объяснялись с нами знаками. В носу у некоторых арабов висело кольцо, в ушах красовались серьги.

Мужчины были рослы, хорошо сложены, с коричнево-желтым цветом лица. Темные миндалевидные глаза смотрели на нас из-под прищуренных век, вследствие привычки защищаться от яркого солнечного света. Большинство арабов было

одето в белые длинные рубахи, доходившие до пят. Поверх рубах у некоторых был накинута полосатый халат. Голову покрывал платок — кефия, сложенный треугольником, который придеживался длинным, дважды обмотанным вокруг головы жгутом — «агалем». На ногах у бедуинов были сандалии. У многих из присутствующих имелись винтовки, кривые ножи — секины — и сабли — сейфы.

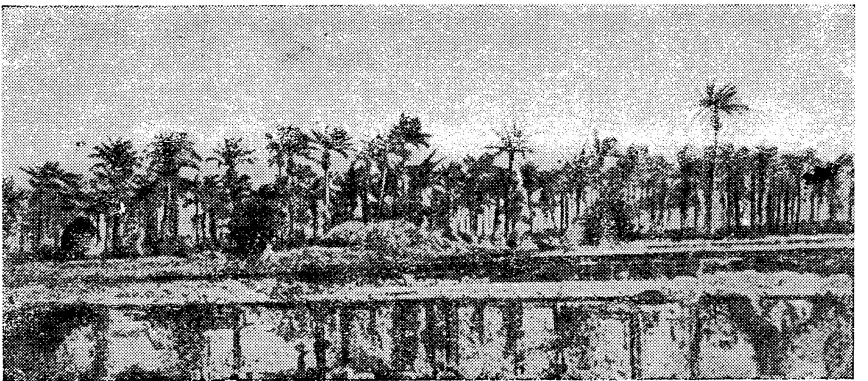
Гостеприимные дети пустыни и болот тотчас же стали предлагать традиционный кофе, желая угостить им приезжих. Его готовили при нас. Один из арабов поджарил зерна на медленном огне в ложке, растолок их в ступе и насыпал в сосуд с кипящей водой. Для вкуса он добавил немного шафрана и мускатного ореха. Крепкий кофе мы пили без молока и сахара. Вместо хлеба нам подали лепешки — айэш, приготовленные из муки и кислого верблюжьего молока.

Араб, сидевший рядом со мной, говорил немного по-английски. После некоторого молчания, которое считается в таких случаях необходимым, он рассказал мне о том, как ему и его спутникам пришлось сделать большой крюк, чтобы объехать места, где был объявлен карантин. Дорогой он встретил арабов, побывавших вблизи очага эпидемии. Весь район, охваченный заболеванием, был окружен солдатами, расставленными на таком расстоянии, что они могли видеть друг друга. Населенные пункты, где были случаи заболевания, полностью сожжены. Десятки арабов погибли от ужасной болезни.

По словам арабов, сейчас карантин уже был снят.

Мы собрались у машины и поехали дальше.

Амара лежит на левом берегу Тигра. Он основан в 1863 году. Город возник на месте казарм, построенных турецким Намык-пашой после жестокого подавления им восставших свободолюбивых племен бенилям и аль-бу-мухаммад. В дальнейшем здесь осело много приезжих купцов. В настоящее время город насчитывает более 10 тысяч жителей.

Река Шотт-эль-араб.

Лучшая улица в городе — набережная, вдоль которой вытянулись в одну линию кирпичные дома. За ними начинаются убогие глинобитные постройки, тростниковые хижины и сады. Население, состоящее в основном из арабов, занимается скотоводством и разведением риса в болотах.

Сведения, полученные от арабов, подтвердились, едва мы прибыли в Амара. Эпидемия была действительно ликвидирована «своими средствами», карантин снят, и наша поездка в очаг заболевания, таким образом, отпадала.

Местный врач-араб, показывавший нам свой город, нашел на берегу небольшого водоема несколько улиток — булину трункатус. Эти моллюски хранят в себе личинки кровяной двуустки, вызывающей заболевание — бильгарциоз. Выйдя из улитки, личинки — церкарии — могут активно вбуравливаться в кожу человека при купании и проникают в венозные сосуды.

Далее они продвигаются по телу с током крови и оседают в почках, мочевом пузыре и кишечнике. Здесь двуустки достигают половой зрелости. Тело паразитов, длиной несколько миллиметров, узкое, самец шире самки. На его брюшной стороне имеется глубокий продольный карман. В нем самец носит самку. Длитель-

ность жизни этих паразитов — до 27—28 лет.

Население Ирака, особенно по Тигру и Евфрату, сильно поражено бильгарциозом.

— Эти проклятые моллюски, — говорил со злобой врач, давая улиток каблуком, — настоящий бич арабского населения междуречья.

— А как широко ведется борьба с бильгарциозом в Ираке? — спросил Орлов.

Вместо ответа врач-араб тяжело вздохнул и беспомощно развел руками.

В Амара мы задержались на день для сбора насекомых — переносчиков малярии и москитной лихорадки. Среди них оказалось немало редких, не встречающихся в СССР и Иране: экземпляров комаров и москитов. Были отысканы и клещи — переносчики клещевого возвратного тифа. Эти находки представляли большой интерес для науки, и наш приезд в далекую Амара сразу себя оправдал.

Пока я возился с пробирками, собирая в них насекомых и клещей, Орлов произвел осмотр детей, больных бильгарциозом. Он помог составить врачу-арабу подробный план борьбы с этим заболеванием. На купание в водоемах, зараженных моллюсками, должен быть наложен

запрет, умываться следует продезинфицированной водой, нельзя пить сырую воду.

Дети, которым перевели слова русского врача, внимательно прислушивались к его советам.

Ранним утром нас разбудил громкий призыв муэдзина с минарета соседней мечети. Наскоро позавтракав, мы поспешили в обратный путь и в тот же день вернулись в Басру.

Ремонт нашей машины был закончен. Прощаясь с нами, «Сережа» вынул из кармана две пачки ароматических индийских свечей.

— Зажигайте их в Москве, — сказал он, передавая свечи мне и Орлову. — Пусть их аромат напоминает вам об Индии и ее сыне Сарамендре, которого вы называли «Сережей».

Из Басры мы выехали в Иран на своей машине.

Доставив нашего бесшумного проводника Ширази в Тегеран, мы стали с ним прощаться.

— Много я с вами поездил, много за это время и узнал, — сказал он, пожимая нам руки. — Я часто думал: в чем же ваша сила? Кажется, я теперь понял. Иранец, индус или араб, заведя красный флажок вашей машины и встретив русских, видит в вас символ своих надежд на справедливую жизнь и счастье.

Вскоре мы вернулись на родину.

РОЗОВЫЙ БАНАН

Листья бананов изумрудно-зеленого цвета похожи на огромные, трех метров в длину, опахала.

Вместе с пальмами и бамбуковыми рощами бананы возле Батуми и Зеленого мыса образуют целые

заросли и придают здешнему пейзажу подлинно тропический вид.

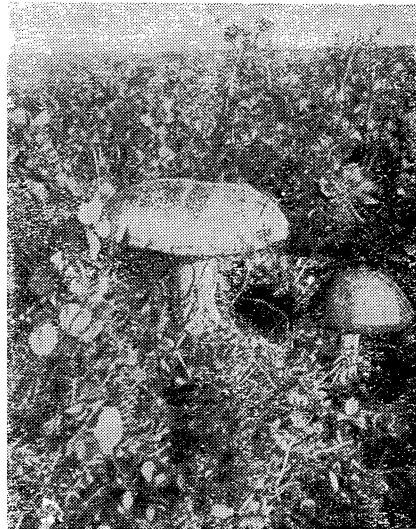
Плоды бананов в наших субтропиках пока не вызревают. Работа по отбору сортов и выведению быстро вызревающих форм банана еще предстоит. Плодоносящие бананы будут так же освоены в советских субтропиках, как осваивается сейчас другое тропическое растение — авокадо.

В Сухумском ботаническом саду в настоящее время ведутся работы по размножению новых для СССР декоративных форм банана. Для озеленения общественных учреждений и жилищ большой интерес представляет розовый банан, отличающийся исключительной красотой своих листьев и цветов. Банан этот карликового роста — всего 1—1,5 метра высоты, длина его сизоголубых листьев не превышает одного метра. Свое название розовый банан получил за свою цветочную розовую стрелку, имеющую форму колоса и поднимающуюся из центра растения.

На снимке — розовый банан, цветущий в оранжево-красном Сухумского ботанического сада.

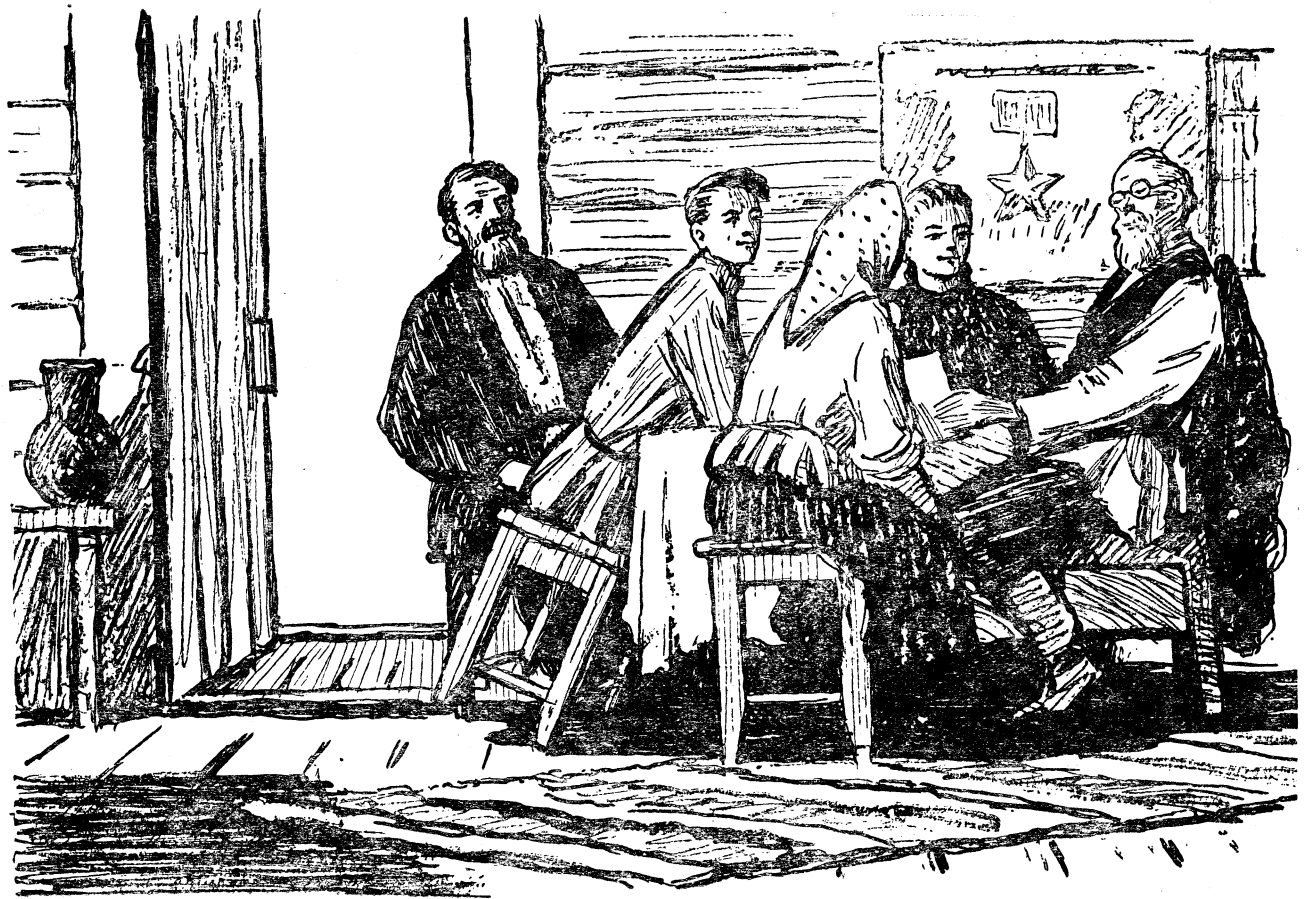
А. Дубровский

ГРИБЫ „НАДБЕРЕЗНИКИ“

Заполненная тундра характерна парадоксами растительного мира. Здесь под ногами у себя можно обнаружить заросли ивы и карликовой березки. В таком «дремучем» лесу встречаются и грибы-подберезники, которые вернее было бы назвать «надберезниками», потому что карликовые березки растут под гигантскими грибами.

Вл. Минкевич

П и с ь м о и з К А Л И Ф О Р Н И И

Н. УСТИНОВИЧ

Рис. А. Ливанова

Горбась беспорядочными складками, тайга тянулась к самому горизонту и терялась там в знойном голубом мареве. Только в одной стороне виднелись открытые прогалины. Можно было подумать, что там край тайги. Но я знал, что это не так. Огромное пространство было занято там лишь обгоревшими стволами деревьев и редкими, небольшими березовыми перелесками. Вся местность называлась коротко и звучно «гарь».

Много лет назад здесь был пожар. Широкой полосой прошла по тайге страшная лавина огня и оста-

новилась у реки. Через два-три года пожарнице сплошь заросло высокой травой — кипреем, и гарь стала почти непроходимой. Прорезала ее лишь одна дорога, проложенная между деревьями, раскинувшись в противоположных концах тайги. Две глубокие колеи, наезженные в мягкой, серой от золы почве, тянулись по траве, то огибая груды сухого валежника, то вилась между ям, оставшихся на месте выгоревших пней.

Впрочем, были здесь еще и тропки. Они пролегли между располо-

женными на гари знаменитыми пасаками колхоза «Промокрайна».

Кипрей — одно из лучших медоносных растений. Когда он цветет, гарь кажется покрытой малиновым ковром. В это время пчелы за десять дней успевают нанести в улей столько меда, сколько они едва соберут за все лето в степи. Неудивительно, что именно здесь, на этой гари, еще в 1929 году междуреченским пчеловодом Василием Шалагиным был достигнут мировой рекорд по медосбору.

Время у меня было свободное.

Пожарище сплошь заросло высокой травой — кипреем.

Я давно уже собирался побывать у одного из колхозных пасечников деревни Междуречья — Кирилла Федоровича Сугака. Он много раз приглашал меня к себе, и теперь, находясь в каких-нибудь пяти километрах от его пасеки, я решил известить старика.

Выбрав на холме высокую ель, я взобрался на самую ее вершину. Отсюда хорошо было видно начало гари. С высоты она походила на диковинное малиновое море, широким заливом вклинившееся в тайгу.

Определив направление, я бодро запагал вперед, рассчитывая часа через полтора быть на пасеке.

В это время тучи, собиравшиеся на западе с самого утра, затянули все небо. Начал накрапывать дождь. Вначале редкий и прямой, он вскоре перешел в нудный «косохлест».

Когда я вышел на гарь, дождь показался мне более густым и спорым, чем в лесу. Я шел, раздвигая руками твердые, как пруты, стебли травы, и высокие малиновые цветы, поднимаясь над моей головой, при каждом шаге окатывали меня, словно из лейки, дождевой водой. Холодные струйки текли у меня по шее, спине, проникали в сапоги...

Я, однако, упорно пробивался вперед. Пасека, как мне казалось, находилась где-то тут недалеко.

Так прошло около часа. Далеко ли я прошел за это время, сказать трудно. Во всяком случае, темная стена пихт осталась где-то сзади, скрытая за густой сеткой дождя.

Несколько раз я падал в ямы. Словно нарочно замаскированные травой, они подкарауливали меня в тех местах, где я меньше всего их ожидал. Напрасно хватаясь руками за кипрей, я вместе с ним летел под обрыв, царапая лицо и ушибая бока о валежник...

Выбравшись из одной такой ямы, я вдруг заметил, что потерял направление, и понял, что заблудился.

У меня не было ни хлеба, ни ружья, ни даже перочинного ножа. Спички, которые я вначале старался уберечь от воды, давно размокли...

Между тем начало темнеть. Теперь я видел вокруг себя не далее пяти шагов. Порой мне казалось, что я иду по дну моря, сплошь покрытому высокими густыми водорослями...

Выбившись из сил, я остановился. Ночью дождь перестал, но я дрожал от холода и до утра не сомкнул глаз.

* * *

Новый день наступил ясный, теплый. Солнечные лучи почти не пробивались сквозь заросли кипрея, и он попрежнему окатывал меня тыся-

чами холодных капель. Но по солнцу можно было определить направление!

С надеждой тронулся я в путь и действительно скоро наткнулся на тропинку. Через полчаса она вывела меня к пасеке Сугака.

Когда я вошел в избушку, Кирилл Федорович завтракал. Ответив на приветствие, он как бы вскользь окинул меня взглядом и коротко спросил:

— Заплутал?

Я кивнул головой.

— Достань-ка, мать, сухого беля, — обратился Сугак к жене. — Да печку растопи.

Вскоре я, обсохший, переодетый, сидел за столом, и Кирилл Федорович, помешивая ложечкой крепкий чай, расспрашивал меня о том, как я плутал по тайге.

Согревшись, я крепко уснул и видел во сне бескрайнее кипрейное море.

На пасеке я пробыл несколько дней. После памятного мне дождя установилась, наконец, безветренная, жаркая погода. К полудню на лепестках кипрейных цветов появились прозрачные капельки нектара, и над всей гарью стоял густой запах меда. Взятки в эти дни были богатейшие.

Несмотря на то, что пасека находилась вдали от деревень, редкий день на ней не появлялось новых людей. Приезжал председатель колхоза осведомиться о медосборе. Привозил газеты почтальон.

Однажды Сугака навесил пчеловод Василий Федорович Шалагин. Он заведывал расположенной неподалеку опытной пасекой Института пчеловодства, занимающейся изучением медоносности кипрея. Коренастый, плечистый, Шалагин дышал силой и здоровьем.

— Дельце у меня к тебе, сосед, — проговорил он, привычным движением скидывая с плеча двустолбовку. — Посоветоваться надо.

— Случилось разве что? — Кирилл Федорович поднял с лица волосяную сетку. — Что-нибудь неладное?

— Не знаю, как тебе и ответить... — усмехнулся Шалагин. — Письмо получил с планеты Марс. Там, видишь ли, тоже люди есть, только на нас непохожие. И в жизни нашей они ничего не смыслят...

— Стар я уже, Вася, сказки слушать, — отмахнулся Сугак. — Вечно ты с шуточками...

— Да не сказка это, Федорыч. Быль. Из Америки письмо, от какого-то мистера Хаукса, а задает он мне вопросы, словно житель планеты Марс. На, читай.

Шалагин достал из кармана гимнастерки сложенный вдвое конверт, заклеенный иностранными марками и покрытый множеством штемпелей.

— По-английски написано. — сказал он. — Я тут перевод приложил.

— Гм!.. — удивленно промолвил старик, принимая одной рукой письмо, а другой вытаскивая из жилетного кармана футляр с очками. — Что же он пишет, этот американец?

— Чепуху всякую... Да ты прочти!

— Пойдемте-ка в избу, — пригласил Кирилл Федорович. — Там и прочитаем. Кстати, и обедать пора.

Случилось так, что в этот день у Сугака было людно. Пришла по какому-то делу пасечница из соседней деревни — комсомолка Настя Воробьева, по пути на сенокос заглянул

волхозный бригадир Саша Зотов. В избе сразу стало тесно.

Когда все расселось, Кирилл Федорович неторопливо приладил на носу овальные очки и, развернув изрядно помятую бумагу, начал читать вслух.

Письмо было из Калифорнии, от некоего мистера Хаукса, владельца нескольких крупных пасек. Он ознакомился с брошюрой Шалагина, в которой Василий Федорович рассказывал об опыте своей работы. Многие в этой брошюре американцу показались настолько непонятным, что он решил обратиться к автору с целым рядом вопросов.

— «Сколько вы платите, мистер Шалагин, за право вести научные экспериментальные работы на государственной пасеке?» — прочел Сугак и поверх очков посмотрел на присутствующих.

Настя Воробьева засмеялась и локтем толкнула Сашу Зотова, который тоже не удержался от смеха. Бабушка Дарья, жена Сугака, неодобрительно посмотрела на молодежь, но и сама улыбнулась: забавный вопрос задавал американец. Не смеялся только Шалагин. Он, как видно, был

сильно возмущен письмом мистера Хаукса и думал о том, как дать ему достойный ответ.

— «Что заставило вас добиваться мирового рекорда по медосбору? — продолжал читать старик. — Во сколько долларов был оценен ваш рекорд?»

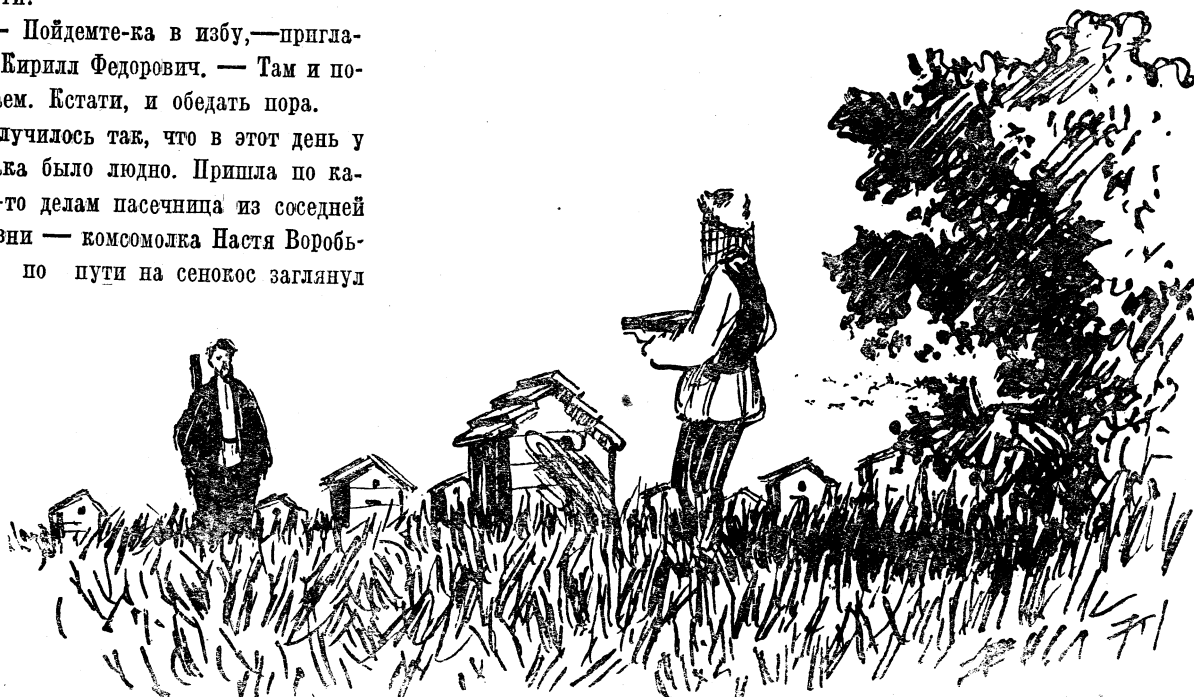
— Как это — «оценен»? — не понял бригадир.

— А так, — пояснил Шалагин, — в Америке любые рекорды продаются и покупаются. Дельцы «бизнес» на этом делают. Вот Хаукс и интересуется, сколько мне заплатили...

— Чорт знает что! — возмущился Саша. — Как они не поймут, что на их аршин у нас не меряют...

— И для чего человек все это пишет? — пожала плечами Настя. — Я думаю, он и сам не знает...

— Э, нет! — поднял палец Кирилл Федорович. — Он-то знает, чего хочет... Слушайте-ка дальше: «Вы упоминаете в своей брошюре, мистер Шалагин, об изобретенном вами улье усовершенствованной системы. Продано ли вами это изобретение, и если нет, то не вступите ли вы в деловые переговоры с нашей фир-

Однажды Сугака навещал пчеловод Василий Федорович Шалагин.

мой?..» Вот, братцы, к чему клонит американец.

— Я думаю, что и вопросыки насчет оплаты рекорда и прочего Хаукс неспроста задает, — добавил Шалагин. — Совсем не такой он дурак, как может сперва показаться. Разговорами о деньгах он рассчитывает мою жадность разжечь: «Во сколько долларов был оценен ваш рекорд?»... Думает мистер так: этому русскому, мол, и в голову не приходило, что в иных странах рекорды продаются — вот и начнет точить ему сердце червяк. А как разгорятся у Шалагина глаза на доллары, он и продаст свое изобретение за тридцать американских серебряников...

Кирилл Федорович брезгливо бросил письмо на край стола.

— Вот пришел с вами посоветоваться, как нам ответить этому мистеру, — проговорил Шалагин.

— Ответим, как полагается! — сказал Сугак, бережно складывая очки. — А только думаю я, что надо сперва подкрепиться. Не такое это дело, чтобы ради него обед откладывать.

Бабушка Дарья стала собирать на стол.

* * *

После обеда Кирилл Федорович, принеся из своей комнатки за перегородкой лист бумаги, пузырек с

чернилами и ручку, сказал, обращаясь к Шалагину:

— Теперь пиши.

— Ну, — улыбнулся Шалагин. — Что же писать?..

— «В Америку, в Калифорнию, — начал диктовать пасечник, сурово сдвигая седые брови. — Мистеру»... Как там его?

— Хаукс.

— «Мистеру Хауксу. Из деревни Междуречки, от пчеловода Василия Шалагина». Написал?

— Написал.

— Та-ак... «Письмо ваше, мистер, я получил. Отвечу я вам на ваши вопросы вот что. Не понимаете вы, мистер, нашей жизни, да и понять, как видно, не хотите. Мне доллары ваши не нужны. У нас есть кое-что поважнее денег: доверие народное, радость труда для советской родины! А вы думаете, что хлопочу я только о личной наживе. Я, советский человек, своими руками зарабатывающий все нужное для жизни, награжденный правительством нашим за честный труд орденом Ленина и двумя медалями...»

— Правильно, — сказал Шалагин. — Я и сам думал с этого начать. А дальше я думал сказать ему в таком роде: «Вы привыкли, мистер, к тому, что русские изо-

бретения присваивались часто в прошлом иностранцами, в том числе американскими дельцами, и выдавались потом за свои. Но те времена давно прошли».

— Не на тех напали, — вставил Саша Зотов.

— Вон откуда руку протянул за чужим добром, — поддала свой голос все время молчавшая бабушка Дарья.

— А закончу письмо так, — сказал Шалагин. — Напишу коротко и ясно: «Изобретение у меня есть, да не про вашу, мистер, честь».

— Хорошо, — стукнул кулаком по столу Кирилл Федорович. — Прямо по поговорке!

В избе стало тихо. Слышно было, как поскрипывало по бумаге перо и жуужала где-то у окна пчела.

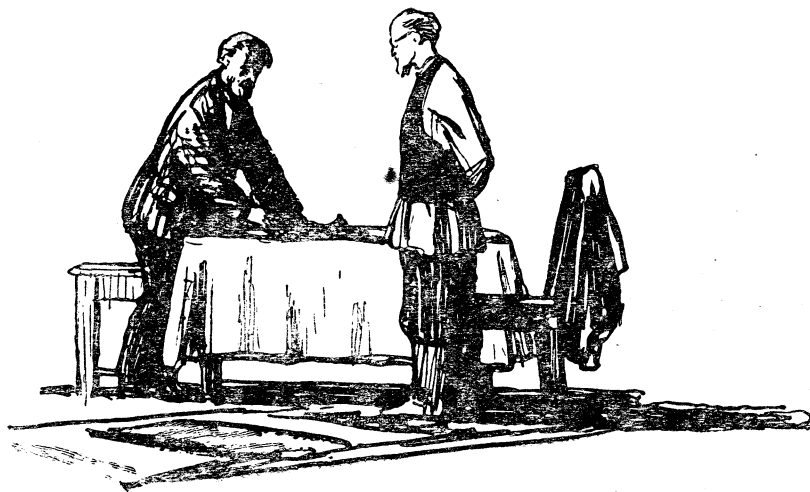
— Ну, вот! — поднял, наконец, голову Шалагин. — Все, только расписаться осталось.

Вложив письмо в конверт, Василий Федорович вывел адрес.

— Почтальон у тебя когда будет? — спросил он у пасечника.

— Завтра должен захватить, — ответил Кирилл Федорович. — Оставь у меня, отправлю, — и, встав со скамьи, сказал: — Сходим-ка к пчелкам, это куда интереснее...

Красноярск

РУССКАЯ КАРТА СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

В краеведческом музее города Солигалича Костромской области найдена новая карта побережья Северо-западной Америки и Алеутских островов. Она называется «Карта меркаторская отправленным из Петропавловской гавани господ компанейщиков тотемских кушцов Петра Панова и Арсения Кузнецова на судне бот «Св. Николая» под предводительством морехода и передовщика охотской команды штурманского ученика Дмитрия Полутова с 779 года июля месяца до бухты Сандвич-Саунд и оттоль обратно до Воровского устья по 785 года сентября 28 числа с показанием Алеутских островов и части Северо-восточной Америки. Сочинена 1786 года, сентября 25 дня».

Карта Дмитрия Полутова, как и все его плаванье 1779—1785 годов, была до сих пор неизвестна советским исследователям.

Находка этой карты имеет исключительный интерес. Как видно из заглавия карты, Дмитрий Полутов совершил долгий поход из Петропавловска на Камчатке к Алеутским островам и побережью Чугацкого залива (Сандвич-Саунда в Северо-западной Америке, Аляска). Берег Америки у Полутова назван «северо-восточным», как лежащий к востоку от побережья Азии. Такое именно наименование преобладало на русских картах Тихого океана в XVIII веке.

В науке до сих пор было принято мнение, что исследование и начальное заселение Чугацкого залива русскими людьми было начато в 1783 году силами огромной экспедиции в 300 человек под начальством штурмана Потала Зайкова. Эта экспедиция высаживалась на берег Чугацкого залива, причем «передовщи-

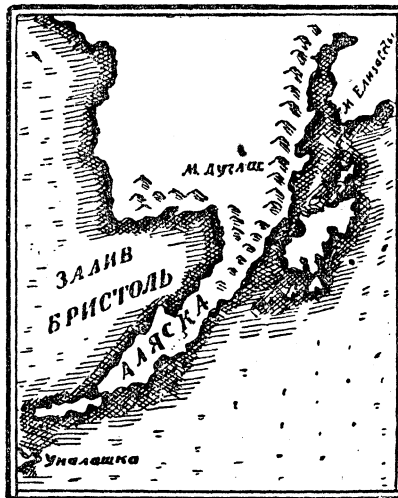
ку» Нагаеву удалось проникнуть в глубь материка Аляски.

После находки карты Дмитрия Полутова можно утверждать, что он ранее П. К. Зайкова не только побывал в Чугацком заливе, но, очевидно, оставался там на зимовку, причем зимовка могла быть и не единственной.

Проведя в походе несколько лет, Дмитрий Полутов возвратился из Чугацкого залива на западный берег Камчатки, в устье реки Воровской, обогнув, таким образом, оконечность Камчатского полуострова.

Судя по заглавию карты, Полутов в 1779 году ставил своей непосредственной целью достижение побережья Северной Америки, и посещение Чугацкого залива не было случайным делом.

О Полутове мы знаем еще то, что он в 1768—1778 годах плывал вме-

сте с мореходом Брагиным на корабле «Михаил» к островам Алеутской гряды — Уналашке, Кадьяку, Атхе, Адаху — и посещал Командоры. В 1778 году Дмитрий Полутов возвратился с морского промысла, доставив 3627 морских бобров, 1430 котиков и 900 песцов.

Упомянутый в заглавии карты тотемский купец Петр Панов был одним из видных деятелей на севере Тихого океана в XVIII веке.

В награду за эти заслуги он в свое время получил имение близ Солигалича. В этом имении Петра Панова находилась его личная библиотека, в составе которой были рукописные материалы и карты.

Сергей Марков

СТАРИННАЯ КАРТА АЛЯСКИ

Директор Темниковского (Мордовская АССР) краеведческого музея А. Чернухин сообщает в газете «Красная Мордовия» о ценной находке, сделанной в комплекте старых географических карт, хранящихся в музее, кандидатом географических наук Т. П. Федорченко.

Это небольшого размера карта Аляски — редчайшая, по утверждению тов. Чернухина, карта, сохранившаяся до настоящего времени в единственном экземпляре, которая документирует важнейшие географические открытия и исследования, совершенные в XVIII веке русскими в бассейне Тихого океана.

Карта является результатом экспедиции купцов Шелехова и Голикова для эксплуатации пушных богатств «Русской Америки» (Аляски). Два корабля экспедиции под начальством Шелехова в 1784 году достигли тихоокеанских берегов Северной Америки. Основав на островах укрепленные поселения, Шелехов посылал отряды для исследования и составления карты островов, а также побережья Аляски.

Возвратившись из этой экспедиции, Шелехов представил подробный отчет и карту посещенных мест.

Найденная карта обобщает собой географические знания русских в последней четверти XVIII века в исследовании Дальнего Востока и показывает, что русские к концу XVIII века имели довольно обстоятельные географические сведения об Амуре, Сахалине, Камчатке и Чукотке. На карте проведена граница, отделяющая область русских владений на северо-западе материка Северной Америки.

Научные сотрудники Института географии Академии наук СССР после детального ознакомления с картой подтвердили ее большое значение для изучения походов русских исследователей-путешественников конца XVIII века.

В Яхромской пойме

А. ЕЛАГИНА

Гигантской плоской чашей открылась предо мной Яхромская пойма. Догорала поздняя майская заря — час, когда люди, не зажигающая огня, укладываются на покой, и только какая-нибудь беспокойная гармонь спорит с залившимся лягушечьим хором. Он и сегодня выступал, этот хор, но другие звуки заглушали его. То и дело нас обгоняли грузовики с людьми, и песня или бас медной трубы оглашали дорогу. Мы проезжали через колхозы, ярко освещенные электрическими фонарями, и нам вслед несся мощный голос радио: «Внимание, говорит штаб народной стройки. Колхозы Синьково, Дятлино, Куликово к началу работ готовы. На участках намечены трассы, созданы бригады, инструмент приведен в исправность. Нет сообщений с седьмого участка. Седьмой участок! Седьмой участок! Вас вызывает штаб!»

— Ночь перед наступлением, — заметил мой спутник, агроном Юрий Филаретович Киреев.

Да, это была ночь перед наступлением. И специально созданный в Рогачеве центральный штаб во главе с секретарем райкома партии руководил этим наступлением. Ежеминутно звонили с участков, и грузовики мчались в ночь, чтобы доставить в колхозы запасные ведра и лопаты или только что отпечатанные листовки... Штабы на участках заседали в сельсоветах и правлениях колхозов. Хлопали двери, и дежурные сообщали, что прибыла помощь из дальнего неприкасаемого колхоза и надо устроить вновь прибывших на квартиры. Приходили свои колхозники проверить, не пропустили ли их в списках. На пойме один за другим вспыхивали костры, и темные тени плясали в их красном свете — это колхозные избачи и библиотекари прилаживали плакаты, развешивали на ивах красные полотнища...

Но вот погасли костры, затихли моторы на дорогах и репродукторы у сельсовета. Мы въехали в село Куликово.

Колхоз спал. Яркая лампочка освещала полотнище поперек улицы: «Все на двухдекадный скоростной мелиоративного строительства!» Тоненькая моложавая женщина —

председатель Куликовского Совета — стояла на крыльце, заслонив глаза от электрического света, смотрела на восток. Там уже брезжила новая заря.

Не было смысла устраиваться на ночлег. Мы с Юрием Филаретовичем присели в сторонке, и агроном начал рассказывать мне о Яхромской пойме.

Было так в царские времена: выйдет кто-либо из куликовских дедов по весне на пойму и копается там в грязи и тине, пока не обведет канавой клочок земли. Сделает высокие, как гробы, гряды и сажает капусту. За лето не раз зальет гряды водой, но уж если выстоит капуста до осени, такие выгонит кочны — в два обхвата! «Эх, — говорили мужики, — богата копилочка, да ключика от нее нет!» А «копилочка» в десять тысяч гектаров ревностно хранила под водой и мхами свои несметные, тысячелетиями накопленные богатства. За осень и весну осушенный клочок земли затаит тинной, снова зальет водой, и даже не видно, где он тут был. После революции в этих краях была создана болотная опытная станция. Впоследствии она стала Московской областной. Создал ее бывший земский агроном, крупнейший русский болотовед Борис Дмитриевич Оношко. Вместе с сотрудниками станция исследовал он Яхромскую пойму. На шесть метров в глубину залегает здесь торф. Повидимому, ледники оставили на этом месте широкое озеро. Берега его так и остались коренными берегами поймы. С веками озеро высохло, на его дне вырос сосновый лес, да, верно, сгорел — в глубинных слоях торфа нашли болотоведы обгорелые пни и стволы сосен. Подпочвенные воды и разливы небольшой, но извилистой реки, заболотили низину и веками стояло здесь болото, накапливая в травинках, в осоках, во мхах солнечную энергию. Но болото высохло за тысячелетия, и уже не сосновый бор, а дубовые роши зеленели и кудрявились в котловине. Рассказали об этом людям черные стволы драгоценного мореного дуба, добытые из глубины болот. Снова погиб лес, и снова водлюбивые растения и мельчайшие частицы почвы начали кропотливое, медленное накопление органических остатков. Все богатства уложены

здесь в образцовом порядке: вдоль реки самый плодородный торф — луговой, подалее от реки — кустарниковый, а у коренных берегов поймы — осоково-гиновый из остатков сгнивших осок и гиновых мхов.

На болотной станции осушались и возделывались торфяные участки, выращивались луговые травы, корнеплоды, картофель, зерновые... Оношко проводил опыты с минеральными удобрениями на луговых и кустарниковых торфах и пришел к выводу, что, применяя калийные соли на пойменных землях, можно получить высокий урожай. Надо только правильно подобрать культуры и поработать их агротехнику. Так была создана известная яхромская травосмесь, которая дает до ста центнеров сена с гектара. Так была разработана агротехника овощных культур кормовых корнеплодов, картофеля и зерновых.

По целым дням серая широкополая шляпа ученого мелькала среди осок и кустарников, иногда он часами сидел на мшистой кочке, задумчиво глядя перед собой или рассматривая корневиза трав. А по ночам в его кабинете на болотной станции до рассвета горел огонь. Борис Дмитриевич писал свою книгу по болотоведению.

Старый ученый умер; уже не все помнят в этих краях молчаливого человека, в широкополой шляпе, но по его книге обучаются студенты в мелиоративных институтах, и по его способу выращиваются богатые урожаи на осушенных землях.

На болотной станции продолжают работы по мелиоративному луговодству. Опыты показали, что до 180 центнеров трав и 130 тонн овощей можно вырастить на гектаре болотной земли, не удобряя ее навозом. На основе учения академика Вильямса о правильной травопольной системе земледелия, станция разработала овощекормовые и лугопастбищные севообороты.

Первыми осушать пойму начали колхозы Кончилинский, Куликовский и Клошниковский. Было это еще до войны. Всем народом вышли на болото, вырубали на большом участке кусты и стали рыть каналы, так называемую водоотводящую сеть. Вырыли, как полагают, по

всем правилам, магистральные каналы от коренного берега с уклоном к самой Яхроме, прорыли под углом каналы-собиратели, чтобы вода по ним сбегала в магистральные каналы, а к собирателям провели небольшие каналы-осушители.

Но вода упорно не уходила с участка. Лошади проваливались в жидкий торф, и плуг увязал по самую рукоятку, пахать не было возможности. Неужели весь труд пропал даром?

Стали искать выход из положения. Большой знак болот — инженер-мелиоратор Николай Михайлович Титов — уже давно лелеял одну мысль. Не пришла ли пора ее проверить? Дело в том, что подпочвенные воды выступают из коренных берегов поймы и непрерывно выклиниваются на поверхности низины. Вот почему никак не удавалось осушить участки. А что, если прорыть каналы вдоль обоих берегов поймы, чтобы они улавливали наступающие подпочвенные воды? И «ловчие» каналы, титовские, как их прозвали, были прорыты. Вода перестала заливать участки. На вспаханных землях выросли первые посевы.

Казалось, ключ был уже подобран к кладам природы, когда началась война. Работы были прекращены, и болото подкралось, затопило осушенные участки.

Но вот война закончилась, и снова начались осушительные работы, уже по всей пойме. Осушение Яхромских болот вошло в великий государственный план преобразования природы страны. В пятилетнем плане так и было указано: «построить осушительную систему в пойме реки Яхромь». Три года назад в первый раз вышли колхозы на народную стройку. И теперь каждый год после сева и до начала сенокоса рубят люди кусты, корчуют пни, роют каналы... С ранней весны до поздней осени тракторные плуги ворочают торфяные пласти, а экскаваторы выпрямляют и углубляют извилистое, капризное русло реки. Неохотно, сопротивляясь, отступают болота. Уже осушено две тысячи гектаров, уже в каждом колхозе сотнями тонн исчисляется «пойменный» урожай, а основной массив поймы еще лежит под кочками, кустами и ржавой водой... Московские большевики на областной партийной конференции решили к 1952 году полностью освоить пойму. И вот народ снова идет в наступление на болота...

Обо всем этом рассказал мне Киреев, пока мы ждали рассвета. Обычно сдержанный и молчаливый, с темными, неувлечивыми глазами, о пойме он говорил много и охотно, с хорошей, застенчивой улыбкой.

— Я сталинградец, степняк, а вот же влюбился в эти болота! — сказал он, разводя руками.

Заря разгоралась. В селе хлопали калитки, горлачили петухи, гремели ведра у колодцев. Первыми на

Тракторные плуги ворочают торфяные пласти.

колхозную площадь, к мраморному бюсту Ленина, вышли две девушки — крепко сбитые, круглолицые, с лопатами через плечо, с топорами за поясом. Это были прославленные на пойме сестры Голубевы. Из проулков выходили колхозники. На площади сталолюдно, весело, шумно. Заливался баян, погромыхивал барабан духового оркестра, девушки затянули песню. Но когда председатель сельсовета Анастасия Сергеевна Елесина подняла руку, все стихло. Елесина открыла митинг.

Первым говорил председатель колхоза Кряков. Не спеша бросал он веские слова. Тысячу гектаров поймы надо осушить нынешним летом. Вынуть 150 тысяч кубометров земли, вырубить 800 гектаров кустарника, проложить 10 километров грунтовых дорог и гатей, построить 30 мостов через каналы... Кто же, как не куликовцы, — пионеры осушения поймы, — должны быть впереди?

— Мы — москвичи, — с гордостью говорил Кряков, — колхозники столичной области, Коммунистического района. Будем же работать так, чтобы еще краше была наша область и район был коммунистическим по всему — по жизни, по богатству...

Гремели трубы оркестра, колхозники кричали «ура», и, когда замолчали, чтобы послушать нового оратора, утренний ветерок доносил из соседних колхозов отдаленное пение труб и крики «ура» — там тоже шел митинг.

Одна за другой выступили сестры Голубевы и звонкими голосами объявили, что как работали они прошлый и позапрошлый годы — выполняли по пять норм, так будут работать и в нынешнем. Затем председатель прочел текст обращения куликовцев к колхозникам всего района, где обаяются они

выполнять не меньше чем полторы нормы в день и призывают всех следовать их примеру. Лес лопат поднялся в знак одобрения, и тотчас громкий голос в правлении колхоза стал передавать по телефону в редакцию районной газеты текст принятого обращения.

Кто-то сказал: «Пора, товарищи!» — и все торопливо стали строиться в колонну с лопатами на плечах, со знаменами и баянистом впереди. Край солнца показался над поймой. Белым огнем вспыхнули лезвия лопат и красным — медные трубы. Оркестр грянул марш, и колонна двинулась влииз, к пойме.

...Есть в труде на народной стройке особая, захватывающая сила и красота. Как на праздник, выходит народ на работу, и от радостного сознания, что и ты здесь вместе со всеми делаешь общее дело, каждый работает с особой ловкостью, сноровкой, азартом. Прохожий и тот стоит, плюнет на ладони: «А ну-ка где тут у вас лопата?» — и начнет кидать землю, стараясь только бы не отстать от других. Пусть тяжела земля на лопате, пусть ноги по колено вязнут в черной болотной жиже и слепни жалят через одежду, — все равно не умолкают на стройке шутки и смех, не замедляется взятый с утра темп работы, пока бригадир не крикнет: «Шабаш!» Тогда все бросают ведра и лопаты, вылезают из траншеи на травку. А мысли и чувства все еще там, в траншее: сколько выкопал, не отстал ли от других?

Казалось, все двадцать дней стройки никто в колхозах не мог ни думать, ни говорить ни о чем, кроме поймы, кубометров выкинутой земли, норм и рекордов. Колхозы приняли вызов куликовцев, но с поправкой: давать не полторы, а две нормы. И соревнования разгорелось.

В Куликове все равнялись по се-

страм Голубевым, но превзойти их никто не мог. Сестры вынимали ежедневно по 27 кубометров грунта каждая. Сильные, ловкие, старательные, они не теряли ни одной минуты времени — всегда под рукой у них были запасные ведра, хорошо отточенные лопаты и топоры. И вдруг «молния», вывешенная у штаба участка, объявила: «Бригада в составе Бакунина И. С., Бакунина И. А., Елесина С. Н. сегодня вынула 90 кубометров грунта. Выполнив план на 428,6 процента, каждый из них выработал по 8,57 трудодня».

Как же они этого добились? Двое из них, правда, работают на пойме не первый год, но третий — Бакунин Иван Степанович — совсем новичок. Молодой великан, он, как игрушку, вертел в руках тяжелую лопату, и казалось, не столько работал, сколько примеривался к работе. А он-то как раз и предложил новый способ организации труда. Вдвоем со вторым Бакуниным они, стоя на поверхности, нарезали огромные пласты земли, а Елесин снизу, из канавы, цапкой помогал им выбрасывать пласты на берег.

— Так нужно брать дернину, — объяснял Бакунин, — а ежели расширишь канаву, лучше снизу подкапывать, а потом обваливать край на дно. Я на фронте ой-ой сколько этой земли побросал! — И он легко подымал и откидывал пласт в добрых пятьдесят килограммов весом.

Куликовцы, а за ними и земляне других участков стали работать по методу Бакунина. А через несколько дней радио и газета «Коммунар» сообщили о новом рекорде шестнадцатилетнего комсомольца Баринаова. Он нашел свои приемы в работе и вынул за день 35 кубометров грунта. Не успел внедриться еще метод Баринаова, как подоспел еще один метод, совсем необыкновенный рекорд: колхозник Леон Федорович Лещенко вырыл 58 кубометров земли за день.

Колхозники выступали в печати, по радио, читали лекции и доклады. Примечательным было выступление в колхозном клубе Анны Сергеевны Бардеевой — знатного бригадира колхоза Ключниково, депутата Верховного Совета РСФСР.

Поглядывая веселыми, живыми глазами на полный народ клуб, Анна Сергеевна не спеша рассказывала:

— Земля в этой пойме богатейшая. Азота в ней накоплено на много лет. С освоенных земель мы уже в прошлом году сняли капусты и моркови по пятьсот центнеров с гектара и четыреста центнеров кормовой свеклы. Собрали и пшеницы немало — тридцать центнеров. Вырастили большой урожай картошки сорт «ранняя роза». Показали мы ее Трофиму Денисовичу Лысенко. Наша картошка ему очень понравилась. Оказывается, пойменные земли обновляют и улучшают сорт картофеля. И теперь наша «ранняя

Знатный бригадир колхоза Ключниково Анна Сергеевна Бардеева с овощами, выращенными на осушенных землях.

роза» — лучший посевной материал для всего района. Вот что делает пойма!.. Еще растет на наших пойменных землях растение кок-сагыз, каково в прежнее время вовсе в наших краях не было. В нынешнем году моя бригада проводит опыт с посевом ветвистой пшеницы. Я взяла да горстку посеяла и на пойменной земле. Ничего, растет хорошо. Пошлю потом Трофиму Денисовичу в отдельном пакете и отпишу, что росла она на пойме...

* * *

Бежали дни. По зеленой низине поймы протянулись длинные черные ленты новых каналов. А на лугах вместе с тем поднялись по поясу и зацвели травы. Приближался покос. Народная стройка шла к концу.

Во всех колхозах было решено выделить постоянные бригады в помощь только что созданной по решению правительства лугомелиоративной станции.

До этого времени все механизированные работы выполняла обычная МТС. Но все больше и больше прибывало специальных механизмов, работы на пойме принимали небывалый размах, с ними могла справиться только особая лугомелиоративная станция. Директором ее был назначен Киреев.

— Лучше и придумать нельзя, — говорили колхозники, — он тут каждую кошку на память знает.

Еще более сосредоточенный и слержанный, чем обычно, он то принимал вместе с механиком Бычковым вновь прибывшие машины, то целыми днями ездил по участкам, где эти машины осваивались.

Ровно, как по струнке, идет трактор по обычному полю. Тракторист

знай себе следит за бороздой. Не то на пойменных землях. Мощный гусеничный трактор, словно на волнах, качается на пружинящей почве. То плуг застрянет в коряге, скрытой в кочке, то гусеница забуксует в жидком торфе; только успеет трактор провести два десятка борозд — и участок весь. Впереди, сзади и с боков канавы водоотводящей сети.

— Ох, и терпенье надо на нашей работе! — качает головой Настя Кирсанова, порывистая, сильная девушка, бригадир четвертой тракторной бригады.

Не только терпенье. Нужны внимание, сноровка, отличное знание машины и живая русская сметка.

Я сижу рядом с Настей. Ее загорелые руки спокойно лежат на ручках управления. Но в карих внимательных глазах напряжение, словно она все время к чему-то чутко прислушивается. Плавно идет трактор. Но Настя уже чувствует едва приметный толчок, слышит, как немного изменился голос мотора. Так и есть — в колесе плуга застряла коряга. Осторожное движение назад, медленный ход вперед на тихом газу, и машина преодолевает препятствие.

— А в другой раз надо и рывком выбраться! — объясняет она молодому трактористу. — Чуть надо машину, прислушиваться к ней... А все-таки интересная у нас тут работа, — добавляет она неожиданно.

И молодой тракторист и прицепщик подтверждают — интересная.

— Ничего же здесь не было — одна гниль болотная. А вот вспахали, засеяли — и растет. Морковь, свекла... Я всю войну на простом поле пахала, а с сорок шестого года — на болоте. Нам тут две нормы дать — все равно, что там пять. А мы даем. Зато машины какие нам шлют! Самой новой конструкции. Залюбуешься.

Действительно, машинами можно залюбоваться. Болотный плуг идет за трактором, вращается дисковый нож, на полметра врезаясь в торф, и огромные черные жирные пласты переворачиваются на 180 градусов. Крюк на хвостовике плуга опускается в землю и легко выворачивает толстые пни с отростками черных цепких корней.

Фрез-барабан, усаженный острыми ножами, делает двести двадцать оборотов в минуту. Ножи яростно крошат дернину, сетка позади барабана просеивает измельченную землю. Два раза трактор протаскивает фрез-барабан по полю, и там, где только что была кочковатая, заросшая сорняками луговина, лежит мягкая, пыльная, как пирог, пашня. Трактор прикатывает ее катками, чтобы лучше испарялась влага, и тракторная сеялка засеивает поле семенами многолетних луговых трав.

Не видна со стороны кропотливая работа так называемого крота-плуга. Метровый его нож глубоко вонзается в землю и там ведет за собой круглое деревянное ядро. Круглое, как

труба, отверстие, словно кротовый ход, остается за ним. По этому подземному ходу — дрене — подпочвенная вода потечет в канавы-собиратели. Но и собиратели скоро уйдут под землю, чтобы не мешать работе тракторов. Уже готов экспериментальный экземпляр дисковой дренажной машины. Двумя ножами машина взрезает землю и с силой в глубине распахивает торф. По широкой торфяной дрене, имеющей форму трапеции, вода потечет в магистральные каналы. Так машины проведут под землей водоотводящую сеть из торфяных дрен взамен тысячи метров дренажных труб, которые пришлось бы здесь проложить.

И магистральные каналы будут теперь не такие, как раньше. Вертикальные канавокопатели выкопают канавы с вертикальными стенками, чтобы не могла залиться их болотная жижа, чтобы не зарастали они буйными болотными травами. Каждый канавокопатель за рабочий день выкопает работу двухсот человек.

Тяжелые дисковые бороны, водоналивные катки, кусторезы, экскаваторы, гидравлические мониторы — целый арсенал новейших машин присылает страна для покорения поймы.

Мы идем вдоль заплывшей титовской канавы к видному издали ажурному крану экскаватора. Мотор работает. Зыбкая земля мелко дрожит под ногами. Кран движется с необыкновенной быстротой и, я бы сказала, ловкостью. Ковш с лягом падает в канаву и тотчас выходит из нее с полным грузом ила. Точно рассчитанное движение — ноша сброшена на берег, и ковш снова молниеносно летит в канаву. На вершине крана положится флажок. От дождей и солнца он из красного стал бледно-розовым. Верно, давненько он сюда водружен.

Машинист экскаватора Анатолий Михайлович Иващенко спускается из своей кабинки. Широкая улыбка вспыхивает на его темном лице. О себе и своей машине он говорит весело и просто.

Экскаватор «ПГ», поворотно-гусеничный, самый легкий, другой потонул бы здесь, на зыбких почвах. Иващенко рассказывает нам, что первое место у его бригады никто не может отнять с самой весны. Молодежь, комсомольцы у него хороши — выработывают по две нормы. Сколько за лето вынул земли весь экскаваторный участок? Миллиона три кубометров, не меньше. Выпрямили и углубили Яхрому, целых двадцать восемь километров, прорыли и считали нагорные каналы. Он, Иващенко, секретарь партийной организации участка. Следовательно, обязан быть первым.

— Тринадцать лет переделываю землю, — говорит он. — Где только не был! В Хорезме орошал, здесь осушаю.

Он снова взбирается в кабину, и кран быстро и легко движется,

будто повторяя ловкие, четкие движения своего хозяина.

В последний раз я еду по берегу поймы. Сумерки быстро летят за нашей машиной.

— Три года! — как бы про себя говорит Юрий Филаретович. — Это и много и очень мало. За три года надо здесь переделать все. Помните в «Фаусте» у Гете:

До гор болото, воздух заражая,
Стоит, весь труд испортить

Прочь отвести гнилой воды
утрожая,

Вот высший и последний подвиг
застой —

Я целый край создам обширный,
мой!

И пусть миллионы здесь людей
новый,
живут...

Хорошо сказано. Кстати, читая эти строки, я всегда вспоминаю о Германии. На фронте я всюду интересовался болотами, а в Германии в особенности. Германия всегда славилась культурой болот. И что же оказалось? Никакого сравнения с нами. Они понятия не имеют о работах Вильямса, Оношко и собирают зерновых не больше шестнадцати центнеров с гектара. Это считается достижением. В то время, как мы уже теперь берем по двадцать пять — тридцать. Что же будет через три года, через пять лет? — Он помолчал. — Я вам сейчас скажу, что будет здесь через пять лет.

Он подался вперед, держась руками за кузов машины, и прищурил глаза, словно всматриваясь в даль.

— Там, вдоль реки, будет широкая полоса лугов. Войдете в них — выше пояса встанет густая трава. Рядом на выпасах — тучные стада, каких

еще не было в нашем районе. А дальше — бесконечные плантации овощей, картофеля, корнеплодов. Золотистые поля пшеницы и ярике, в цвету, оранжевые поля кок-сагыза. И сады. Да, да, представьте себе, на пойменных землях прекрасно растут сады и ягодники. Не болотная клюква, а смородина, крыжовник, вишня. И нигде ни одной канавы, ровная, гладкая, как бархат, земля. А Яхрому, эту гнилую речушку, просто нельзя будет узнать, — будет широкая судоходная река, впадающая в канал имени Москвы. Нет, пожалуй, даже трудно описать, что здесь будет через пять лет...

Машина шла под уклон, и шофер выключил мотор. Мимо в тишине пронеслась темная долина поймы. Я старалась представить ее себе в будущем, но перед глазами невольно всплывали другие картины — торжественный митинг на рассвете, могучая фигура Бакунина с лопатой в руках, лектор — колхозница Анна Сергеевна Бардеева — в переполненном колхозном клубе, милое, напряженное лицо Насти, ведущей трактор по зыбкой целине, Юрий Филаретович, на коленях измеряющий глубину борозды... Вот где подлинная любовь к своей земле, любовь сильная и действенная, способная перестроить мир во имя жизни, во имя будущего...

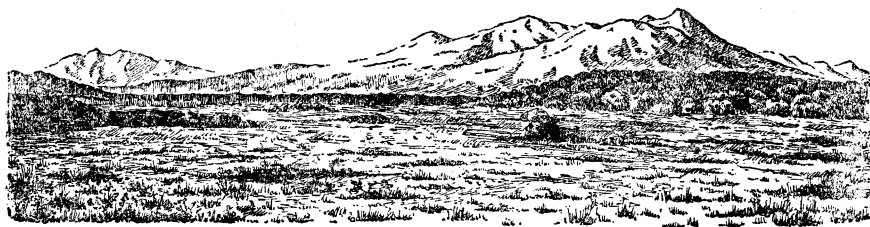
Яркий огонь вдруг вспыхнул в темноте поймы. В тихом вечернем воздухе отчетливо стал слышен рокот мотора, плеск воды и ляг челюстей экскаваторного ковша. Легко и ритмично работала машина.

— Иващенко! Узнаю по почерку, — заметил Юрий Филаретович.

Но может быть, это был все и не Иващенко. На пойме один за другим вспыхивали огни экскаваторов и доносились четкие, ритмичные звуки моторов. Приступила к работе ночная смена...

Народная стройка в пойме реки Яхромы. Очистка магистральной канавы.

КРОНОКИ

Т. УСТИНОВА

Публикуемый очерк написан для журнала «Вокруг света» молодым географом Т. И. Устиновой. Тов. Устинова сделала географическое открытие большой важности — ею найдены и исследованы на территории Кроноцкого заповедника на Камчатке гейзеры — впервые на территории Евразийского материка. Сообщение об этом открытии на II Всесоюзном географическом съезде привлекло всеобщее внимание.

В настоящей очерке об этом открытии упоминается лишь вскользь. В нем Т. И. Устинова дает живые и яркие картины природы Кроноцкого заповедника.

Кроноцкий заповедник самый крупный в СССР. Площадь его составляет 13 тысяч квадратных километров. Для того чтобы пересечь заповедник от границы до границы пешком, нужно не менее десяти дней.

Заповедник лежит в удаленной от всяких населенных пунктов местности на восточном побережье Камчатки, там, где тянется полоса молодых вулканических гор, частью активных до настоящего времени, частью угасших в недавнем прошлом. Это одно из звеньев гигантского вулканического кольца, опоясывающего Тихий океан.

На территории заповедника — его здесь называют просто «Кроноки» — находится 13 вулканов, из них 4 действующих. В западной части его — много ледников, в том числе 9 крупных.

Мне пришлось ряд лет проработать в этом интереснейшем заповеднике и много поездить по его территории и зимой и летом.

По широте Кроноки отвечают Москве; и поэтому представление о суровом климате, какое обычно связывается с Камчаткой, к нему не подходит. Климат здесь мягкий, зимой обычно бывает мороз 6—10 градусов. Морозы в 20 градусов — редкость. Лето прохладно и туманно, но все же немало дней, когда можно наслаждаться отличным мелкопесчаным пляжем и даже выкупаться в океане.

Океан образует морскую границу заповедника, тянущуюся на протяжении свыше 200 километров. К нему примыкают широкие приморские низменности, покрытые болотами или кочковатыми ягодниковыми «тундрами», как говорят на Камчатке (хотя это очень мало похоже на настоящую тундру).

На севере берега обрываются в море отвесными темными скалами. На них гнездятся морское пернатое население — топорки, чистяки. На низменных берегах море намывает широкий пляж, покрытый мелким темным песком. Во время отлива пляж далеко обнажается и блестит, как мокрый асфальт.

На скалистых островах — лежбища сивучей. Сивуч — его многие знают под именем «морской лев» — близкий родственник котика, только гораздо больше его. На облюбованный остров сивучи приплывают, когда самки должны принести детенышей.

На мелких прибрежных камнях ходят лежбища нерп — небольших тюленей с блестящей крапчатой шкуркой. Нерпы, как и сивучи, кормятся рыбой. Детеныши нерп рождаются в пушистой белой шубке; они, как и сивучата, не умеют плавать. Нерпы на редкость любопытны. Вокруг лодки, плывущей вблизи их лежбища, все время высовываются блестящие круглые головки. Круглые глаза долго с изумлением следят за лодкой.

Весной у берегов заповедника делает привал множество уток, летящих далее на север. С моря в это время раздается крик, как из птичника.

Кроноки — «народный» заповедник: фактическая его история длиннее, чем официальная. Еще в прошлом столетии Кроноки «по обычаю» признавались местным охотничьим населением законным убежищем для соболя; его здесь преследовать не разрешалось. Истребление этого зверька приезжавшими на Камчатку хищниками внушало опасение коренному населению и заставляло его принимать защитные меры. Местные охотники в Кроноках чинили приезжим хищникам всякие препятствия: портили охотничье снаряжение, отбирали пушнину.

Охрана Кронок была организована официально по инициативе известного натуралиста Дыбовского, много сделавшего для изучения природы Камчатки во время его пребывания здесь в 1879—1884 годах.

Природа этого уголка представляет большое своеобразие и высокий научный интерес и поэтому должна быть бережно сохранена.

Поверхность здесь постепенно повышается уже в 20—30 километрах от берега и переходит в высокие вулканические доли, волнистые, изре-

занные многочисленными образованиями пространства, поднятые над морем на 700—1000 метров. На них, как на пьедесталах, покоятся конусы вулканов и потухших и ныне действующих. Самый высокий вулкан заповедника — Кроноцкая сопка, — идеально правильной формы, покрыт снежной шапкой, и по северному его склону сползает ледник. Кроноцкая сопка не имеет никакого фундамента — дола. Непосредственно с приморской низменности она возвышается на 3,5 километра. Это потухший вулкан. Его склоны покрыты узором глубоких рытвин — ботанкосов, разрезающих тело сопки; острая вершина видна почти изо всех пунктов заповедника.

Другие вулканы много ниже Кроноцкой сопки. Обычно высота их не свыше 2 километров. Они не так эффектные, зато многие из них еще живы. В их кратере выделяются горячие газы, склоны покрыты лавовыми потоками, изливавшимися относительно недавно.

У западного подножия Кроноцкой сопки лежит озеро, из которого в океан вытекает река. Вулканы группируются вокруг этого озера, окружая его полукольцом с юга, востока и севера.

В заповеднике можно наблюдать мирную жизнь зверей.

На ягодниках много медведей. Проходя в это время года по ягодным местам, мы видели по восемь или десять медведей в день. Камчатский медведь громаден. По рассказам старых путешественников, здесь убивали зверей, весивших до сорока пудов (две трети тонны).

В долинах рек и недалеко от моря в середине леса здесь необыкновенно роскошное высокотравье; господствует в нем характерное камчатское растение — шеламайник. На высоком прочном стебле — широкие разлапистые листья, отдаленно напоминающие кленовые. Растертый в руках, лист пахнет огурцом. Высота шеламайника в отдельные годы превышает 3 метра.

В июле начинается ход рыбы в реки Камчатки. Лососевые различных пород — горбуша, кета, кижуч, красная — неудержимо устремляются из моря в свои родные реки метать икру. Это пир для многих обитателей Камчатки. В устьях рыбу подстерегают нерпы. В реке ее ловят выдра, хищные птицы, медведь. Медведи в это время собираются к речкам и впервые после весны всласть отъедаются. Сами они в это время становятся невкусны.

В конце сентября — начале октября наступают морозы, ягод уже немного. Медведи уходят в заросли кедрового стлнца. Это растение очень распространено на Камчатке. Куст кедровника похож на большую ветку крупного дерева, положенную на землю, причем концы ее поднимаются кверху иногда на 2—3 метра, а ствол плотно прижат к земле. Заросли такого кедровника покрывают сплошь громадные пространства; ходить по ним очень трудно, а для лошадей они непроходимы вовсе.

Осенью ветки кедровника бывают буквально усыпаны шишками с мелкими кедровыми орешками, вдвое меньше сибирских. ими питается большая часть лесного населения, в том числе и медведь. На приморских низменностях можно видеть оленей. Они здесь держатся зимой, когда на широких открытых просторах сильные ветры сдувают снег и можно добыть из-под неглубокого снега зимнюю пищу — лишайник (олений мох) и сухую траву. Здесь же зимой держатся и олени, постоянно сопровождающие оленьи стада. Летом, когда сходит снег, олени держатся в лесу, часть их уходит в горы, на высокогорные тундры.

Камчатский лес совершенно особенный. Людям, знакомым с подмосковными ельниками или дремучей сибирской тайгой, трудно представить себе его. Преобладает здесь особая береза, за твердость своей древесины называемая «каменной».

Общий облик леса праздничный, напоминающий парк. Лесные участки перемежаются полянами с высокими травами, с головой скрывающимися человеком, с ягодиновыми «тундрами». Здесь-то и живет ценнейший камчатский зверек — соболь. В дупле корявой березы он устраивает свое гнездо, в лесу охотится на мышей, зайцев, птиц, не брезгует ягодами и кедровыми орешками.

Выше березовых лесов тянется сплошной пояс кустарников — ольховых и кедровых стланцев. В ольховнике наиболее удобны для передвижения оленьи тропы, которые обычно так удачно соединяют все полянки и разреженные участки зарослей, что стоит лишь немного расширить их, чтобы провести лошадей с выюками. Найти такую тропу — дело удачи; и не всегда она оказывается в нужном месте. Делать же собственную дорогу через кустарниковые заросли — работа трудная, для маленьких исследовательских групп непосильная.

Еще выше — почти лишенные растительности обширные вулканические доли, интенсивно изрезанные неглубокими оврагами. Сложные вулканическими выбросами, легко проницаемыми для воды, они совершенно лишены ее на поверхности. Всюду мелкие камешки вулканических шлаков, песков и пепла.

В глубоких оврагах и на северных, затененных склонах целое лето лежат снежники, местами не успевающие растаять до новой зимы. Несмотря на интенсивное таяние, ручьи от снежников текут на протяжении всего нескольких метров, быстро уменьшаются и затем совершенно исчезают в рыхлых породах. Отсутствие воды очень затрудняет здесь работу исследователей.

В долах живут степные суслики и тарбаганы (сурки). Суслики предпочитают лужайки с пучками вейника; здесь можно найти десятки их нор и заставить кого-нибудь из хозяев, стоящего столбиком на наблюдательном посту. Тарбаганы предпочитают

более недоступные участки — начинающие зарастать лавовые потоки. Они любят лежать, греясь на глыбах лавы, в ленивой позе кота на лежанке. Норы их располагаются в недоступных для хищников расщелинах.

Летом на снежниках долов иногда можно видеть и стада оленей, спасающихся здесь от оводов и мошки.

Зимой высокогорье неприветливо и сурово. Внезапно налетающая пурга, ничем не стесняемая на необъятных просторах, достигает здесь необычайной силы. Снежные вихри взмываются на сотни метров. Суслики и тарбаганы погружаются в спячку до мая или даже июня. Постоянные жители высокогорья, снежные барачники, лишённые пищи, прячутся в наиболее защищенных местах. К весне они так слабеют, что едва держатся на ногах.

Весна в высокогорье по-настоящему начинается только в июне. 25 мая 1943 года мы на долу попали в настоящую пургу, а внизу в это время уже поднималась трава.

С конусов вулканов спускаются многочисленные лавовые потоки. На первый взгляд они напоминают обвалы из хаотических нагроможденных черных каменных глыб. При медленном движении вязкого лавового потока поверхность его затвердевала, тогда как внутренняя, еще живая часть сохраняла подвижность, ломала скрывающую ее корку и несла дальше все увеличивающуюся грудку обломков. Свежий лавовый поток абсолютно непроходим для лошадей, по нему лишь с трудом можно перебраться пешком.

В ясные дни, которые здесь не так часты, с вулканов открывается величественная картина. С их вершины видны Кроноцкий и Камчатский заливы Тихого океана. Командорские острова, лежащие в 180 километрах от берегов Камчатки, кажутся такими близкими, словно отделены от берега лишь узким проливом. На севере возвышается самая крупная на Камчатке группа вулканов; в центре ее — Ключевская сопка, вся одетая снегом.

Большинство кратеров, в обрывистых стенках которых видны перемежающиеся черные и красные слои лав и вулканических туфов, холодно и безжизненно. Но в некоторых выделяются струйки горячих газов (фумаролы), свидетельствующие о теплящейся на глубине активной жизни, недавно проявлявшейся в излиянии лавы, выбросах шлаков и вулканического песка. Фумаролы непостоянны. Иногда вулкан еле-еле парит, временами же над его вершиной на десятки и даже сотни метров поднимаются струи газов, хорошо видимые издали. Температура их в слабо активных вулканах заповедника невысока, до 100 градусов. Состоят они преимущественно из водяного пара. Резкий запах сероводорода слышится даже на далеком расстоянии от них.

На территории заповедника извест-

Соболь.

но семь групп источников. Особенно эффектно они зимой. Среди глубоких снежных сугробов расположены озера горячей воды, текут горячие реки, и поднимающийся от них пар оседает пушистым инеем на ближайших деревьях. В таких клочках можно купаться при двадцатиградусном морозе! Тюшевские горячие ключи падают с высоты двенадцати метров, образуя природный горячий водопад.

Самые интересные из ключей, несомненно, гейзеры, обнаруженные на территории заповедника впервые в Советском Союзе в 1941 году между активными вулканами Кихпичичем и Узоном. Они расположены в глубокой долине реки, которой было дано имя Гейзерной, и нигде более на Камчатке не встречаются. Здесь нам известны 22 крупных гейзера, периодически выбрасывающих в воздух столбы кипятка и клубы горячего пара. Столб воды из самого крупного гейзера — Великана — поднимается вверх метров на 50, а пар — более чем на 300 метров. В этой же долине находится много десятков горячих источников, склоны ее на протяжении сотен метров нагреты, лишены растительности и парят.

Настоящее планомерное изучение заповедника началось только в 1940 году. С самого начала мы нашли здесь очень много интересного, нового, уникального. Была обнаружена целая группа новых вулканов, в том числе один действующий. Выяснено, что у вулкана Гамчен, до сих пор считавшегося потухшим, — активный кратер. Открыты гейзеры. Обнаружен самостоятельный, довольно значительный для Камчатки центр оледенения. Нет сомнения, что дальнейшее изучение этого интереснейшего заповедника даст еще много замечательных находок.

Тарбаган.

РАСКОПКИ НА КАРМИР-БЛУРЕ

В течение нескольких лет работники Государственного Эрмитажа и Академии наук ведут раскопки на месте древней крепости Кармир-блур близ Еревана. Раскопками руководит член-корреспондент армянской Академии наук лауреат Сталинской премии профессор Б. Б. Пиатровский.

Осенью текущего года археологи, производящие раскопки, подошли к центральной части обнаруженных здесь остатков дворца урартского наместника в крепости, построенной здесь в VIII — VII веках до нашей эры.

Крепость находится на холме, в которому с южной и западной сторон примыкают развалины урартского города Тейшебаини — древнейшего из изучаемых в настоящее время городов на территории СССР.

Раскопки установили, что эта часть дворца была двухэтажной, причем рухнувшие стены верхнего этажа были украшены небольшими башенками из прекрасно отесанных базальтовых блоков. Вызывает удивление превосходное качество обработки такого твердого камня, как базальт, и нет сомнения в том, что эта работа могла быть выполнена лишь хорошо закаленными железными орудиями.

Как сообщает Б. Б. Пиатровский, в текущем году основной работой экспедиции явилась расчистка большой кладовой, площадью около 300 квадратных метров, непосредственно примыкающей к центральной части дворца. В кладовой было обнаружено 82 крупных караса (больших широкогорлых кувшина), врытых до половины в земляной пол.

В одном из карасов было обнаружено 98 чаш, вложенных одна в другую, что обеспечило удивительную сохранность этих изделий. Чаши изготовлены из бронзы, с большим количеством серебра и олова, причем многие из них сохранили не только свой золотистый блеск, но и звон.

Все чаши имеют на дне клинообразные надписи, указывающие на то, что они принадлежали урартским царям конца IX — VIII веков до нашей эры. Так, самая заметная из них, украшенная выступами, имеет

лаконичную надпись: «Собственность Сардура».

Находка большого числа этих замечательных урартских изделий совершенно исключительной сохранности несомненно является редким и счастливым событием в археологии.

РАСКОПКИ В СТАРИЦЕ

Раскопки в Старице (Калининская область), организованные Институтом истории материальной культуры имени Н. Я. Марра Академии наук СССР, являются началом работ по изучению русской материальной культуры мало исследованной археологической наукой поры XIII — XV веков. Выбор Старицы, как первого объекта исследования, определяется тем, что этот город был крупнейшим центром Тверского княжества XIII — XV веков и сохранил почти не разрушенным свое древнее городище с его монументальными валами и рвами.

Разведка культурного слоя городища показала, что поселение здесь возникло еще в XIII столетии.

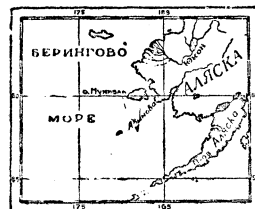
Наиболее интересными памятниками явились открытые экспедицией развалины двух белокаменных храмов: собора Михаила-архангела, построенного в 1398 году князем тверским Михаилом, и маленькой придворной церкви Николая, созданной в 1404 году наследником Михаила князем Иваном Михайловичем.

Третье здание, обнаруженное археологами, — большая приемная, каменная палата — относится к XVI столетию.

От этой палаты сохранились лишь фундаменты; это был большой парадный зал площадью около 120 квадратных метров, включавшийся, по видимому, в состав других деревянных частей дворца. У стен здания было найдено много обломков крупных кухонных горшков, рассчитанных на приготовление больших количеств различных яств, кухонные ножи и другая утварь. Крыша палаты крыта крупной черепицей желтого и черного цвета и была очень нарядной. Те же старицкие гончары изготовили по заказу Грозного красивые ромбовидные плитки черного, желтого и красного тонов, которыми был вымощен древний Архангельский собор.

Кроме названных работ, экспедиция провела разведку культурных отложений по обоим берегам Волги в черте города.

Задачей последующих работ, как сообщает профессор Н. Воронин, начальник экспедиции, производящей раскопки, является более широкое исследование городища и его оборонительных сооружений, являющихся замечательным памятником военно-инженерного искусства того времени.

МЫС АВИНОВА

В Рязанском областном архиве недавно были обнаружены интересные документы русского мореплавателя XIX века, исследователя Аляски, героя Наваринского сражения Александра Павловича Авинова.

Среди документов находится «Формулярный список о службе и достоинстве начальника штаба Черноморского флота и портов контр-адмирала Александра Авинова», составленный в 1837 году и подписанный известным русским флотоводцем М. П. Лазаревым.

В документе имеется запись об участии лейтенанта А. П. Авинова в 1819 году — 130 лет назад — в кругосветном плавании экспедиции капитан-лейтенанта М. Н. Васильева, целью которой было описание северных берегов Америки и отыскание от них прохода в Атлантический океан.

Во время этого плавания, совершенного на русских военных шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный», Авинову было поручено, командуя мореходным ботом, составить описание северных берегов Америки от мыса Невенгам до мыса Дерби. Выполнение этого поручения (1821) было сопряжено с большими трудностями.

Авинов составил описание побережья Аляски от мыса Невенгам до мыса Дерби. Один из открытых Авиновым мысов на побережье Аляски с тех пор носит его имя.

В 1827 году, командуя 84-пушечным кораблем «Гангут», Авинов отличился в истреблении турецко-египетского флота в битве при Наварине.

Отважный исследователь Аляски и герой Наварина, А. П. Авинов — уроженец с. Василево Касимовского уезда Рязанской губернии. Рано потеряв родителей, Авинов десяти лет был отдан своим дядей вице-адмиралом Скуратовым в морской корпус, где встретился и тесно подружился с М. П. Лазаревым. В юные годы они вместе плавали по разным морям света. В Наваринском бою «Гангут» Авинова участвовал в сражении бок о бок с кораблем «Азов», которым командовал Лазарев. Последние 20 лет морской службы Авинов был неутомимым помощником Лазарева по укреплению Черноморского флота и строительству Севастопольского порта.

В. Максимов

Рязань

САРЕЗСКОЕ

ОЗЕРО

А. М. БАХАРЕВ,

действительный член Общества по распространению политических и научных знаний Таджикской ССР

В ночь с 18 на 19 февраля 1911 года, в 23 часа 15 минут по местному времени, в районе Центрального Памира произошло катастрофическое землетрясение. Были отмечены разрушения в Хороге, Шугнанах, Душане, а на озере Кара-Куль вскрылся ледяной покров, и огромные льдины были выброшены на берег. Наибольшей силы землетрясение достигло в долине реки Мургаб, где были разрушены горы, которые засыпали стоящий у их подножья кишлак Усой. Этот так называемый Усойский завал является и поныне самым грандиозным из подобных завалов, имеющихся на земле. Достаточно сказать, что объем переместившейся земли Усойского завала достиг 2 миллиардов 200 миллионов кубических метров, что по весу составляет около 6 миллиардов тонн.

Упавшие в Мургабскую долину обломки скал запрудили горную реку Мургаб. Образовалась естественная плотина высотой 700 — 800 метров и шириной около 8 километров. Воды реки стали быстро подниматься. Весной жители кишлака Сареза, расположенного в 20 километрах от Усойского завала, засеяли свои поля, но не успели снять урожай — вода затопила кишлак. Так образовалось знаменитое ныне на Памире Сарезское озеро, одно из самых молодых озер земного шара.

Первая экспедиция для описания озера была организована в 1913 году. Начальник ее подполковник Шпилько в отчете писал, что длина озера, заключенного в отвесных скалах, достигает 26 километров, а ширина — около 2 километров.

Составив подробное описание нового озера и нанеся его местоположение на карту, экспедиция Шпилько установила, что в Сарезское озеро впадает много рек. Пополняясь постепенно водой этих рек, озеро, расположенное на высоте 3 204 метров над уровнем моря, стало создавать угрозу затопления долин рек Бартанга, Пянджа и отчасти Аму-Дарьи.

Топограф Колесников, побывавший в 1925 году в районе озера, обнаружил здесь огромные перемены, происшедшие за годы после землетрясения.

В первые годы после землетрясения сквозь завал пробивалось лишь несколько небольших ручейков, а в 1925 году из-под плотины вытекала огромная река, дающая начало новому Бартангу. По этому руслу из озера вытекало 78 кубических метров воды в секунду. Поверхность озера, как отметил в своем отчете Колесников, значительно увеличилась.

Другая экспедиция, снаряженная в 1926 году Управлением Среднеазиатского водного хозяйства, пришла к выводу, что предположение о возможности быстрого прорыва вод озера через завал не подтверждается теми научными данными, которые были добыты исследователями за время последующего изучения Сарезского озера. Экспедиция указала, однако, на желательность подробного изучения режима озера, его геологического строения.

С 1936 года в районе Сарезского озера создана и работает высокогорная комплексная гидрометеорологическая станция. В ее задачи входит гидрологическое изучение Сарезско-

го и Шадакульского озер, а также рек Мургаба и Бартанга.

Станция находится на берегу озера и имеет два наблюдательных поста: один при впадении Мургаба в озеро, другой около Усойского завала на реке Бартанг. Здесь, в частности, ведутся работы по изучению деформации завала, вызванной фильтрацией через него реки Бартанг.

Сейчас одна из основных задач станции — исследование Сарезского озера, этого огромного водохранилища, играющего большую роль в регулировании естественного потока реки Аму-Дарьи, орожающей поля Таджикистана. На станции установлены приборы, позволяющие регистрировать незначительные колебания уровня озера. Кроме того, Сарезская станция проводит метеорологические наблюдения.

Сарезское озеро относится к числу завальных озер. Многие озера Памира относились к этому же классу (например, Яшил-Куль, Без-Куль).

Советские экспедиции выяснили, что длина озера в настоящее время составляет около 60 километров, а ширина — около 2 километров. Наибольшая глубина его (около завала) достигает 500 метров. Уровень воды в озере претерпевает некоторые изменения, однако последние не играют существенной роли в общем водном балансе ввиду значительных размеров поверхности озера.

Дальнейшие исследования этого интересного озера помогут использовать его для нужд промышленности и сельского хозяйства автономной Горно-Бадахшанской области, входящей в состав Таджикистана.

„НАШЕ МОРЕ“

Преобразование нашей страны в великую военно-морскую державу повысило интерес к истории русского флота в самых широких слоях советского народа и особенно среди молодежи. В связи с этим возникла потребность в книге, которая могла бы в популярном, живом и занимательном изложении развернуть перед читателем краткую историю нашего флота, рассказать о выдающихся военных победах и научных открытиях русских моряков и воссоздать перед читателем героическую борьбу советских моряков в годы Великой Отечественной войны.

Изданная Военным издательством Министерства Вооруженных Сил Союза ССР «Книга для чтения по русской морской литературе» под названием «Наше море», составленная Е. Д. Вишневецкой, в значительной мере отвечает этой потребности. Она состоит из трех разделов: «Из истории русского флота и мореплавания», «Советский Военно-Морской Флот» и «Моряки в Великой Отечественной войне».

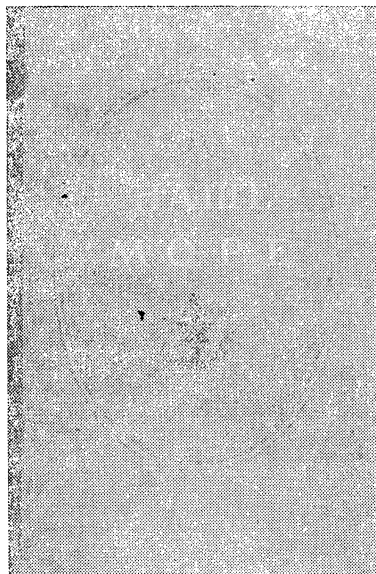
Значительное место уделено в книге — в выборках из произведений русских писателей — прошлому русского флота.

На заре русской национальной истории блистательные морские походы совершили Олег — на Царьград, Святослав — на Оку, Десну и Волгу. В XVI веке мысль о создании флота для укрепления морских границ государства и развития морской торговли возникает у царя Ивана Грозного. Славный военно-морской русский флот, совершающий выдающиеся победы, создает Петр I. Разгром русским флотом шведов при Гангуте в 1720 году явился величайшей победой, сразу выдвинувшей Россию на первое место среди мировых морских держав.

Традиции Гангута были развиты в целом ряде морских сражений русского флота на протяжении XVIII и XIX веков.

На протяжении своей истории русский флот дал целую плеяду выдающихся мастеров военного морского искусства. Нахимов, Ушаков, Сенявин своими победами прослави-

ли русский флот и заняли ведущее место в истории морского дела, значительно превзойдя флотоводческое искусство крупнейших западноевропейских морских командиров. Наряду с блестящим военным искусством русские флотоводцы сделали еще один неоценимый вклад в развитие военно-морской науки — они создали свою собственную оригинальную и глубоко гуманную систему воспитания личного состава флота. Великие русские флотоводцы отличались глубоким внутренним, органическим демократизмом, кровной близостью к нижним чинам и осознанным отвращением к той системе тупой муштры и зверской жестокости, которая насаждалась во флоте царскими сатрапами. С особой полнотой эти черты воплотились в величай-

шем русском флотоводце П. С. Нахимове. В книге совершенно правильно уделено большое место этому замечательному представителю русского флота в интересном очерке генерал-майора Найды «Нахимов как воспитатель русских моряков».

Ряд рассказов К. Станюковича и А. Новикова-Прибоя, приведенных в

хрестоматии, возбуждают в читателе чувство негодования к тушым царским сановникам и глубокое сочувствие к придавленным и забытым, но вместе с тем исполненным внутренне благородства образам русских матросов. Картины быта царского флота делают понятным то деятельное участие, которое приняли русские моряки в революционном движении рабочего класса.

Выдающаяся роль принадлежала нашему флоту в захвате власти рабочим классом в октябре 1917 года. Крейсер «Аврора» громом своих пушек возвестил начало новой эры мировой истории — эры пролетарских революций.

Много ярких, героических страниц вписали моряки в летописи гражданской войны.

Созданный большевистской партией и советским народом, вышедший отеческой заботой великого Сталина, советский флот возвеличил могущество нашего социалистического государства.

Последний обширный раздел книги посвящен участию советского флота в Великой Отечественной войне. Этот раздел представлен целым рядом рассказов Всеволода Вишневецкого, Николая Тихонова, Леонида Соболева, Бориса Лавренива, Алексея Толстого, Валентина Катаева и других, посвященных бесмертным, не имеющим равных в истории мирового флота героическим подвигам советских моряков.

В рассказах А. Серафимовича «Моряк социалистической страны» и Алексея Толстого «Флаг Севастополя» показано, с каким героизмом и невыразимой силой любви к родине бились красные моряки за Севастополь, за честь нашей страны. Стихотворения А. Суркова «С именем Сталина», Лебедева «Создатель флота» дышат любовью к родине, к Сталину. Имя любимого вождя вдохновляет моряков на свершение великих подвигов во имя родины и окрыляет их несокрушимой верой в победу нашего народа.

Враг подступал к стенам наших городов-героев — Севастополю, Одессе, Сталинграду, но с именем великого Сталина на устах советский народ разгромил и отбросил врага. В этой славной победе неоценима роль и нашего Военно-Морского Флота.

Книга «Наше море», в которой удачно собраны лучшие образцы русской дореволюционной и современной советской литературы, посвященной морю и морякам нашей великой родины, займет видное место на книжной полке советской молодежи. Большие патристические чувства и переживания, глубокое понимание величия своей страны и великой освободительной роли нашего народа в мировой истории вызывает книга «Наше море» в читателе.

Е. Шахбазян

ДИККЕНС ОБ АМЕРИКЕ¹

Более ста лет назад выдающийся английский писатель Чарльз Диккенс совершил путешествие в Соединенные Штаты Америки.

Уже будучи к тому времени широко известным писателем, смело обличавшим в своих произведениях буржуазную Англию, Диккенс живо интересовался Соединенными Штатами Америки, стремясь ближе познакомиться с этой страной «подлинной свободы и демократии», какой он видел Америку из-за океана.

Полный оптимистических надежд, пустился он в это далекое и трудное по тем временам плавание, думая найти в Соединенных Штатах политическую систему, более человечную и справедливую, чем в своем собственном отечестве. Однако по приезде его ждало горькое разочарование. То, что увидел Диккенс в Америке, не оправдало его ожиданий, а, наоборот, вызвало в нем гневное и страстное осуждение. «Американские заметки», изданные Диккенсом по возвращении в Англию в 1842 году, — это обвинительный акт против общественного строя и всего образа жизни Соединенных Штатов.

Диккенс в течение полугода путешествовал по городам и штатам Америки, знакомясь с различными слоями американского населения, осматривая всевозможные учреждения, вплоть до тюрем и сумасшедших домов. Он побывал в Нью-Йорке и Чикаго — этих процветающих капиталистических городах, уже тогда знаменитых своими трущобами и тюрьмами. Он поехал в Вашингтон, где посетил конгресс и сенат. Вот что пишет Диккенс об этих правительственных учреждениях Америки: «Я увидел в них колесики, двигающие самое искаженное подобие честной политической машины, какое когда-либо изготовляли наихудшие инструменты. Подлое мошенничество во время выборов; закулисный подкуп государственных чиновников; поощрение и подстрекательство к развитию всякой дурной склонности в общественном сознании и искусное подавление всех хороших влияний; все это, иначе говоря, бесчестные интриги в самой гнусной и бесстыдной форме, глядело из каждого уголка переполненного зала».

Официальные американские круги устроили прославленному романисту пышную встречу, надеясь, что он напишет об их стране восторженную книгу. Мишурой блестящих приемов они стремились заслонить от пытливого взгляда писателя теньевы стороны американской действитель-

ности. Но слишком велико было несоответствие между показным блеском и подлинной жизнью, которой жили Соединенные Штаты. Достаточно было прочесть любую американскую газету, чтобы получить ясное представление, кто и как создает в Америке общественное мнение, чью волю слепо выполняет пресса США. Американские газеты «не брезгают ни клеветой, ни оскорблениями, — с возмущением пишет Диккенс в своих заметках, — срывают крыши с частных домов... сводничают и потворствуют развитию порочных вкусов во всех разновидностях и набирают наспех состряпанной ложью самую ненасытную из утроб». Далее писатель приходит к пророческому выводу, что «до тех пор, пока американские газеты будут представлять собой такое же или почти такое же гнусное явление, как сейчас, нет никакой надежды на сколько-нибудь значительное повышение морального уровня американского народа. С каждым годом страна должна и будет идти вспять, с каждым годом будет понижаться общественное сознание, с каждым годом конгресс и сенат будут все меньше значить в глазах всех порядочных людей...».

Книга Диккенса сильна своей убедительностью. Она ставит читателя перед фактами, которые говорят сами за себя. В главе о рабстве, например, Диккенс приводит объявления, ежедневно публикуемые газетами южных штатов. Комментарии к ним излишни. Вот эти объявления:

«Сбежал негр Мануэль. Неоднократно клеймен».

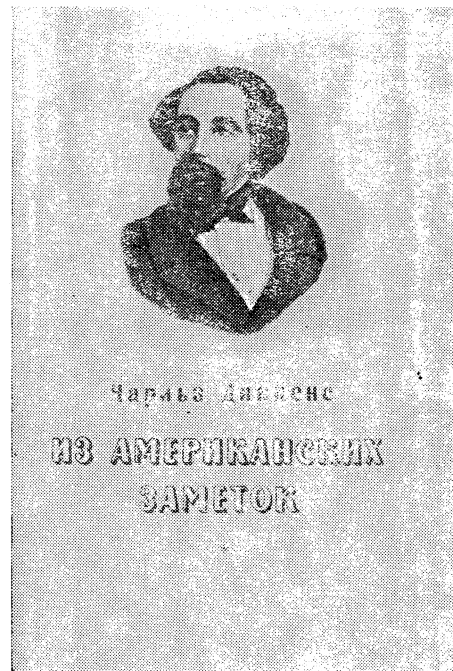
«Сбежала негрятка с двумя детьми. За несколько дней до побега я прижег ей каленым железом левую щеку. Пытался выжечь букву М».

«Сбежал негр Генри; левый глаз выбит, несколько шрамов от ножевых ран в левом боку и много следов от ударов хлыста».

«Пятьдесят долларов награды за негра Джима Блейк. От обоих ушей отрезано по куску, и средний палец левой руки отсечен до второго сустава».

Такие объявления — обычное явление на юге Америки. Негров уродовали, клеймили, секли и травили собаками потерявшие человеческий облик, оличавшие колонизаторы-рабовладельцы. Закон целиком и полностью стоял на их стороне. Так, в Вашингтоне, городе, носящем имя отца американской независимости, любой мировой судья имел право заковать в кандалы первого встречного негра и бросить его в тюрьму. Для этого не требовалось никакого преступления со стороны заключенного. В случае, если у негра не оказывалось хозяина, его продавали для покрытия тюремных издержек.

В результате своей поездки по Соединенным Штатам Диккенс собрал множество подобных документов, изобличающих американских рабладель-

дельцев. Глубочайшее негодование и отвращение писателя вызывали неприкрытое рабство и расовая дискриминация негров и индейцев.

В разделе «Рабство» гневный голос протеста звучит с огромной силой.

Книга Диккенса, написанная более века назад, не потеряла своей актуальности и в наши дни. Она обличает общественный и государственный строй не только Америки прошлого века, но и той Америки, что сегодня тщетно стремится превратить в послушных рабов целые народы.

Ел. Березкина

В 1950 году Государственное издательство географической литературы намечает выпуск книг общим тиражом до 2 400 тысяч экземпляров.

Большое количество книг, выпускаемых издательством, будет посвящено путешествиям и открытиям. Выйдут труды Г. Потанина, И. Крузенштерна, С. Макарова, А. Федченко и других знаменитых русских путешественников и мореплавателей. В новом издании выйдет книга В. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края».

Переиздается выпущенное в двадцатых годах нынешнего столетия

¹ Чарльз Диккенс. Из американских заметок. Государственное издательство художественной литературы. Москва, 1949, 142 стр., цена 2 р. 25 к.

на русском языке «Кругосветное плавание Магеллана». Впервые издается полный русский перевод с испанского книги Христофора Колумба «Путешествия».

По разделу научно-теоретической литературы будут переизданы оригинальные труды наших ученых: «Природа СССР» академика Л. Берга, «Статистические очерки России» К. Арсеньева — крупнейшего ученого первой половины прошлого столетия, впервые обосновавшего экономическое районирование России; «Преобразование пустынь» Б. Семевского — о некоторых итогах работ советских исследователей по изучению пустынь и перспективах их дальнейшего хозяйственного освоения, и ряд других ценных работ советских ученых.

В 1950 году Государственное издательство географической литературы приступит также к изданию новой популярно-массовой серии небольших книг, выпускаемых крупными тиражами (до 100 тысяч экземпляров).

В издании Государственного издательства географической литературы вышла книга Н. Гарина

(Н. Г. Михайловского) «Из дневника кругосветного путешествия». Книга эта написана полвека назад, но сделанные автором описания Кореи, Маньчжурии и Ляодунского полуострова и посейчас не утратили своей ценности. Тем же издательством выпущена книга В. В. Юнкера «Путешествие по Африке».

Издательством Главсевморпути выпущена книга А. А. Окладникова «Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра», а также книга К. Осипова «Штурман Челюскин».

Государственным издательством географической литературы выпущена книга президента Географического общества СССР Л. С. Берга «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней». В книге приводятся материалы, подтверждающие открытие Антарктики русскими мореплавателями Ф. Беллинсгаузеном и М. Лазаревым.

Академия наук СССР приступила к изданию полного собрания сочинений великого русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова.

В новое издание включается несколько сот документов М. В. Ломоносова, не вошедших в предыдущие издания, в том числе ряд статей и заметок научного характера, автобиографические документы и служебные бумаги, характеризующие М. В. Ломоносова как выдающегося организатора русской науки и просвещения в XVIII веке. Многие документы обнаружены в самое последнее время.

Первый том находится в печати и скоро выйдет в свет. Основное содержание тома составляют работы, в которых М. В. Ломоносов впервые в истории естествознания создает цельное материалистическое учение о природе.

В издании Академии наук СССР вышел в свет подготовленный коллективом Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра первый том «Материалов и исследований по археологии древнерусских городов». Собранный в этой книге материал является результатом раскопок, проведенных советскими археологами более чем в 20 старинных русских городах. Он свидетельствует о высоком уровне материальной культуры русских городов в IX—XII веках.

СОДЕРЖАНИЕ

№ 11 НОЯБРЬ 1949

В. Богатырев — Болгарская молодежь в борьбе за социализм	2
Н. Н. Михайлов, лауреат Сталинской премии — В Кузбассе	8
Мих. Ильин-Плесков — Кишлак Чек. Рис. В. Черниговского	12
Мария Майерова — Огненный город. Рис. Д. Бродской	17
Ф. Лавров — Лещман Гмыря. Рис. проф. П. Я. Павлинова	24
С. Безрученко — Несколько дней в Малайе. Рис. В. Алфеевского	28
П. Дружинин — Поездка в Саранск	32
Г. Юматов — Остров страданий	37
Ф. Ф. Талызин, доктор медицинских наук — Через Иран на юг Ирака	41
Н. Устинович — Письмо из Калифорнии	49
А. Елагина — В Яхромской пойме	54

Т. Устинова — Кроноки	58
А. М. Бахарев — Сарезское озеро	61

В мире книг

Е. Шахбазьян — «Наше море». — Е. Березкина — Диккенс об Америке	62
---	----

Хроника. — Письма читателей. — Заметки

В странах народной демократии (7). — В несколько строк (31). — На морях и реках (36). — По нашим заповедникам (40). — Разный банан (48). — Грибы «надберезники» (48). — Две карты Аляски (53). — Находки наших археологов (60). — Мыс Авинова (60).

На обложке в рамке — цветное фото С. Косырева: Делегаты Всемирного конгресса молодежи в Будапеште.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Адрес редакции: Москва, Сушевская, 21. Тел. Д. 3-20-90, доб. 25.

И. о. редактора В. С. Сапарин

Члены редакционной коллегии: Д. Л. Арманд, И. В. Иноземцев, Н. Н. Михайлов, англ. В. А. Обручев, Е. Н. Пральников, Н. А. Солнцева.

Технический редактор А. Губер.

А14208 Подписано к печати 1/XI 1949 г. Бумага 60×92¹/₂. 8 печ. листов по 53 тыс. знаков. Тираж 80 000 экз. Цена 6 руб. Заказ 1863

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сушевская, 21.

ИЗУЧЕНИЕ БАЙКАЛА

Тридцать лет назад, в 1919 году, несмотря на продолжавшуюся еще гражданскую войну, Академия наук положила начало большим работам по постоянному изучению природы самого глубокого в мире озера — Байкал. В селе Большая Коты была открыта Байкальская биологическая станция, впоследствии преобразованная в лимнологическую станцию.

Байкал давно был в поле зрения русской науки. Так, например, в 1870 году Н. Н. Миклухо-Маклай, изучая байкальские губки, открыл, что

некоторые виды их почти тождественны губкам Тихого океана.

Пять лет назад, в 1944 году, были подведены итоги исследования Байкала силами советских ученых.

На Байкале работали зоологи, биологи, географы, палеонтологи, картографы. Небольшое экспедиционное судно «Чайка» в течение только первых четырех лет работы избороздило воды Байкала во всех направлениях, проделав свыше 16 тысяч километров. К 1944 году была составлена точная карта байкальских глубин, изучены законы образования глубинных впадин, открыты новые виды растений и живых организмов. Ученые исследовали ледяной покров Байкала.

К этому же году было издано около 1 000 научных работ Байкальской экспедиции Академии наук СССР и лимнологической станции. Несколько лет назад в Ленинграде открыта специальная лаборатория озераведения с собственной станцией на берегу Байкала.

Еще 125 лет назад, в 1824 году, русский полярный исследователь Ф. Врангель, вернувшись в Петербург, заявил о существовании неизвестной земли к северу от Чукотского побережья.

В 1911 году корабль «Вайгач» впервые обошел остров Врангеля и поднял русский флаг над новой полярной землей. В 1916 году остров был объявлен территорией России.

Но, начиная с 1921 по 1924 год, канадские авантюристы и «хозяин» Аляски американский капиталист К. Ломей, по кличке «Олений король», стали делать наглые попытки захвата острова Врангеля. Некому Аллану Крауфорду удалось высадиться на острове, который он попытался объявить «частью Британской империи». Крауфорд вскоре покинул остров, бросив на произвол судьбы двух соучастников своей авантюры.

В 1923 году на острове Врангеля появился отряд Узелса. Он начал хищническое уничтожение песцов, белых медведей и моржей.

И тогда, четверть века

назад в 1924 году, канонерская лодка «Красный Октябрь», пробились сквозь тяжелые льды, подошла к острову Врангеля и изгнала хищников с советской земли.

Начальник похода Б. В. Давыдов, укрепив на каменном подножье высокую мачту, поднял над островом Врангеля государственный флаг СССР.

Канонерка-ледокол «Красный Октябрь», несмотря на тяжелейшие условия плавания, прошла Берингов пролив и в том же 1924 году возвратилась во Владивосток. Через два года на острове поселились первые советские зимовщики. Начальником острова был назначен Г. А. Ушаков.

Двадцать лет назад, в 1929 году, на остров Врангеля была доставлена уже вторая партия советских зимовщиков под начальством А. И. Минеева. Этот отряд был смещен в 1934 году.

Отрядам Г. А. Ушакова и А. И. Минеева принадлежит честь первичного исследования и освоения советского острова Врангеля. А. И. Минеев является автором интересной книги «Остров Врангеля».

ПЕРЕЛЕТ «СТРАНЫ СОВЕТОВ»

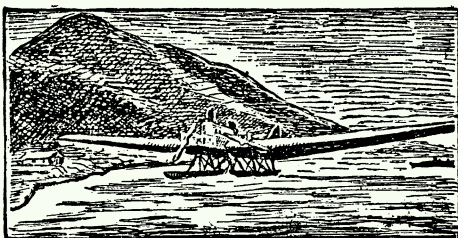
Двадцать лет назад, в 1929 году, был совершен перелет гидроаэроплана «Страна Советов» из Петропавловска на Камчатке в Ситкл (США). На борту самолета находились Шестаков, Болотов, Фуфаев, Стерлегов.

«Страна Советов» делала посадку в бухте Чичагова на Атту (Алеутские острова), где самолет был встречен жителями острова.

Советские летчики побывали на острове Уналашка, где когда-то находилось большое русское селение. В городе Сьюарде (Кенайский полуостров) на Аляске, которой Россия владела до 1867 года, их встретили потомки русских.

Мимо гор Три Брата и исполинских ледников залива Якутат самолет направился к городу Ситка (б. Ново-Архангельск). Там советские авиаторы смогли ознакомиться с богатыми следами русской культуры на Аляске. Переводчиком при советских гостях был А. П. Кашеваров, хранитель Аляскинского исторического музея, потомок русских первооткрывателей северо-западной Америки. Он хранил русские книги и рукописи XVIII — XIX веков.

Из Ситки самолет взял курс на Ситкл, где сделал посадку на озере близ города.

АРХИВ Г. В. ЮДИНА

Десять лет назад, в 1939 году, были найдены остатки библиотеки и архива Г. В. Юдина в Красноярске.

Г. В. Юдин, выходец из Костромской губернии, составил редчайшее по своему богатству собрание книг и рукописей.

Библиотека Юдина славилась далеко за пределами Красноярска. Известно, что во время своей сибирской ссылки этой библиотекой пользовался В. И. Ленин. В 1907 году книжное собрание Юдина было продано за бесценок правительству Соединенных Штатов Америки.

Однако явилось предположение, что некоторые рукописи, принадлежавшие Г. В. Юдину, остались в Красноярске.

В поисках этих ценнейших документов принял участие старейший архивный работник Сибири С. Мамаев. В итоге розысков был обнаружен так называемый «Тихоокеанский» архив Юдина. Материалы ар-

хива в основном относятся к истории деятельности русских открытателей на Тихом океане: Г. И. Шелехова, И. А. Кукова, А. А. Баранова. Ряд редких рукописей посвящен описанию первого похода русских кораблей вокруг света под начальством Н. П. Резанова и И. Ф. Крузенштерна. Особую ценность представляет опись деловых бумаг Н. П. Резанова, умершего в 1807 году в Красноярске по возвращении из кругосветного похода.

В архиве Юдина были обнаружены также дневники русских исследователей XIX века, изучавших Чукотку, Камчатку, Охотский край, Алеутские острова, Аляску, Северную Калифорнию.

Архив Юдина, найденный в 1939 году, является одним из самых ценных собраний документов о «Колумбах Российских».

Составил Сергей Марков
Рисова В. Чернецов

**ВКЛАДЫ В СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ
СПОСОБСТВУЮТ ВОССТАНОВЛЕНИЮ И
РАЗВИТИЮ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР**

**СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ
КАССЫ:**

ПРИНИМАЮТ и ВЫДАЮТ
их по первому требованию
вкладчиков;

ПЕРЕВОДЯТ вклады
по желанию вкладчиков
из одной сберегательной
кассы в другую;

ВЫПЛАЧИВАЮТ вкладчи-
кам доход по вкладам.

**ВНОСИТЕ ВКЛАДЫ
в сберегательные
КАССЫ!**

